

ЛУКИЧ

октябрь 2003 2

В выпуске:

А вот о Галкине собственно художнике известно меньше всего. Алексей Григорьевич, как и все ему подобные люди, с молодости проявлял рвение ко многим искусствам, играл на мандолине, сочинял песни и даже стихи — есть упоминания о некоей тетрадке, которую он «мало кому показывал»

Ф. Карандей. Миф о художнике Галкине

наш вернисаж

С тех пор как он выбился в люди, а народная молва стала связывать его имя с трагедией в К-й тюрьме, стоившей жизни арестанту, обвинявшемуся в фабрикации фальшивых билетов, он боялся покушений на свою драгоценную жизнь. Дома дожился почивать не иначе, как удостоверившись, что все окна закрыты ставнями на болты.

Байкалов. Поездка самодура в столицу

текст- раритет

Позже он был принят в губернскую гимназию, где с 30 января 1840 года преподавал закон Божий. Примечательно, что обучал закону Божьему и будущего знаменитого химика, а тогда гимназиста, Д.И. Менделеева и ставил ему посредственные оценки.

Н. Коньков. Иван Николаевич Юшков

книга в журнале

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

107 78

26.89 (2Рос - 4Тюм) 184

ЛУКИЧ

октябрь 2003 2

Журнал издается с июня 1998 г. Периодичность — 3 раза в год

Учредитель
Ю. Мандрика

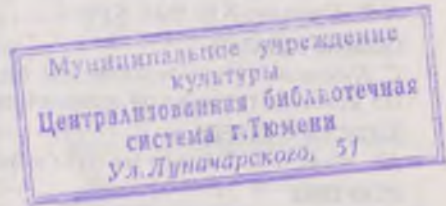
№2 (26)

Издатель
ООО «Издательство
Юрия Мандрики»

Главный редактор
Ю. Мандрика

Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84

e-mail: mandrika@tmn.ru
http://www.tmn.ru/~mandrika

Сдано в набор 15.05.2002.
Подписано в печать 13.11.2003.
Формат 60x84/16.
Гарнитура «TimesET». Офсетная печать.
Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. 13,48.
Тираж 200. Заказ №2941.

Корректор М. Дистанова
Оператор ПЭВМ Н. Нохрина,
Д. Никифоров

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зураульс».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

65601-2

Оглавление

ДАТЫ НАШЕГО КАЛЕНДАРЯ

- Ю. Мандрика.* Пять лет жизни города
в газетных подшивках (*Продолжение*) 3

ИЗ БЛОКНОТА КРАЕВЕДА

- С. Белов.* Тюменское общество научного изучения
местного края в 1920-е годы (*Окончание*) 13

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

- Н. Коньков.* Иван Николаевич Юшков 54

НАШ ВЕРНИСАЖ

- Ф. Карандей.* Миф о художнике Галкине 96
Автобиография Галкина Алексея Григорьевича 96
Каталог работ А.Г.: Из собрания Тюменского
краеведческого музея 106

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

- Байкалов.* Поездка самодура в столицу (*Окончание*) 108
Байкалов. Рождественский сон самодура 121
Байкалов. Новый курс самодура 131
И.Я. Словцов. Кто был Кучум 138

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

- С. Кубочкин.* «Полезнейшее для города учреждение»:
Из истории тюменской женской гимназии (*Окончание*) 141

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

- Ю. Мандрика.* Зигзаги на пути к биографии журналиста 157

ИЗ АРХИВА

- Материалы к биографии Е. Кузнецова 161

РЕСТИТУЦИЯ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

- Е. Кузнецов.* Кто были первые строители Тюмени:
Генсалогическая заметка 176

КУРИЛКА «ЛУКИЧА»

- Ю. Мандрика.* Что раньше? Курица или яйцо? 180

СООБЩЕНИЯ

- В. Темплинг.* Н.М. Чукмалдин
и тюменское старообрядчество 184
Ю. Зотин. Тайбуга: чужой в стране чужих: Версия 191
Е. Панишев. Сибирские присловья 202
А. Захаров. Лицом к океану 204
Н. Коньков. Лучшие хозяева — хлеборобы 208
А. Чернышов. Кто же был «на часах»
в ночь убийства Распутина во дворе Юсуповского дворца? 214

TRIVIA

- Эхо «Окрика...» 220
Суета вокруг «Лукича»: Родственники П. Буцинского
знают теперь о нем больше 222
Я и великие: Из серии «Почти анекдот»:
Козлова против Чупина 224

Пять лет жизни города в газетных подшивках*

Сохранившиеся подшивки в центральных хранилищах — РГБ, РНБ, БАН — не дают ответа на вопрос: выходило ли издание в начале 1914 г.? Все переплеты начинаются листками телеграмм странного формата, потому что каждый выпуск известий с фронтов имел различный размер. 10 апреля выпускался уже №172. В нем сообщалось: «В Карпатах австрийцы в течение 7 и в ночь на 8 апреля пытались атаковать наше расположение».

31 мая «Телеграммы из штаба Верховного Главнокомандующего» вышли на шафранового цвета бумаге. Большим кеглем издатель выделил в тексте: «Все-

*По «Ермаку» военных лет
можно было изучать географию
«Европы»: так много карт
боевых действий печаталось
в издании (8.05.1914)*

го взято в плен 348 офицеров и 14431 низших чинов, захвачено 78 пулеметов и указывавшиеся уже раньше 17 орудий». Война только начиналась, а рапорты

Продолжение. Начало см.: Лукич. 2002. №2. С. 3–8; №3. С. 3–12; №4. С. 3–11.

Публикация данных заметок несколько затянулась. И хотя редакция журнала дважды уже обещала «Окончание следует», оно не попадет на стол к читателю и нынче: слишком обширен материал, да и к тому же недоступен массовому читателю, чтобы говорить о нем кратко. Если кто не помнит, чем закончился сюжет, попробуем проговорить его еще один раз: «Ермак» к окончанию 1913 г. в своем развитии подошел к логическому завершению: все, что можно было рассказать о Текутьеве, афромеевское издание уже рассказало. Финал был многообещающим: издатель считал, что «Ермак» свою задачу выполнил и с последним номером 1913 г. должен был начать новую жизнь: выходить по мере накопления материала... Что было дальше — см. текст выше!

пытались иметь бравурную тональность. Но для провинции война где-то уже становилась фоном, на котором протекала жизнь без выстрелов. Может, поэтому между телеграммами издатель уже помещал объявления о лотерее «Аллегри», по которой вполне можно было выиграть рояль или дойную корову. Для хозяйства то и другое могли согдаться одинаково, ибо кусок тюменской жизни глазами ермаковских телеграмм был жудко (через «д», оно отрезвляет и сегодня) обыкновенным на фоне военных сообщений: в приказчиьем клубе гулянье, любителям пения — хор, а 31 мая бега.

События на фронте развиваются стремительно. 23 июля издание сообщает: «С сегодняшнего дня будем выпускать телеграммы С.-Петербургского ТА три раза в день не типографским, а литографическим способом. Цена отдельной телеграммы 5 коп.».

И только 28 июля 1914 г. телеграммы приобретают вид прежнего «Ермака», печатающегося типографским способом¹. Правда, пока только с одной стороны бумажного листа.

В подшивке Российской национальной библиотеки сохранился вечерний выпуск (№15) от 28 июля с редакционной рекламой: «Телеграммы ПетА выпускаются нами немедленно:

ночные — утренним выпуском литографическим способом, всегда к 9 часам утра, ранее выпуска телеграмм других изданий на 3—4 часа; телеграммы получают утром — выпускаются к 12—1 ч. дня, а дневные телеграммы входят в вечерний выпуск «Ермака». Таким образом наши читатели знают новости на несколько часов ранее».

Германия объявляет войну России. Государь император повелел 26 июля созвать Государственную думу и Государственный совет. И пошел неторопливый рассказ о войне. О том, как германский посол граф Пурталес 19 июля в час ночи явился в Министерство иностранных дел и вручил разбуженному ото сна министру иностранных дел Сазонову С.Д. ноту:

— Итак, это война?

— Нет, — ответил германский посол, — это еще шаг от войны (№15 (вечерний выпуск). С. 1).

Колонки телеграмм, дела в Государственном совете. И где-то там, на четвертой странице, если есть таковая, две—три информации по две—десять строк каждая из местной жизни: традиционный хор в приказчиьем клубе, бега на ипподроме с тотализатором и предупреждение населения, что жизнь в связи с войной может ухудшиться. И так изо дня в день. Разве что между

¹ Сохранилось приложение к газете «Ермак» за 1914 г. с №2—12-й. Не исключено, что один из номеров обозначает номер приложения, а второй — самого издания. Указан адрес редакции: ул. Царская, дом наследников Гилевых.

очередными номерами в переплете проложен утренний выпуск телеграмм, отпечатанный на бумаге иного цвета.

Появляются почти в каждом номере статьи П. Рогозинского: «Дипломатическое поражение Германии», «О вступлении русских войск в Галицию», «Двойная игра»... И как перспектива выхода из ситуации пожелание автора, адресованное скорее в никуда: «Германии было бы всего благодарнее принять предложенное президентом Соединенных штатов посредничество», «Будем надеяться, что эта искони славянская земля будет наконец свободной», «Россия не может оставлять выход на мировой рынок в руках «доброй соседки» (Турции. — Ю.М.), у которой на всякий случай запрятан камень».

И лишь к №24 издатель созрел напечатать обоснование политики исчезнувшего издания: «Осознавая свои обязанности перед сибирским обществом, редакция «Ермака» при наступлении дней мирового значения немедленно возобновила издание газеты». На календаре стоял август. Миг длился больше полугода...

Печатаются карты и карикатуры на врага, оглашаются антивоенные агитки П. Рогозинского: «И все эти ужасы совершаются людьми страны Шиллера, Гете и др., которыми гордится весь мир». А на четвертой странице — все те же тюменские будни: недели че-

рез две будут открыты винные лавки, а немного ранее придет цирк Коромыслова (1914). Кажется, газета как индикатор общества четко зафиксировала новый ритм жизни, уже не такой экстремальный, как в начале военных событий в Европе. Начали появляться публикации: ликбез «Как адресовать в действующую армию», стихи типа «За правое дело» и даже объявления «Нужны на жалованье мальчишки».

На фронтах русские войска все лучше сражаются, а «Ермак» все круче занимается организацией единого информационного пространства (прошу прощения за неологизм, но сущность явления та же. — Ю.М.): с 8 августа газета «будет рассылаться 2 р. в день во все поселения Тюменского уезда» (№35, вечерний вып.). Через три дня, с 10 августа, организована рассылка «Ермака» уже и в Ялуторовский уезд.

Город начинает готовиться к выборам. П. Рогозинский декламирует свою поэму: «Россия желает одного: мирной, культурной работы не только для себя, но для всего человечества. Никаких завоеваний нам не нужно. Мы боремся за мир для всего мира». До сих пор для нас, совков, все эти слова свежи и пахнут вечно типографской краской.

Но на очередном важном совещании (очевидно, в канун городских выборов), решавшем

вопрос об открытии продажи вина, П.А. Рогозинский указывал на то, что «теперь рабочие ожили, прекращение пьянства внесло свет и счастье в семьи рабочих. Победить врага может не пьяная Россия, а трезвая». По-прежнему много карт, они печатаются второй краской. Систему применения цвета отследить не удалось. Все, наверное, зависело от ее наличия.

Понемногу разрастается отдел местной жизни, иногда уже он занимает почти всю четвертую полосу. Судя по газетным публикациям, в городе циркулирует слух о появляющихся над Тюменью аэропланах типа Цепелин. Кое-кто слышал даже шум пропеллера. Полиция стала отслеживать аэропланы. «Два из них были задержаны». Это были большие бумажные змеи.

Отъехал Распутин в Петербург. И начали на полях убирать хлеб.

Назначены торги недвижимого имущества А.А. Благинина (на 27 авг. 1914 г.).

На страницах «Ермака» начинают появляться рассказы о войне. В них — о недостатке провианта у немцев, о психологии противника при рукопашном бое. Начинаются пожертвования семьям воинов. Деньги собирают через местное отделение Красного Креста. Текутьеву широкий жест обошелся в 1000 пудов ржаной муки. Печатается в газете М. Пришвин с «Обрадованной Россией».

Фронт все так же далеко. Все так же заседает городская дума, на которой рассматриваются вопросы «о плате за пастьбу скота», «об отдаче в аренду места на гостинодворской площади» А.Г. Антонову для постройки фотографического павильона, «заявление врача А.С. Гасилова об увольнении его от должности».

Рассказы раненых офицеров изобилуют ужасающими подробностями. Бывший ученик Александровского реального училища Вячеслав Крыжановский в атаке на австрийцев зарубил двоих и застрелил одного. При этом «не будучи сам раненым. Герой».

В бывшем доме Попова Торговый дом И.П. Колокольникова устраивает на свои деньги лазарет на 50 раненых. Гастролирует омский театр с пьесой Трахтенбурга. Через Тюмень на Ямал поехал К.Д. Носилов: ему удалось разыскать старинный новгородский путь из европейской части в Сибирь.

Снова призывают новобранцев. Приказом г. начальника Тобольской губернии П.А. Рогозинский назначен страховым агентом 2-го участка Тюменского уезда.

Первые пленные в городе появятся 6–7 сентября. Их ожидается около 6000 чел. Они будут размещены в казармах, в здании ипподрома, на Жабынском заводе, на заводе г. Собенникова и в летнем помещении приказчицкого клуба.

Шайчики пытаются расторгнуть договор с клубом: отапливать помещение, особенно когда оно пусто, невыгодно. Появляются мысли оформить развод по суду.

Начинают циркулировать слухи о временном прекращении следования сибирского экспресса.

Пленные получают от казны: обер-офицеры по 50 руб. в месяц, а штабс-офицеры по 76 руб. Дума выделила 10000 руб. из городских средств для приспособления помещений для пленных. Создана комиссия (К.А. Плишкин, А.П. Шитоев, Н.И. Беседных, Г.Е. Иванов, Д.Г. Войнов и К.П. Чакин) для разработки вопроса об укреплении берега р. Туры «трудом пленных». Разработан даже интересный проект, как это сделают пленные с помощью обыкновенного хвороста. Начали рыть канавы под фундамент хирургического отделения при больнице (Текутьев).

Прибыли пленные. «Австрийцы в партии преобладают, из них много чехов, есть мадяры, боснийцы, поляки. Некоторые сдались в битве у Замостье».

Из всех видов спорта в городе можно наблюдать один — ипподром. Под рубрикой «спорт» газета пишет только о лошадях.

Граждане города изъявляют желание «принять на полное содержание» двух легко раненных (Отто Иванович Штольц), пожертвовать «110 руб. на обо-

рудование кровати в госпитале» (Жернаков Василий Лаврович).

Начинается чернильная война между газетами. В «СТГ» назначены торги на 55 число. Крылов, конечно, сказал при этом добродушно: «Фу ты, дьявол».

Из Петербурга прибыл пресвященный Варнава.

Пленных решили задействовать на полевых работах по уборке хлеба в окрестных деревнях. Тюменское общество правильной охоты назначило «облавные охоты на зайца на 21 сентября в селе Утяшевом».

Снова запрещена продажа крепких напитков, включая виноградное вино и пиво. Исключение сделали для клуба и трактирных заведений.

К. Чакин сожалеет, что «город не может воспользоваться даровым трудом военнопленных для основательного укрепления берега».

Продажа дома Воробейчиковой.

Гл. упр. Красным Крестом приобретаются у А.М. Рылова 30000 полушубков для армии с приемкой в Тюмени.

Появляются девичьи частушки, записанные Василием Князевым в д. Ламасари Новоладожского уезда:

Вари, матушка, яишню,
В город-Галич Шурке вышлю,
На десяту батарею
Ста яиц не пожалею.

Дождик, лейся, дождик, лей
На меня и на людей;

На солдатика мово
Не капай разу одного.

«Петроград, 29 сентября. Морской генеральный штаб сообщает, что 27 сентября в Балтийском море было обнаружено появление неприятельских подводных лодок...»

П. Рогозинский вместе с читателями отметил 100-летие дня рождения Лермонтова: «Его... произведения всегда будут светочем нашей жизни и будят лучшие чувства в душе человека».

С 1 октября снова начали торговать пивом. Газета убеждена, что изменилось много в жизни, а пиво не менее губительно нежели вино.

П. Рогозинский свое мнение по этому поводу выразил в статье «На всегда» (орфография газеты) от 9 октября: «Пивные лавки в том виде, как они существовали, несомненно будут закрыты и число их будет ограничено. На видном месте должно быть поставлено устройство народных клубов, общедоступных спектаклей, кинематографов и т.д. Только тогда к пивному ларьку зарастет народная тропа».

Как видим, информационный голод залушало пиво. Его наличие или отсутствие. Для правдоподобности знакомой ситуации, по-моему, не хватает только интонации Жванецкого...

На четвертой странице тема пива — разрешат или нет?

Отец Иоанн из с. Велижанского готов заняться заготовкой белья на нужды тюменских госпиталей.

В энный раз снова рассказ офицера о том, как они вчетвером ходили в разведку. Некто Белов: «Я увидел его лицо, бледное, усталое, и оно поразило меня тем глубоким спокойствием и безразличием, которыми светились его глаза:

— Сдавайся! — вполголоса крикнул Карасенко, хватая за руки сидящего австрийца».

Тобольский депутат А.С. Суханов занимается организацией «санитарного поезда Тобольской губернии» на 35 коек, который будет перевозить раненых от Варшавы в Москву.

Ежемесячно появляются отчеты Тюменского отдела общества повсеместной помощи воинам и их семьям. В сентябре в кассу поступило 2992 руб. 96 коп.

Городская дума выделяет 1000 руб. на санитарный поезд Тобольской губернии и 1000 руб. «на вспомоществование населению польских губерний».

В №172 от 19 октября А.М. Афромеев разразился статьей в адрес г. Тихова¹, редактора «Серьезной газеты» — «ВЗС». По мнению издателя, газета «Вестник Западной Сибири» «была создана исключительно для привлечения частных заказов в типографию издателей... Газета ле-

¹ Тихов Иван Александрович родился 3 марта 1879 г. Учился в Томском технологическом институте (1899–1904?). Состоял на службе в г. Челябинске. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф.152. Оп. 36. Ед. хр. 33. Лл. 77, 99 об.

тит в «пропасть», розничная продажа потеряна, подписчики уходят... Даже обещание выпускать ежедневно телеграммы Петроградского агентства и продавать их по 3 коп. «Вестник» не выполнил». (Выпуск телеграмм был прерван на 3–4-м выпусках)...

Мало еще выпускать большой лист бумаги, запачканный типографской краской, воображая, что издаешь «большую серьезную газету», необходимую Тюмени...

Лучше бы торговал ситцем или мукой в Ялуторовском уезде, чем переводит «молодцев» из деревенской лавочки, в умытых и непричесанных, в великий храм печатного слова.

Им здесь не место, они уйдут, ибо предсмертные вздохи умирающего в младенчестве «Вестника» от кратковременного и тяжелого редактирования г. Тиховым уже ощущаются его читателями».

Здесь же А. Афромеев общается читателю, что псевдонимы Мефисто и Сапитон принадлежат г. Тихову.

Понемножку возрождается отдел объявлений. Все так же Афромеев предлагает бесплатные уроки (гитара).

Письмо обывателя не нашло места в «ВЗС». Его публикует «Ермак»: «П.Н. Кузнецов и его товарищи 18 чел. пожертвовали 14 рублей на раненых, а наша лепта не попала в отчет». Для А. Афромеева публикация стала розгой, которую он уро-

нил на спину издательницы Кузнецовой: «Можно работать и дважды по пятнадцать лет, но все же оставаться печальной неизвестностью, таков удел и г. Тихова» (№177 (24 окт.). С. 4).

Первое известие о похоронах на кладбище ратника ополчения. А вот фамилия его не названа.

В городе наступил дровяной голод. И тут как тут П. Рогозинский: «Выразим глубокую уверенность, что наша городская управа сделает все, чтобы избавить население от разоряющего нас дровяного голода».

С ноября вновь запрещена продажа водки, вина и пива во всем Тюменском уезде, в т.ч. в клубах и ресторанах.

Прибыла большая партия пленных, свыше 2000 чел.: «Когда головная часть подходила к казармам, хвост ее еще был на половине Царской».

Всеми любимая в гимназии Юлия Маевская покончила жизнь самоубийством. «Неудовлетворительные баллы сразили ее жизнь... Бесцельность пятибалльной несуразности ...»

Образец прощального слова: «Не буду тревожить и память. Пусть мирно почивает он и ласково лежит над ним родная земля». Нам бы не грешно поучиться у них, чтобы говорить у свежевырытой могилы...

Число пленных достигло 5784 ч., офицеров 30 (№212 от 9.11.1914).

Афромеев в новой полемике с Тиховым: «Ему остается один выход: отрясти прах свой от земли тюменской так же, как он сделал это в г. Челябинске».

Н.И. Беседных проводит предвыборные собрания, на которых организует обсуждение кандидатур, предлагаемых в гласные будущего состава городской думы.

П.И. Никольский поздравил А.И. Текутьева по случаю 50-летия его самостоятельной торговой деятельности.

Редакция предостерегает читателей от избрания в гласные К.А. Плишкина и Н.А. Беседных. Приводится список кандидатов.

В аптекарских магазинах иссякли запасы бензина — бензиновый голод.

Напечатана статья *Домовладельца* «К предстоящим выборам». В ней высказывается мнение против избрания в гласные А.А. Крылова и любителя-спортсмена П.А. Брюханова.

Опубликован список кандидатов в депутаты, предлагаемый демократической партией. В нем есть и Текутьев, и Беседных, и Крылов, и Плишкин, и Rogozинский...

В городе остро встает проблема размещения пленных. В Тюмени находятся 6230 пленных. Чрезвычайное заседание думы. Требуется найти помещение для размещения пленных в пределах возможности, причем никакие отговорки не будут

приняты. Вообще в Тюмени и уезде можно расположить не более 16 тыс. пленных.

23 ноября П. Rogozинский подводит итоги в «Четырех месяцах войны»: «Уверенность в победе над врагом, в окончательном крушении германского милитаризма непоколебима».

Благотворительность, сборы вещей, отчеты о благотворительности... Очень редко публикуется информация из деревень Тюменского уезда.

«ВЗС» обнаружил ошибку в телеграмме, помещенной в «Ермаке», и Мефисто тут же написал «В погоне за пятаками». Отныне у Афромеева особое развлечение: выискивание в «ВЗС» стилистических всплесков типа: «Эта причина затрудняет преступление к официальным сообщениям проверив в приводимых немцами». «Вашему детищу, — говорит редактор «Ермака», — наиболее подходит называться «Ванькина литература».

Редакция «Ермака» отправляет телеграмму ЕИВ Великому князю Николаю Николаевичу: «...поздравляем с рядом блестящих побед».

Пойман в Перми 12-летний Костя Александров, родители которого живут в Тюмени. Он ехал на войну: «Все равно убегу!». Прибыл в г. Тюмень губернатор А.А. Станкевич.

Подарки в армию, помощь раненым, подарки воинам — 30 мешков с сахаром, табаком, орехами и конфетами...

В «Злобе дня» П. Rogозинского сообщается «приговор схода Фоминской волости Тюменского уезда, решительно высказавшегося за запрещение продажи... навсегда <...>. Г. Беседных находит малоубедительными «громкие фразы» о переживаемом историческом времени» (№№271–272).

Продолжаются газетные распри между Афромеевым и Тиховым: последний тайно от Петербургского агентства продолжает выпускать агентские телеграммы.

Новинка. Появилась реклама на полях. Т.е. на газетной полосе существует проблема места. А может, все-таки пижонство?

Текутьев вновь пожертвовал 500 пуд. крупчатки для семей лиц, призванных на войну. Среди военнопленных 180 больных. Они находятся в городских лазаретах.

Пчеловоды учатся разводить пчел по способу доктора Раковича...

«Союзные державы, сплоченные единопдушием и глубокой верой в окончательную победу над врагом мира, права и справедливости...». Наверное, уже не надо и говорить, кто написал такие правильные слова. И заголовок соответствующий: «Пять месяцев войны».

Маскарады на рождественские праздники не разрешены. В великий день Рождества Христова отпечатана двухкрасочная газета.

Тюменское уездное по воинской повинности присутствие извещает ратников, что интенданство лишено возможности снабдить всех бельем, сапогами, теплыми вещами «и чтобы принесли с собой лучшего качества, за что им будет уплачено».

Прием молодых людей на службу назначен на 3 января 1915 г.

Уже в первом номере в новом году газета акцентирует: «выходит два раза в день». И передовая П. Rogозинского с бравурным: «И наступивший 1915 г. будет той гранью, за которой начинается обновленная жизнь».

Награжден почетный смотритель Тюменской школы ремесленных учеников им. А.И. Текутьева Текутьев орденом св. Анны 3 ст.

В Спасском приходе состоялось собрание по случаю отказа А.И. Текутьева от звания церковного старосты.

Некролог А.И. Смельницкой, умершей на 83-м году (дочь бывшего городского головы Иконникова).

Вернулся из Петрограда гласный городской думы г. Плишкин. Его поездка была успешной. Удалось заключить договор о поставке машин для водопровода (№№25–26).

Как и в 1912 г. перед кончиной антитекутьевского «Ермака», издание выходит под двойной нумерацией. Первый номер обозначает утренний выпуск телеграмм, второй — ве-

черний, в котором утренние телеграммы практически полностью повторяются.

Из курьезов «паркетной газеты» (так Афромеев стал величать «ВЗС»): «Когда пироги пекут сапожники, а газеты редактируют гг. Тиховы, то неудивительно, что с городской лесопилки немцы стреляют разрывными пулями, да еще по нашей позиции на Бзуре».

О распоряжении Светлейшего Синоду: снести пристройку к Спасской церкви. «Ермак» перепечатывает из «СТГ»: «Тобольская духовная консистория передала план на рассмотрение тюменскому городскому архитектору, тот нашел, что «план составлен правильно».

Снова перепечатка из «СТГ»: «Г-жа Кузнецова, приобретшая газету от Брюханова, не оправдала последнего срочного платежа, и газета вместе с типографией переходит снова к г. Брюханову. Такое положение объясняется тем, что во время редакторства г. Тихова «ВЗС» потерял свыше 1000 подписчиков» (№№ 38–39. 23 янв.).

Письмо литератора Г. Колмогорова со стихами:
Я словно проснулся от долгого сна.
Повеяло прошлым...

Безбрежную ширью.

Я мысленно снова с родною
Сибирью,

И в сердце на миг

воцарилась весна.

Снова досталось «паркетной газете» в «Маленьком фельетоне «под Дорошевича». «Ермак» находит, что ерничанье в «ВЗС» «как в лавке, где хозяин пишет «2 пу. 7 фу.». Уж сильно незначительный прокол у газеты, чтобы писать по этому поводу фельетон.

Рассказ А.С. Грина «Разведчик». Рассказывают, что П. Рогозинский был женат на племяннице писателя.

«Вестник все стерпит, даже г. Тихова» (№№ 61–62).

Еще одно стихотворение, на этот раз некий (некая) Эканель с «Пленными в Тюмени»:

На Севере диком,

в холодной Тюмени

Фриц пленником мирно сидит,
Ест жирные за обе щеки пельмени,
А после сном праведным спит.

И снятся ему,

что в отчизне далекой,

В том крае, где Эльба шумит,
На зубках у Эльзы его светлоокой
«Военный хлеб» грустно хрустит.

Иногда и сам Алексей Максимович выступает с разоблачительными статьями в «Ермаке». Одной из таких публикаций стали «Тюменские герои».

Окончание следует

БЕЛОВ Станислав Леонидович родился 25 сентября 1974 г. В 1996 г. окончил исторический факультет ТГУ, защитив дипломную работу по теме «Становление яхвистской традиции и её корреляция с движением пророков бога Яхве». С ноября 1995 г. — научный сотрудник Тюменского областного краеведческого музея. Участник и организатор ряда историко-бытовых экспедиций. Автор публикаций по истории еврейской общины, сталинских репрессий, театра, промышленности, краеведческого движения и массового сознания 1920-х гг. Постоянный автор «Лукича». Один из авторов «Фальшивого Лукича» (2003).

Тюменское общество научного изучения местного края в 1920-е годы*

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник 11 февраля в 7 часов вечера состоится очередное собрание членов общества. Повестка дня: 1) Выборы правления и доклад ревизионной комиссии, 2) Установление размера членских взносов на 1923—1924 гг., 3) Доклад М.Ф. Протопопова²¹ «Народное просвещение на Крайнем Севере б. Тобольской губернии», 4) Текущие дела.

*Трудовой набат. 1924.
10 февр. С. 4.*

* * *

В о-ве изучения местного края
Западно-Сибирская экспедиция

В академических кругах и в научных обществах Сибири участие Западно-Сибирской экспедиции Академии наук и гео-

графическо-го о-ва, отправившейся минувшим летом на р. Пур через Ага-

но-Пурский водораздел, начала внушать опасения, которые сейчас, с приездом начальника экспедиции профессора Б.Н. Городкова²², рассеялись.

По просьбе правления о-ва Городков любезно согласился задержаться в Тюмени на 30-е января для доклада о своём восьмимесячном крайне интересном путешествии, протекавшем иногда в самых тяжёлых условиях. Экспедиции не только удалось собрать богатые материалы для географического, геологического и геоботанического описания

* *Окончание.* Начало см.: Лукич. 2003. №1. С. 35—55.

этой впервые исследуемой местности (произведено свыше 2000 километров маршрутной съёмки и ряда астрономических пунктов), но и разрешить несколько весьма важных научных вопросов общего значения, как, например: о причинах образования так называемой «пятнистой» тундры, явления циркулеполярного на протяжении 3-х частей света, и вопрос о вторичном обледенении северо-западной Сибирской равнины и в его пределах и другие.

Совершенно неожиданно являются добытые экспедицией данные о пресловутых «ассамарях ах». Настоящей экспедицией профессор Городков заканчивает ряд своих многолетних работ по исследованию Западно-Сибирской равнины, предполагая на будущее лето обследование Северного Урала.

Л. Ш.²³

Трудовой набат. 1924.

10 февр. С. 4.

* * *

В 0-ве изучения местного края

Просвещение на Севере

На очередном собрании 11 февраля членом М.А. Протопоповым сделан доклад «О народном просвещении на Крайнем Севере Тобольской губернии». В дореволюционное время народное просвещение среди самоедов и остяков сводилось почти исключительно к так называемому религиозно-нравственному, т.е. к изучению зачатков катехизиса и молитв в школе при Обдорской

противоязыческой миссии. Дети, обучающиеся в школе, были большею частью сироты или взятые для обучения миссией «в наём» у родителей.

После революции местным Наробразом было сделано несколько попыток приспособления самого обучения к местным особенностям, так, например, намечена была должность кочующего вместе с остяками учителя, причём старались его выбрать из учившихся при миссии остяков. Предполагалось одновременно с обучением грамоте и до этого дать понятие о необходимых культурных навыках, о ремёслах и о простейших видах медицинской и ветеринарной помощи (оспопрививание, лечение болезней оленей и др.); к сожалению, это дело до сих пор не налажено. Неудовлетворительно обстоит также дело с образованием русского и зырянского населения Приобдорского края. Существующая потребность в «северных» учебниках и в учебниках на языках самоедском и остяцком до сих пор не удовлетворена, а необходимость в них очевидна. Нельзя детей, не видавших ни полей, ни сохи, обучать по книжкам, где большинство примеров взято из земледельческого быта.

В заслугу бывшей миссии надо зачесть создание при ней музея с богатыми коллекциями по шаманскому культу и библиотеки, в которой собрана большая часть трудов по Северо-Западной

Сибири. К сожалению, музей и библиотека за последние два года сильно пострадали, и самым целесообразным для предотвращения окончательного захирения было бы слияние их с музеем в г. Тобольске.

*Трудовой набат. 1924.
19 февр. С. 4.*

* * *

В о-ве изучения местного края

На собрании 4 февраля членом общества Агибаловым сделан доклад о триангуляционных и астрономических работах в б. Тобольской губернии. Незаметно для широкой публики, в течение ряда лет проделана большая, чрезвычайно важная работа как для целей землеустройства, так и для составления карты б. губернии.

Триангуляционная сеть Тобольской губернии охватила пространство, равное четырём, средней величины, губерниям Европейской России; с западно-европейской сетью Тобольская губерния связана через триангуляцию Оренбургской губернии и в то же время она служит исходной точкой триангуляции Степного края. В высшей степени прискорбно, что в последние года триангуляционная работа прекратилась, несмотря на сравнительно ничтожную стоимость её. Тесно связанная с триангуляцией, сеть астрономических пунктов в последние года хотя и пополнилась (работа гидрографического отдела, профессора Вей-

нберга, Западно-Сибирской экспедиции Академии наук), но также далеко ещё не достаточна, а именно последнего рода определения необходимы, чтобы быть основой для картографических работ во всей губернии, потребность в которых с каждым днём становится более очевидной ввиду устарелости и неточности существующих карт.

Л. Ш.

*Трудовой набат. 1924.
22 февр. С. 4.*

* * *

В понедельник, 3 марта, в 7 часов вечера состоится очередное собрание членов общества Из. М.К. Повестка дня: 1) Доклад П.А. Мартэна: «Научные новости в области питания», 2) Сообщение о собранных членами общества в Тюменском округе заговорах, сказках, частушках и прочее и 3) Текущие дела.

*Трудовой набат. 1924.
2 марта. С. 4.*

П.А. Мартэн

* * *

В о-ве изучения местного края

В очередной понедельник, 3 марта, в о-ве изучения края преподаватель техникума Мартэн сделал чрезвычайно интересный доклад «О научных новостях в области питания». Идея доклада заключалась в том, насколько недостаточно судить о пользе для организма той или другой пищи лишь по количеству содержащихся в ней питательных веществ — белков, жиров, углеводов и т.д. Уже давно учёные признали важность так называемых вкусовых приправ, но и это ещё не разрешает вопроса о правильном питании. Нужно учитывать ещё присутствие в пище особого неизученного пока химического начала, названного витаминами, которое отсутствует часто в самой высококалорийной пище, как, например, в хорошо очищенном рисе и белой муке, и, наоборот, имеется там, где прежде видели только излишний отброс, как в рисовой шелухе, в отрубях. Животные, кормившиеся отборно очищенными мучнистыми веществами, хирели и погибали, а стоило только прибавить к этой пище ничтожного листка капусты или какой-нибудь шелухи, как похудевшие животные (крысы) прекрасно поправлялись. Присутствию особого витамина приписывают теперь высокое целебное воздействие рыбьего

жира на страдающих английской болезнью; другие витамины противодействуют цинге и т.д. Словом, прежний упрощённый взгляд на питание, уподоблявший человеческий организм простой машине или печке, требующей лишь топлива, заменяется всё более и более сложным изучением этого процесса.

Научные доклады, подобные этому, чрезвычайно полезны и освежают мысль, но...²⁴ при чём же тут изучение местного края? Разве витамины, анабиозы и т.п. интересные вещи наблюдаются только вокруг Тюмени? На эту тему мы поговорим в следующей заметке.

Никольский²⁵

*Трудовой набат. 1924.
9 марта. С. 4.*

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник, 31 марта с/г., в помещении техникума состоится очередное собрание членов общества изучения местного края. Повестка дня: 1) Доклад Б.В. Кудряшова²⁶ «О торфяных болотах Тюменского округа (с демонстрацией гербария)»; 2) Свадебный обряд Червишевской волости б. Тюменской губернии по записям А.С. Аржиловского²⁷, 3) Текущие дела. Начало собрания в 7 часов вечера.

*Трудовой набат. 1924.
30 марта. С. 4.**

* В номере от 3 апр. 1924 г. напечатан призыв собирать сведения о природе края, аналогичный опубликованному в газете от 1 апреля 1922 г. — *Прим. автора.*

* * *

В о-ве изучения местного края

В понедельник, 17 ноября с.г., в естественно-историческом кабинете техникума в 6 ч. вечера состоится очередное собрание членов общества. Порядок дня: 1) Доклад П.А. Россомахина²⁸ «Об археологических находках, сделанных летом 1924 г. в Тюменском и Туринском уездах», 2) Выборы правления о-ва и ревизионной комиссии, 3) Текущие дела.

*Трудовой набат. 1924.
16 нояб. С. 4.*

* * *

У краеведов

Два доклада, сделанные на собрании 1-го ноября, имели злободневный характер.

Первый доклад, Л.Р. Шульц, посвящённый Уральскому областному съезду краеведов, выяснил, что дело краеведения в области приобретает всё большее значение. Краеведением занимаются не только научные общества, но и ряд государственных учреждений. В программах школ первой и второй ступени краеведению также отводится первое место. В заключение докладчик выразил пожелание, чтобы вновь организуемое в Тюмени окружное бюро краеведения сумело приобщить к работе по изучению края все не использованные до сих пор силы.

Второй доклад П.А. Мартэна был посвящён малярийному комару, ставшему за последнее

время и в Тюмени угрозой для здоровья широких слоёв населения. Оказывается, что малярия не менее важная социальная болезнь, чем туберкулёз и сифилис, а по быстроте распространения даже превосходит их. Хотя уже в 60-х годах из работ французского врача Лаверана известно, что возбудителем малярии является микроорганизм, вносимый укусом комара в кровь больных, но до сих пор не изучены виды малярийных комаров в Сибири и, в частности, в Тюмени и её окрестностях. К счастью, борьба с малярийным комаром вполне возможна, она заключается в осушке болот и мелких водоёмов, в заливке их нефтью и в предупредительной их химизации в угрожаемых малярией местностях, а также в разведении и охране врагов комара и его личинок. Заслушав интересный доклад, собрание выразило пожелание, чтобы докладчик продолжил начатую им работу с тем, чтобы поместить её в печать.

*Л. Шульц
(Набережная № 5)*

*Трудовой набат. 1924.
19 нояб. С. 4.*

* * *

У краеведов

На собрании 17 ноября членом общества П.А. Россомахиным сделано чрезвычайно интересное сообщение об археологических находках, открытых им недалеко от деревни Сайтковой

Туринского уезда и близ села Липчинского Тюменского уезда. В обоих случаях докладчиком обнаружены многочисленные следы первобытной культуры в виде черепков глиняной посуды с разнообразным орнаментом, костей животных, среди которых оказались, между прочим, кости дикого кабана, и каменных орудий, последние принадлежат к периоду, известному под названием неолитического. Там же найдены бронзовые украшения более позднего происхождения. Многочисленные курганы, городища и могильники в описанных районах заслуживают особого внимания со стороны археологической секции общества, тем более что они частично подвергаются разрушению.

Интересно также сообщение докладчика о палеонтологических находках в пластах берега реки Туры около Туринска, где обнаружены зубы третичной акулы и кости других животных.

На этом же собрании члены впервые познакомились с первым номером «Записок» общества, вышедшим из печати. «Записки», содержащие ряд статей (14) по естествознанию, экономике, археологии и этнографии края, а также каталог астрономических пунктов в б. Тобольской губернии, заслуживают широкого распространения среди всех интересующихся краеведением.

*Трудовой набат. 1924.
29 нояб. С. 4.*

* * *

Научные сокровища Тюменского округа

Немногие знают, что наш Тюменский округ — один из наиболее богатых по числу доисторических памятников, а также по числу находок останков ископаемых животных, населявших территорию округа после третичного времени.

Многочисленные курганы, городища, могильники и стоянки являются свидетелями сменяющихся и взаимодействия различных культур. Многие из этих памятников подвергались разрушению от размыва водами рек, от распахивания и хищнических раскопок.

Музей местного края и общество изучения местного края со времени своего основания ведут учёт этих памятников, среди которых некоторые, как, например, стоянки каменного периода около Андреевского озера, пользуются широкой известностью далеко за пределами Уральской области.

До настоящего времени музей и общество не имели возможности приступить к раскопкам, как по недостатку необходимых средств, так и ввиду отсутствия лиц с соответствующей подготовкой, на имя которых только и выдаются Центром разрешения на производство таких работ.

В прошлом году близ села Липчинского вновь открыта стоянка также неолитическо-

го периода, как у Андреевского озера. Судя по отдельным находкам, направленным для определения специалистами в Ленинград, стоянка обещает много чрезвычайно интересного материала и в то же время грозит разрушением от разлива протекающей вблизи речкой. Пользуясь присутствием в настоящее время в Тюмени учёного археолога, музей и общество думают приступить к разработке упомянутого памятника.

Всякого рода раскопки без надлежащего разрешения являются действием, наказуемым законом, и о каждом отдельном случае таких раскопок следует сообщить музею; туда же надлежит передавать всякие случайные находки.

Только при содействии широких слоёв населения музей будет в состоянии вести действительную охрану памятников и принять меры к своевременной разработке и описанию их.

Л. Ш.

Трудовой набат. 1925.

4 авг. С. 4.

Объявление

В понедельник, 5-го октября 1925 года, в 7 часов вечера в Доме просвещения состоится доклад члена общества Шульц Л.Р. «Кондинский край». Вход свободный.

Трудовой набат. 1925.

2 окт. С. 4.

Объявление

В пятницу, 9-го октября, в 7 часов вечера имеет быть экстренное собрание членов Тюменского общества изучения местного края.

Порядок дня: 1) Доклад сотрудника Академии наук В.Ю. Фридолина «Северо-Уральская экспедиция в 1925 году», 2) Текущие дела. Вход свободный.

Трудовой набат. 1925.

9 окт. С. 4.

Объявление

В понедельник, 26-го октября 1925 года, в 7 часов вечера в помещении с.-х. техникума назначается очередное собрание членов Тюменского общества изучения местного края.

Порядок дня: 1) Доклад члена общества П.А. Россомехина «О раскопках неолитической стоянки близ села Липчинского и из материалов и описание курганов в Шатровском районе», 2) Текущие дела.

Трудовой набат. 1925.

25 окт. С. 4.

Объявление

В понедельник, 2-го ноября, в 7 часов вечера назначается общее собрание членов общества изучения местного края.

Повестка дня: 1) Доклад П.А. Мартэна — «Озеро Горькое (ма-

териалы по природе озера)», 2) Текущие дела. Вход свободный.

Трудовой набат. 1925.

31 окт. С. 4.

* * *

О-во изучения местного края

26 октября на собрании общества был сделан доклад об археологических памятниках округа. Летом текущего года докладчику удалось описать свыше 60-ти курганов близ деревни Чубариной Шатровского района. Некоторые из курганов, принадлежащие к редко встречающимся, представляют, безусловно, большой научный интерес.

Затем докладчик дал краткий очерк произведенных летом раскопок близ села Липчинского и продемонстрировал часть найденных материалов. Другая часть материала, которая, главным образом, состоит из разнообразной керамики и кремниевых орудий, для дальнейшей обработки отправлена в Москву.

Трудовой набат. 1925.

5 нояб. С. 4.

* * *

Объявление

В понедельник, 23-го ноября сего года, в помещении сельхозтехникума в 7 часов вечера назначается очередное собрание членов Тюменского общества изучения местного края.

Порядок дня: 1) Не состоявшийся 4-го октября доклад П.А. Мартэна «Озеро Горькое», материалы для естественно-ис-

торического очерка озера, 2) Об установлении связи с методической комиссией при окроно и выборы туда представителей, 3) Текущие дела.

Трудовой набат. 1925.

22 нояб. С. 4.

* * *

В понедельник, 22-го февраля с.г., в 6 часов вечера в помещении сельхозтехникума имеет быть очередное общее собрание членов о-ва изучения местного края.

Порядок дня: 1. Пересмотр плана работ на лето 1926 года. 2. Доклад члена общества Л. Шульц «Тюменский ковровый промысел». 3. Текущие дела.

Трудовой набат. 1926.

21 февр. С. 4.

* * *

**В девственных местах Урала.
Экспедиция Академии наук
и Уралплана**

15 мая, в экстренном заседании о-ва изучения местного края, ботаником Академии наук проф. Б.Н. Городковым был сделан доклад об экспедиции Академии наук и Уралплана в 1925 году под его руководством на Полярный Урал.

Доклад Б.Н. Городкова сопровождался массою диапозитивов.

В состав экспедиции входили: Б.Н. Городков (ботаник), В.Ю. Фридолин (зоолог), А.Н. Алешков (геолог), А.Ф. Беспалов (топограф), П.И. Гусев (ас-

троном) и А.Г. Макарьин (зав. хозяйств. экспедиции).

На экспедицию был возложен ряд важных для науки задач: топографические съёмки, астрономические и магнитные наблюдения, геологические, почвенно-ботанические и зоологические исследования. Экспедиция вывезла с Полярного Урала много ценных и интересных наблюдений над животным миром. Все эти материалы открывают завесу над неисследованным до сих пор краем.

Полярный Урал находится в следующих естественных границах: с востока — река Обь, с запада — Большеземельская тундра, с севера — река Соби и с юга — река Вой-кар. Площадь края занимает свыше 9000 кв. километров. Б.Н. Городков разделяет весь обследованный край на 5 естественных районов: Мал. Урал, Бол. Урал, Западно-Сибирскую равнину между р. Обью и Уралом, долину между Малым Уралом и Большим Уралом и, наконец, участок Большеземельской тундры, который примыкает с запада к горам.

Малый Урал начинается недалеко от выхода р. Соби из Урала и в дальнейшем соединяется с Б. Уралом в 100 с лишком километрах южнее, около верховья реки Вой-кара. Высота его редко достигает 400 метров над уровнем моря.

В северной части тундры почти безлесен, в южной покрыт лиственными и еловыми леса-

ми. Центральная часть горного района мало лесиста. В трёх местах М. Урал перерезан поперечными долинами рр. Соби, Тань-ю и Вой-кара. От Большого Урала М. Урал отделяется обширной глубокой равниной, поросшей лиственницей и покрытой валунами и моховыми болотами. Долина почти бесплодна. Она покрыта ледниковыми выкосами. Поверхность валунных холмов прикрыта тонким слоем мхов и лишайников, а иногда и совершенно обнажена. Лиственничные леса находятся, главным образом, вдоль рек и на склонах холмов, защищённых от северных и западных ветров. К реке Вой-кару леса становятся гуще. С западной стороны долина замыкается высокими горами Большого Урала.

В этом районе Урал уклоняется от северо-южного направления к западу, образуя широкую дугу, вогнутую в сторону Большеземельской тундры. Среди массивных горных вершин Б. Урала выделяется Пай-Ер («хозяин гор») высотой в 1500 метров.

Этот край оставляет впечатление, что он недавно освобождён от мощных ледников. Следы их деятельности остались в виде обширных террас и бесчисленных ледниковых долин. Но ледников экспедиция не обнаружила. Склоны и ущелья пестрят снежными поясами, не тающими круглый год. Здесь отмечено странное, на первый

взгляд, явление: обширные снеговые скопления, опоясывающие вершины, находятся преимущественно на юго-восточных склонах, которые подвергаются как раз наибольшему нагреванию. Б.Н. Городков объясняет это тем, что преобладающие северо-западные ветры сметают снег с вершин на защищённые от ветра склоны гор.

В сторону Большеземельской тундры Урал круто обрывается скалами и осыпами. Мрачны горы Б. Урала. Всюду видны каменистые россыпи, поднимающиеся иногда отвесными стенами. Растительность — мхи и лишайники, и только глубокие долины реки Соби и её притока Хара-Матлау покрыты лиственничными лесами и кустарниками. Озёра, разбросанные среди гор, до середины июля покрыты льдом. Б.Н. Городков отмечает интересное явление: незначительные по своей ширине горы Б. Урала разделяют две области, по своему характеру весьма различные: с одной стороны — сибирская равнина в бассейне реки Вой-кара имеет характер лесистый, а местность на запад от Б. Урала представляет из себя настоящую тундру, и только в долинах больших рек встречаются травянистые луга и кустарники.

Западно-Сибирская равнина между рекой Обью и Уралом представляет из себя слабо холмистую равнину, сложенную из ледниковых моренных отло-

жений. В северной части преобладают болотистые моховые тундры, прерываемые на юге редкими лиственничными лесами. Близ рек находятся более густые леса, в которых встречаются ель и берёза. ...Оседлое население почти отсутствует. Юрты остяков встречаются лишь по берегам рр. Оби, Соби и Вой-кара. На озере Варга-Ты «селение» состоит из одного самоеда и его жены. Самоед не имеет оленей и промысляет рыбой. Во многих местностях экспедиция встречала зону отмирающих лесов...

Размеры газетной статьи не позволяют охватить того, что сделала экспедиция. Нельзя не отметить, что ещё в 1924 году экспедицией под руководством Б.Н. Городкова на Полярном Урале были обнаружены платиноносные участки, и уже в 1925 году велись разведки, которые установили пока ещё труднодоступность разработки платины.

Интересно ещё то, что весь путь Б.Н. Городков со своими сотрудниками совершил при помощи вьючных лошадей, в таких труднопроходимых местах везших на себе весь багаж экспедиции. Опыт применения лошадей в таких труднопроходимых местах оказался удачным, несмотря на недостаток корма и встречающиеся россыпи камней (за всё время путешествия экспедиция потеряла лишь одну лошадь, которая сломала ногу).

В этом году экспедиция направляется к югу от реки Соби до реки Лапина, притока реки Сосьвы.

П. Мартэн

*Трудовой набат. 1926.
20 мая. С. 3.*

* * *

Начинает работать общество изучения местного края

20 декабря после долгого перерыва состоялось собрание общества изучения местного края. На собрании был заслушан доклад А.М. Кузнецова²⁹ об орнитофауне Талицкого района. Докладчик сообщил о замеченных им разновидностях оседлых птиц, не включённых в список птиц Тюменского округа, составленный Ларионовым (издан в 1926 году).

После доклада были пере-выборы. В президиум выбрано 7 чел., из них председателем — Мартэн, учёный секретарь — Ларионов, казначеем — Хилькевич³⁰. В ревизионную комиссию прошли Балакин, Серебрянников³¹ и Тихонов³².

Членам общества предоставлено право бесплатного посещения музея в часы занятий, кроме понедельника и предпраздничных дней.

В целях точного выявления состава общества в ближайшее время проводится перерегистрация членов.

Тюмень-Паша

*Красное знамя. 1926.
24 дек. С. 4.*

* * *

Общество изучения местного края — за работой

3 января состоялось очередное собрание общества изучения местного края, на котором был сделан доклад т. Россомахина о работе музея. Доклад вызвал массу вопросов, что показало громадный интерес общества к музею. Общество обещало полное содействие в осуществлении плана работ музея, т.к. он может быть выполнен только при содействии общественных сил.

Тов. Мартэн кратко позначкомил собрание с работой только что окончившегося большого областного краеведческого съезда в г. Свердловске.

Общие собрания общества предполагается созывать регулярно 2 раза в месяц по понедельникам. Собрания правления общества в промежутках между общими собраниями тоже 2 раза в месяц по понедельникам. Правлением разрабатывается план работ общества, который будет доложен на общем собрании. По всем признакам общество вступило в полосу оживлённой работы. Все интересующиеся родным краем должны войти в общество.

М.

*Красное знамя. 1927.
6 янв. С. 4.*

* * *

В понедельник, 17 января, в 6 часов вечера в С.Х. техникуме в естественно-историческом ка-

бинете состоится очередное собрание членов Тюм. о-ва изучения местного края, на котором будет сделан доклад А.М. Кузнецова «Орнитофауны окрестностей Тюмени» (продолжение).

Особых повесток не будет.

*Красное знамя. 1927.
15 янв. С. 4.*

* * *

Краеведческие кружки в школе

Приступлено к организации сети краеведческих кружков при школах повышенного типа. Эти кружки будут тесно связаны с музеем и обществом изучения местного края.

*Красное знамя. 1927.
12 апр. С. 4.*

* * *

Всем краеведам г. Тюмени и округа

Правление Тюменского общества изучения местного края обращается ко всем краеведческим силам города Тюмени и округа и объявляет, что с 1 мая производится перерегистрация всех членов общества и запись всех желающих вступить в члены общества. Членский взнос 1 рубль в год. Подробности можно узнать у председателя правления т. Мартэна П.А. и у секретаря общества т. Кудряшова Б.В. в техникуме с 1 ч. до 4 час. ежедневно. Здесь же производится прикрепление для работы к той или иной секции общества. Обществом организованы секции: I. Естественно-

историческая, II. Историко-археологическая, III. Экономическая, IV. Художественная.

Всем краеведческим силам, одиночкам, работающим в округе, надлежит связаться с обществом путём дачи о себе следующих сведений:

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Адрес.
3. Основная должность.
4. Год рождения.
5. Образование.
6. Партийность.
7. Какая отрасль работы интересует.

8. Имеется ли какой собранный материал. (Указать что).

9. Чем могли бы быть полезны об-ву и какие необходимы советы и указания от общества.

Всем существующим в районах краеведческим организациям необходимо сообщить о себе. Адрес, когда организовано, кто возглавляет.

Организациям будет выслана дополнительная анкета.

Адрес. С/хоз. техникум. Об-ву изучения местного края.

Правление

*Красное знамя. 1927.
30 апр. С. 4.*

* * *

Раскопки вблизи села Мыс

В этом году мною, по открытому листу Главнауки Наркомпроса, были произведены небольшие раскопки стоянки и курганов вблизи с. Мыс на средства, отпущенные тюменским музеем. Исследование курганов являлось

очередной задачей местной археологии, во-первых, потому что до сих пор не было известно время их насыпки, а во-вторых, было необходимо выяснить отношение этих курганов к исследованным уже стоянкам (Липчинской, Андреевской). Разведки, произведённые П.А. Россомахиным в 1926 г., указали, что вблизи с. Мыс находились две стоянки (стоянка — место населения), одна в самом селе, другая около курганов на границе земель с. Парфёново и с. Мыс. Население этих стоянок употребляло каменные орудия. Именно поэтому курганы у с. Мыс и были избраны для исследования в этом году.

Прежде всего, были заложены пробные шурфы и прорезан вал в берёзовой роще с. Мыс. Этими рекогносцировочными раскопками установлено, что стоянка у с. Мыс существовала приблизительно 3000 лет назад, одновременно с Липчинской стоянкой.

В настоящее время большая часть стоянки размыта р. Турой и разрушена при постройке когда-то бывшего там пивоваренного завода. Валы были устроены позже, и они тоже послужили причиной разрушения этой интересной стоянки.

После этого была исследована группа курганов, находящаяся километрах в 2-х от с. Мыс. Было раскопано 9 курганов, но, к сожалению, все они оказались разграбленными кла-

доискателями. Только 1 курган (№ 6) дал одно нетронутое погребение (в нём было 2 погребения: в насыпи и в глубокой яме, первое разграблено, второе не тронуто). Это погребение представляет большой интерес. Около головы покойника были поставлены: 2 круглодонных горшка с пищей, глиняная тарелка с узорами по краям и положены: глиняное пряслице (кружок на веретено) и 6 стрел с бронзовыми наконечниками. Здесь же найден железный крючок от колчана и медная дужка от ведра. В этом же кургане сверх могильной ямы найдены 3 целых горшка, глиняная пуговица и др. вещи. В других курганах найдено много обломков глиняной посуды, глиняных грузил для сетей, медный нож, оселок, кости домашних и диких животных и т.д., но эти вещи находились не при покойниках, а в курганных насыпях, и относятся к той стоянке древнего человека, которая существовала на этом месте до прихода народности, насыпавшей курганы.

После того как стоянка перестала существовать, другая народность устроила на этом месте своё кладбище. Землю для устройства курганов брали тут же, разрушая культурный слой стоянки. Этим объясняется большое количество вещей в насыпях курганов. Теперь от стоянки не осталось почти никакого следа, и только 2 траншеи, проведённые между курганами, доказали, что

стоянка здесь действительно была. В культурном слое траншей находились такие же вещи, как и в насыпях курганов. Найдена, между прочим, глиняная лошадка (детская игрушка). Время этой стоянки не может быть точно установлено, но, во всяком случае, она моложе Андреевской стоянки и старше курганов. Время последних хорошо определяется благодаря одному нетронутому погребению. Датированными вещами являются бронзовые наконечники стрел «скифского» типа. Эти стрелы определённо говорят за то, что курганы насыпаны около 2000 лет назад. Такое точное определение даты и является наиболее ценным результатом нынешних раскопок.

Теперь можно определённо сказать, что Тюменский округ был уже населён больше, чем 3000 лет назад, и с тех пор жизнь в нём не прерывалась до настоящего времени. Самыми древними местами поселений пока являются Липчинская и 1-я Мысовская стоянки (в самом с. Мыс), немного позднее их Андреевская стоянка и ещё позднее 2-я Мысовская (около курганов). Все эти стоянки принадлежали одной народности, жившей на территории Тюменского округа в течение нескольких столетий. Около начала нашей эры пришла другая народность, вытеснившая первую и принеся с собою другую культуру, другие вещи. Эта-то

народность и оставила нам курганы, раскопанные этим летом.

Материал, собранный при раскопках курганов, отправляется для научной обработки в Москву, после чего будет передан мною в Тюменский музей.

В настоящее время в музей поступила коллекция вещей, добытых мною на Липчинской стоянке в 1925—1926 гг., и в скором времени тюменцы смогут ознакомиться с жизнью древних обитателей Липчинской стоянки по музейному материалу.

Археолог П.А. Дмитриев

Красное знамя. 1927.

31 июля. С. 4.

* * *

Округ требует изучения

Краеведческая работа в нашем округе, после сравнительно бурного роста 1921—24 годов, за последнее время как-то замерла. Многие склонны объяснять это нашими географическими и экономическими особенностями. У нас, говорят, нет мощных рек, нет высоких гор, нет выдающихся производств, нет этнографической пестроты, нечего, мол, изучать.

Так ли это? На самом деле и природные богатства, и экономические факторы, и многие этнографические особенности заслуживают и прямо требуют дальнейшего их всестороннего, тщательного обследования и изучения. Иначе наш округ не сможет войти в надлежащей степени ни в областной, ни в об-

* * *

Изучение фауны округа

Обществом изучения местного края намечено изучение хищных зверей и птиц Тюм. округа, для чего члену общ-ва Кузнецову А.М., ведущему работу в Ялуторовском районе, выделено 15 р. ежемесячно. Кроме того, проводится выявление лиц, интересующихся краеведением в округе, в целях использования их в качестве корреспондентов.

*Кудряшов**Красное знамя. 1927.**16 ноября. С. 8.*

* * *

Общество краеведения крепнет

16 января в техникуме состоялся отчётный доклад правления общества изучения местного края, что сделано им за год. Когда было выбрано правление общества, стояли перед возможностью самоликвидации, на собрания ходило человек 5-7 (теперь ходит 20-30 чел.).

По докладам за этот год видно, что обществом более, чем в прошлые годы, уделяется внимание вопросам общественно-экономическим, можно указать на доклады о первом судостроении в г. Тюмени, о жизни и деятельности Красина в Тюмени, о тюменском монастыре (есть богатый материал для антирелигиозников). Обществу дан на исследование минерал, находимый во время осушения

болот, есть надежды, что он окажется хорошим удобрением, и, следовательно, его добывание можно поставить в округе. Достигнута связь с окрпланом и получены от него задания.

Общество идёт в массы: были поставлены краеведческие доклады в Доме рабпрос. Намечены доклады на заводах, фабриках и в комсомольских ячейках. Организовано в Ялуторовске отделение о-ва, организируются в районах. Растёт влияние общества за пределами округа. Из Каинска получена просьба дать указания в краеведческой работе.

Председатель правления Мартэн, делегат от Уральской области на Всероссийскую конференцию краеведов, избран ею в центральное бюро краеведения членом.

Закуплены экскурсионные принадлежности. Некоторые члены общества работают по заданиям. Например, известный орнитолог Кузнецов изучает пролёт птиц в долине реки Тобола (близ Ялуторовска); обществом ему высылается пособие в размере 15 руб. в месяц. При энергичном его участии в гор. Ялуторовске открыт музей.

Крупный недостаток общества — нет согласованности с музеем в работе. В прениях указывалось на необходимость добиваться слияния с музеем. Нужно выпускать на стеклографе краеведческий материал к

программам Гуса для школ I ступ. — это облегчит работу учителей. Выделить квалифицированный актив, который будет давать задания отдельным членам.

В новое правление общества прошли Мартэн, Кудряшов, Аносов и др.

Т. П.

*Красное знамя. 1928.
22 янв. С. 4.*

* * *

В понедельник 13-го февраля 1928 года, в 6 часов вечера в помещении техникума состоится объединённое собрание Общества изучения местного края и общества Тюмень-Сад. Доклад А.Н. Серебренникова — опыт рационального огородничества в Тюмени.

*Красное знамя. 1928.
11 февр. С. 4.*

* * *

Первый организатор краеведения

В понедельник, 27 февраля, Тюменское общество изучения местного края устраивает заседание памяти И.Я. Словцова.

И.Я. Словцов, исколесивший Тюменский округ, интересовался самыми разнообразными научными вопросами, собравший богатейшие материалы по ботанике, геологии, зоологии, палеонтологии, археологии местного края, является первым краеведом, трудами которого приходится всегда руко-

водствоваться, когда приступаешь к изучению местного края. Энциклопедист в лучшем смысле, превосходный педагог-популяризатор, И.Я. Словцов, безусловно, является крупным деятелем местного края.

Общество изучения местного края, приступая к собранию материалов о Словцове, приглашает на это заседание интересующихся местным краем и надеется, что бывшие ученики и сослуживцы придут и в виде кратких воспоминаний обрисуют личность Словцова.

Заседание будет устроено в музее в 5 часов вечера.

П. Россомахин

*Красное знамя. 1928.
26 февр. С. 4.*

* * *

Экскурсии по округу

Тюменское общество изучения местного края решило пойти навстречу в этом отношении. На последнем заседании правления общ-ва были рассмотрены намеченные маршруты ближних и дальних экскурсий по Тюменскому округу. Каждый желающий может ознакомиться с составленной на этот счёт картой в музее. В карте обозначены маршруты, пункты с обозначением в них того, что может встретить интересующийся экскурсант.

*Красное знамя. 1928.
9 марта. С. 4.*

* * *

Вместе с жизнью. Задания окрплана о изучении ископаемых богатств округа, об исследовании распространённости кедра и др.

На днях в обществе изучения местного края было заслушано сообщение консультанта окрплана тов. Веденягина «Задачи Тюм. окрплана и общество изучения края».

Докладчик предложил обществу ряд заданий, выполнение которых окрплану крайне необходимо. В числе этих заданий имеются: обследование берегов рек Туры, Тобола и Тавды в целях изучения их разрушаемости от наводнений; изучение пушного промысла в округе; выявление ископаемых богатств округа, в особенности наличия строительного камня; заложение опытов по ведению подсечного лесного хозяйства, выявление насаждений кедра и лиственницы, обследование озёр Андреевского, Дуван и ценных сортов рыбы; изучение ихтиофауны округа, обследование рек, озёр, ключей, колодцев в целях определения качества питьевой воды, санитарное обследование Тавдинского, Липчинского, Яркового районов и др.

Правление общества, заслушав сообщение, постановило широко информировать членскую массу о полученных заданиях и организовать летом этого года постановку исследова-

тельской работы для осуществления их.

Уже намечено обследование Андреевского озера и производится подготовка к этой работе.

Б. К.

Красное знамя. 1928.

15 марта. С. 4.

* * *

В понедельник, 19 марта, в 6 часов вечера, в здании техникума состоится общее собрание общества изучения местного края.

Повестка: 1) «Из Тюменского жандармского архива». Доклад Россомахина. 2) Текущие дела.

Красное знамя. 1928.

17 марта. С. 4.

* * *

Ялutorовские краеведы за работой. При кружке краеведения организован музей.

А как в других районах?

Ялutorовский кружок как отделение Тюменского окружного общества изучения местного края организован 24 июня 1927 г. Сейчас он имеет 24 члена, в том числе двух из района. Члены кружка большей частью просвещенцы и члены ВКП и ВЛКСМ. Все труды членов кружка поступают в музей кружка краеведения, который находится в помещении гор. библиотеки.

Музей кружка краеведов имеет отделы: естественно-исторический, общественно-политический и историко-культурный. Экспонатов собрано пока немного.

Более полно представлена фауна района. Школа-семилетка трудами учащихся 5-й группы даёт метеорологические плакаты с данными о колебаниях температуры в течение месяца, о ветрах, о количестве осадков, облачности и т.п. Другие школы города и района дали зоологические коллекции, образцы почвы (опорная школа), плакаты населённых мест района. Поступают ценные коллекции и наблюдения от граждан города, а также организаций и учреждений. Посещает музей преимущественно молодёжь.

Члены кружка на районных съездах и собраниях профсоюзов выступают с пропагандой краеведения. При музее имеется небольшая краеведческая библиотека. Тюменское окружное общество изучения местного края послало в Ялуторовск члена общества для научной работы в районе, ценного работника — краеведа т. Кузнецова.

Красное знамя. 1928.

20 марта. С. 4.

* * *

Как работала охранка в Тюмени.

Доклад по материалам из жандармского архива

19 марта в обществе изучения местного края был заслушан доклад члена общества Россомахина по материалам из жандармского управления г. Тюмени. Докладчик осветил постановку «дела» охранки и привёл интересные документы «эпохи».

Состав жандармов нижних чинов обыкновенно подбирался из наиболее «ретивых», «преданных царю и отечеству» унтер-офицеров. Командный же состав — в большинстве случаев отпетые люди — неудачники на военном поприще, люди наживы, прошедшие «огонь и воду». Интересно практиковалась обработка этого состава жандармерии со стороны главного департамента полиции. Был оглашён ряд документов, из которых видно, что командному составу вменялось в обязанность изучение уставов революционных партий и даже какой-то партии «независимых», неизвестной в партийных кругах.

Из рассмотренных документов можно вывести заключение о наличии чрезвычайно тонко поставленной информации о всех движениях революционной жизни. Один документ гласит о слиянии большевиков и меньшевиков на съезде в Гельсингфорсе. Что касается характера самой переписки, то бросается, прежде всего, «вежливый» тон. Окончание письма циркуляра или простого отношения всегда таково, что поднимало «дух» у получающих его. Интересны также указания, инструкции по приёму агентов и о работе их на местах. Особенно заслуживает внимания инструкция о ликвидации так называемых крестьянских братств.

Эта инструкция точно описывает обязанности «агента»,

посланного на разведку: указы-
вается, к кому надо обращать-
ся (обычно к лавочникам),
сколько времени надо провес-
ти по заданию, как себя вести
и т.п. Конечно, не забыта в ин-
струкции и материальная сто-
рона агента. Денег не жалели.
«Агенту» полагался и костюм,
и суточные, и оплата переездов
и т.п., а также и соответствующее
вознаграждение. Но, при
всей продуманности, система
не всегда себя оправдывала. Ряд
документов говорит за то, что
ряд агентов просто валяли «ду-
рака», выманивая деньги.

Доклад вызвал интерес и
оживлённые прения.

Б. К.

*Красное знамя. 1928.
25 марта. С. 4.*

* * *

Изыскание полезных ископаемых

В нынешнем году Тюменс-
ким обществом краеведения бу-
дут проведены разведки по
изысканию полезных ископае-
мых (главным образом, строево-
го камня) в районе озера Гури-
но Липчинского района и озера
Тулумбаево Тюменского района.
Кроме того, по округу будут про-
ходить изыскания торфа.

*Красное знамя. 1928.
11 апр. С. 4.*

* * *

Раскопки на Андреевском озере

В последних числах июня
начинаются археологические

исследования на берегах Андре-
евского озера. Предстоящие рас-
копки вызывают большой инте-
рес среди ученых специалистов
Москвы, Ленинграда и Сибири.

Андреевское озеро, окру-
жённое многочисленными сто-
янками и городищами — древ-
ними местами поселений, —
должно дать богатый материал,
характеризующий жизнь обита-
телей этого озера на протяже-
нии многих столетий. В 1883 г.
И.Я. Словцовым на Козьем
мысу Андреевского озера были
произведены небольшие архе-
ологические работы, в резуль-
тате которых была собрана
большая коллекция разнообраз-
ных предметов, освещающих
многие стороны жизни древ-
нейшего населения Тюменско-
го округа. Но И.Я. Словцов ис-
следовал только небольшую
часть одной стоянки и совсем
не раскапывал городищ. Пос-
ледние же в настоящее время
представляют очень большой
интерес по следующим сообра-
жениям.

Раскопки, произведённые
мною в 1925—27 гг., дали воз-
можность установить целый ряд
мест поселений той же народ-
ности, которая обитала и на бе-
регах Андреевского озера. Мы
знаем теперь, что эта народность
жила в нашем округе не менее
500—600 лет, а может быть, даже
и больше. В III—I веке до на-
шей эры вместо этой народно-
сти мы видим уже другую, ко-
чевническую, оставившую пос-

ле себя курганы сарматского типа. Такие курганы были раскопаны мною в прошлом году около с. Мыс. Аналогичные погребения известны ещё в Омском и Барабинском округах, Шадринском окр., в Оренбургской губ. и в других местах Степной области и Зауралья. В Шадринском округе такие курганы доходят до I века нашей эры.

Но что же было позже? На этот вопрос мы пока ещё не можем дать ответа, хотя есть основания предполагать, что некоторые из городищ, разбро-

санных по всему Тюменскому округу, относятся к более позднему времени, чем сарматские курганы. И вот для выяснения этой довольно поздней культуры и необходимы раскопки городищ.

Для исследования в этом году избраны городища Андреевского озера, т.к. они находятся вблизи стоянки, время которой уже определено. Кроме того, на Андреевском озере были найдены деревянные вёсла и каменные орудия с рукоятками из рога лося, хранящиеся в тюменском музее.

Эти находки относятся к ещё более древнему времени, чем известные уже в Тюменском округе стоянки. Таким образом, на Андреевском озере мы можем найти и следы очень древних поселений.

Помимо всего сказанного раскопки могут представлять и общественный интерес. Работая уже несколько лет в госуд. историческом музее в Москве, мне пришлось иметь дело с самыми разнородными экскурсионными группами: с детьми дошкольного возраста, со школьниками I и II ст., со студентами рабфаков и ВУЗов, с рабочими, крестьянами и т.д. — и все они без исключения живо интересовались самым методом

РАСКОПКИ НА АНДРЕЕВСКОМ ОЗЕРЕ

(Крестиками обозначены места раскопок).

раскопок. Вряд ли в настоящее время, когда музеи сделались доступными самым широким слоям населения, можно найти человека, не имеющего никакого представления о первобытной жизни, но очень многие ещё не знают, каким образом сделалась известной культура наших предков, живших за много сотен тысяч лет до нас, очень немногие представляют, как производятся раскопки.

Очень часто приходится слышать такие вопросы: как вы узнаёте, где нужно копать? как производятся раскопки? в каком виде находятся жилища и заметны ли они с поверхности? глубоко ли приходится копать? что вы находили при раскопках? и т.д. и т.д. Эти вопросы задавались мне в Москве и в Сибири, на севере и на юге. Эти же вопросы предлагали нам студенты ВУЗов и педагоги, так и ребята-дошкольники и неграмотные крестьяне-зыряне.

Я думаю, что каждый, желающий познакомиться с методом археологических раскопок, с главным методом той науки, которая лежит в основе всех общественных наук, должен посетить организованным порядком место раскопок. Педагоги, учащаяся молодёжь, пионеры, жадно стремящиеся к пополнению своего образования, должны организовать экскурсии на место раскопок, чтобы собственными глазами видеть, каким образом добывается веще-

ственный материал — основной и самый достоверный источник наших знаний о доисторическом обществе!

П.А. Дмитриев

Красное знамя. 1928.

27 июня. С. 4.

* * *

**Как идут раскопки
на Андреевском озере**
(Беседа с зав. музеем
т. Россомахиным)

Раскопки на Козьем мысу производятся под руководством археолога Московского исторического музея Дмитриева, при участии членов Тюменского общества изучения местного края. Раскопками обнаружены стоянки древнего доисторического человека. Нынешние изыскания подтверждают древность Андреевских стоянок, насчитывающих более 3000 лет. По найденным предметам определено главное занятие жителей — рыболовство. Кроме стоянок, раскопано одно городище и произведена шурфовка другого. Исследование городищ показало более позднее происхождение по сравнению со стоянками.

Нынешними раскопками найдены предметы неизвестного доселе назначения, найденные раньше в скифских могилах. Можно предполагать, что найденные раскопками предметы послужат ключом к разгадке назначения вещей, найденных в других местах. Кроме раскопок, исследователями обнаружено 10

городищ одинакового типа, состоящих из рвов, валов и ям — остатков землянок.

Красное знамя. 1928.

12 июля. С. 4.

* * *

В глубину веков

Понедельник, 9-го июля, был последним днём работ на Андреевском озере экспедиции археолога Дмитриева. Назначена была раскопка двух курганов, одного около 15 метров в диаметре и другого более мелкого. С утра во двор, где остановилась экспедиция, стекаются рабочие, вооружённые лопатами. Наконец, всё готово к выходу; прерывается оживлённая беседа рабочих, и партия в составе 8-ми человек рабочих и 4-х участников экспедиции движется в путь.

Яркие лучи солнца, уже высоко поднявшегося, весело играют на отточенных лезвиях лопат. К 8 часам утра прибыли к месту работы. Невысокий курган выделяется на поляне одиноко растущей на нём сосной. Впадина в центре указывает на грабительскую работу кладоискателей. Бодро врезаются лопаты рабочих в землю, снимается первый слой глубиной в одну лопату. Изредка падаются черепки.

После каждого слоя производится тщательная подчистка «пола», после чего археолог исследует подчищенную площадку. Первая площадка не пока-

зала определённых «пятен». Снимается второй пласт. Растираженной площадке обнаруживается кусок обугленного дерева и ещё несколько пятен сгнивших столбов. Разработка этих пятен с появившимися предметами производится археологом при помощи ножа.

Начинают снимать третий слой, не затрагивая найденных предметов. Находятся разрозненные черепки, обломок каменного топора, которые и подбираются с обозначением места их нахождения. На глубине около 80 сантиметров показывается череп, местоположение которого тщательно сохраняется до конца раскопки, и расчистка земли с костей производится при помощи ножа и кисти.

Затем обнаруживаются ещё отдельные кости, подтверждающие предположения археолога, что курган кем-то уже был раскопан, так как череп лежит в отдалении от других костей. Дальнейшая раскопка показала, что грабители, видимо, копали яму меньшей площади, и у восточной стенки колодца удаётся обнаружить нетронутое погребение, у которого положение костяка не как у других, найденных в северо-восточном углу колодца нижних частей двух скелетов, — головой на запад. Тщательные поиски вещей, которыми обычно сопровождались погребения, не дали результатов за исключением одной бронзовой подвески, что

свидетельствует о разграблении курганов.

Работы экспедиции по раскопке стоянки и городища дали гораздо больший материал. Был найден ряд предметов, датируемых археологом десятым веком до нашей эры. Раскопка дала один весьма интересный экземпляр, оценка значения которого ещё окончательно не установлена и будет производиться совместно с центральными научными учреждениями. Предполагают, что это стилизованное изображение божества древних обитателей озера. Так наука шаг за шагом раскрывает нам картину жизни и быта наших предков и разбивает поповские выдумки о богах, создателях земли.

С. Г.

Красное знамя. 1928.

14 июля. С. 4.

* * *

В пятницу, 26 октября, в помещении техникумов состоится общее собрание членов общества изучения края. Повестка дня: Доклад об Андреевском озере. (Результаты работ об-ва летом 1928 г.). Докладчик Россомахин.

Красное знамя. 1928.

25 окт. С. 4.

* * *

Доклад об Андреевском озере

Летом нынешнего года общество изучения местного края имело возможность приступить к работам по изучению Андреевского озера, давно приковывавшего

внимание общества. Удалось произвести археологические раскопки, изучить быт татар, в особенности в области археологии.

В пятницу, 26 октября, в техникуме состоится доклад о проделанной работе. На этом докладе желательно присутствие охотников и татар, которые могли бы дополнить собранные сведения.

П. Россомахин

Красное знамя. 1928.

26 окт. С. 4.

* * *

Результаты исследования Андреевского озера

На очередном собрании членов общества изучения местного края были заслушаны доклады членов общества П.А. Россомахина и Ф.Ф. Ларионова³³ на тему: «Обследование Андреевского озера летом 1928 года».

Андреевское озеро давно привлекало взоры местных краеведов. Стоянка первобытного человека, рыбные богатства, величина озера, утиное угодье и т.п. — всё это требовало давно приложения краеведческих сил. В июне м-це группа местных краеведов во главе с учёным археологом П.А. Дмитриевым произвела обследование озера и прилегающей к озеру местности. Первые исследования Андреевского озера и его окрестностей были произведены известным краеведом И.Я. Словоцким, который, собственно говоря, и обратил внимание

на необходимость изучения озера во всех отношениях.

Обследования этого года показали, что окрестности Андреевского озера, как и само озеро, имеют богатейший источник для всякого рода краеведческих изысканий, который не исчерпать годами. Взять, к примеру: недалеко сравнительно от культурного центра (17 в.) имеется население Андреевских юрт с остатками быта, уносящего нас далеко в глубь истории. Обследования показали ценность и правдивость указаний И.Я. Словцова в отношении озера и его окрестностей. В ряде пунктов были произведены археологические раскопки, давшие существенные результаты. Произведены большие разведки по занесению на карту археологических памятников (курганы, городища и т.п.), которых оказалось много.

Последующие обследования, рассчитанные на ряд лет, дадут весьма много ценного в отношении выявления обитаемости озера в прошлые тысячелетия. Были произведены наблюдения над флорой и фауной. Отмечено гнездование клеста еловника, что имеет место лишь в северной части нашего округа; собраны экземпляры «богородской травы» — растения, не значащегося в списках тюменской флоры. Ценны также наблюдения над бытом населения татар, о чём было сказано выше.

Жаль, что доклад был заслушан в тесном кругу краеведов.

Б. К.

Красное знамя. 1928.

2 нояб. С. 4.

* * *

В среду, 28 ноября, в техникуме (бот. кабинет) состоится в 6 час. веч. общее собрание членов об-ва изучения края. ПОВЕСТКА: 1) Обследование озера Гурино (Тюменский курорт). 2) Устав об-ва изучения края. Доклад. Копылов, Ханжин³⁴. 3) Разное.

Правление

Красное знамя. 1928.

28 нояб. С. 4.

* * *

Музей и краеведение

— Карта почв. Россомахиным (заведывающий музеем) закончена ценная карта почв Тюменского округа и палеонтологическое описание ископаемых животных четвертичного периода в Тюменском округе.

— Летние научные экспедиции. Общество и музей организуют следующие научные экспедиции: геологическое обследование треугольника Елкино-Гурино и Дуброва Липчинского района, где обнаружены выходы бурого железняка; археологическую экскурсию в окрестности Андреевского озера и обследование ряда пунктов по маршруту: Тюмень — озеро Тулубаево (каолин), оз.Окунь (гравий), Червишевское озеро (охра, мумия),

Избушки (железная руда), Исетское-Рафайлово (гравий, охра) и Битюги (глина и торф).

*Красное знамя. 1929.
17 февр. С. 4.*

* * *

Над чем работают краеведы

Состоялось отчётно-перевыборное собрание членов общества изучения местного края. Из доклада о проделанной работе усматривается, что общество сделало большой сдвиг и выполнило ряд интересных исследований и работ по изучению млекопитающих округа, обследованию юрт и озера Сингуль, Андреевского озера, где найдены загадочные археологические предметы, описано 12 городищ, причём описания отправлены в Главнауку. Выполнены ценные научно-картографические работы: составлены карты полезных ископаемых, почв, а также разработаны археологические и геологические карты округа. К числу научных открытий следует отнести находжение значительных залежей железняка около Гурина и так называемой свободной серной кислоты.

Из филиалов общества прилежно работали Исетская ШКМ, опорная Юргинская школа, ялutorовские отдельные краеведы в округе. Собран значительный материал по истории Тюменского округа. Большинство выступавших в прениях высказались за необходимость издания сборника, так как в портфеле общества

имеется ряд ценных работ, имеющих практическое значение по вопросам хозяйства округа. После доклада состоялись выборы нового правления. Председателем правления избран тов. Аносов³⁵.

М. К.

*Красное знамя. 1929.
7 марта. С. 4.*

* * *

Поправка

В заметке «Над чем работали краеведы» упомянуто сообщение тов. Россомахина об открытии так называемой «свободной серной кислоты». Если это относится к глине села Битюги, анализ которой произведён в лаборатории сельскохозяйственного техникума по просьбе тов. Россомахина для общества изучения местного края, то считаю нужным сообщить, что данные анализа показали присутствие в глине растворимых в воде серноокислых солей алюминия и железа, имеющих, вследствие гидролиза, кислую реакцию. «Свободной серной кислоты» в глине обнаружено не было.

Г. Огибеник³⁶

*Красное знамя. 1929.
11 марта. С. 4.*

* * *

Доклад об укреплении берега реки Туры

В обществе изучения местного края тов. Мартэн, отвечая на призыв президиума горсовета о привлечении широкого об-

шественного мнения к вопросу об укреплении берега реки Туры у Тюмени, сделал по этому вопросу обстоятельный доклад.

После предварительного обзора из геологического прошлого земной коры и нашей местности докладчик привёл некоторые исторические данные о разрушительной деятельности реки Туры, показал старинный вид Тюмени с берега и план города в 1701 году, выяснил, что такое оползни, продемонстрировал схему двух геологических разрезов (района спиртоводочного завода и новой электростанции) и способ собирания геологического профиля реки Туры.

Осветив работы комиссии проф. Клэра³⁷, приведя схему укреплений берега р.Туры, выработанную графически, докладчик остановился более подробно на деталях тех работ, которые должны лечь в предварительные исследования берега реки Туры.

В заключение докладчик приглашал к этой работе членов общества, студентов мелиоративного техникума и других лиц, которые могли бы помочь в этом деле. От результатов исследования будет зависеть правильное решение об укреплении берега реки Туры. Чрезвычайно желательно, чтобы этот доклад был повторен на широких рабочих собраниях.

А. Е.

*Красное знамя. 1929.
15 марта. С. 6.*

* * *

Две тысячи лет назад

На Андреевском озере производились археологические* раскопки. Андреевское озеро расположено в 18-ти верстах к юго-востоку от Тюмени. Его бывает видно из окна вагона при проезде по железной дороге из Тюмени на Ялуторовск. На берегу озера расположена татарская деревня — Андреевские юрты. Есть и русская деревенька, расположенная на противоположном берегу — Мальковский выселок. Прибрежные жители занимаются почти исключительно рыболовством.

Андреевское озеро — самое большое в Тюменском округе (около 1770 гектаров). Новому человеку нелегко ознакомиться с ним и даже возможно здесь заплутаться: так извилисты очертания, так много здесь больших и малых островов, заливов и проливов. Однако же совершенно явственно видно, что озеро находится в поре своего увядания: оно зарастает, на него надвигаются кругом заросли камыша, тростника и шумихи, и не так уж далеко то время, когда оно превратится в огромный сплошной торфяник. Но за это время выступают на сцену и отцветут несколько человеческих поколений...

На берегу этого озера издавна селился человек, привлекаемый сюда обилием рыбы. Около 2000 лет назад, задолго до

* Археология — наука, изучающая памятники древней культуры.

прихода сюда татар и русских, здесь обитало какое-то племя. Люди тогда не строили домов, а предпочитали жить в землянках. Да оно и понятно: человек того времени ещё не имел в своём распоряжении железного топора, он строил себе жилище с каменным топором в руках и предпочитал не иметь дела с толстыми брёвнами. Нередко группы таких землянок для защиты от врагов обносились рвом и валом. Металлы в то время, говоря вообще, уже были известны человеку, но в этих бедных рыбацких деревеньках продолжается ещё каменный век: из камня делались топоры, наконечники копий и стрел, скребки для обработки кожи и т.п.

Там, где от изделий не требовалось большой прочности, применялся более доступный и дешёвый материал — глина. Гончарное производство тогда было развито весьма сильно и должно было находиться в большом почёте: гончары того времени лепили не только горшки, но и богов. Производством богов, если судить по тонкости узоров, занимались наиболее квалифицированные мастера. Но и простые горшечники не были лишены чувства художественности, они не выпускали из своих рук самой простой посуды, прежде чем не

украсят её затейливыми узорами из точек и чёрточек.

Как же обо всём этом узнали люди? Из книг об этом не узнаешь. В то время люди ещё не умели писать, по крайней мере те люди, которые жили на берегу Андреевского озера. Нужно раскапывать землю.

Там, где волны во время прибоя размывают берег озера, можно найти черепки старинной глиняной посуды и кремневые наконечники стрел. Должно быть, где-то здесь поблизости жил древний человек. Присматриваясь к берегу, вы видите, что он имеет известные удобства для обитания. Да, пожалуй, здесь и действительно жил когда-то человек: почва здесь особенная, чёрная, тогда как кругом она песчаная, эта почва, очевидно, от перегнивания различных отбросов у жилья человека.

Если вырыть* здесь яму — «шурф», то можно определить толщину «культурного» слоя земли. Чем больше жил человек на известном месте, тем толще культурный слой и тем больше вероятность найти в нём различные брошенные или потерянные предметы. Сами по себе эти предметы сейчас не имеют никакой цены, но они дороги для науки, так как по ним может быть восстановлена прошедшая жизнь человека.

* Археологические раскопки могут быть производимы только с надлежащего разрешения и под руководством специалиста. Самовольные раскопки запрещены законом.

Для изучения стоянки в ней прокладывается несколько глубоких и широких канав — «траншей», причём выбрасываемая из траншей земля тщательно исследуется, обнаруженные в ней предметы подбираются, укупориваются и затем посылаются в научные центры для детального изучения. Вот здесь при рытье траншеи обнаружился четырёхугольный участок чёрной земли, далеко углубившийся в песчаную почву: здесь, очевидно, была расположена землянка. Начинаем особенно осторожно рыть землю, причём количество находимых предметов заметно увеличивается. Вот уже и дно землянки близко.

Обозначиваются две половинки землянки: на одной стороне, очевидно, были расположены нары, другая служила для разного рода работ и приготовления пищи. Тут особенно часто встречаются глиняные палочки, служившие, вероятно, для наматывания ниток, из которых вязали сети. А вот в дальнем углу, за нарами, видны следы очага. На стороне, противоположной очагу, мы наталкиваемся на какой-то красноватый слой земли, имеющий чешуйчатое строение. Мы догадываемся: весь этот красноватый слой толщиной в 5—10 сантиметров образовался из рыбной чешуи! Человек перед очагом чистил рыбу, причём всякий раз, по крайней мере часто, чешуя попадала на земляной пол, здесь

втаптывалась и оставалась. Человек того времени не отличался большой чистоплотностью, да к тому же землянка служила жильём, вероятно, в течение ряда поколений, вот почему здесь образуется такой толстый слой рыбьей чешуи.

Кроме озера и городиш на берегу озера кое-где встречаются курганы. Эти памятники оставлены племенем, которое имело обыкновение воздвигать над могилами сородичей земляные насыпи. Необходимо заметить, что следы обитания древнего человека встречаются по всему Тюменскому округу. Раскопки, произведённые в восьмидесятых годах прошлого столетия Словцовым и в наше время Дмитриевым, приоткрыли отчасти завесу, скрывающую от нас далёкое прошлое, но работы в этом направлении ещё непочатый край. Пока же население обязано охранять памятники древней культуры.

Ф. А.

Красное знамя. 1929.

12 июля. С. 2.

* * *

У нас есть железная руда

В описаниях нашего округа обыкновенно говорится, что он, представляя из себя дно бывшего когда-то здесь моря, не имеет каких-либо полезных ископаемых, кроме песку и глины, нижние слои которых осели из морских, а верхние из пресноводных бассейнов. Ука-

зывается также на наличие у нас больших запасов торфа, образовавшихся вследствие заболачивания озёр. Однако же этим не исчерпываются богатства нашего округа в отношении полезных ископаемых. Так, в нём имеются порядочные залежи некоторых красок, например, охры и мумии. Залежи красок имеются в Тюменском районе (д. Кулакова, Акияры, Чёрная речка), Липчинском (дер. Трошкова), Суерском (дер. Чёрная), но они далеко ещё не выявлены. В Липчинском районе находит себе широкое применение в ковровом производстве краска «ржавец». Все эти краски по своему составу имеют связь с окислами железа, и поэтому невольно приходит в голову соображение о присутствии в округе железных руд.

Ближайшее исследование вопроса приводит к неожиданному заключению о наличии в Тюменском округе значительных залежей железной руды в виде бурого железняка и сферы сидерита, причём некоторые её разновидности имеют до 40—44 процентов железа, т.е. пригодные для промышленного использования. Залежи эти приурочены, главным образом, к южной правобережной котловине Липчинского района, рода которого вообще отличается некоторыми своеобразными особенностями. Волнистый, беспокойный характер рельефа, ярко выступающий, например,

около дер. Елкиной, Калугиной, Мальковского выселка, Трошковой, Гуриной, обилие ключей, быстрое течение и каменистое дно некоторых речек, например, Липки, преобладание хвойных лесов, включающих в свой состав, кроме основной породы — сосны, значительную примесь ели и пихты и в малом количестве кедра и лиственницы, — всё это придаёт описываемой части округа характер предгорья. И вот здесь-то именно находится целый ряд «рудников», т.е. расположенных в месторождениях железняка ям, которые имели значение шурфов для исследования запасов руды и из которых жителями брался камень для бута и др. целей.

Большинство «рудников» расположено по речке Липке или вблизи неё, например, около деревень Шехарёва, Мельничная, Елкина, Лужбина, Галашева, Тотникова, Трошкова. Есть выходы руды по Нице, например, около Ерзовки и Усть-Ницынского, и по Кынырке, например, около Размазиной. Часть месторождений выходит за пределы Липчинского района, например, около Щелконоговой на Айбе и около Кулаковой.

Какое же значение могут иметь запасы железной руды в Тюменском округе? Нужно сказать, что около 20 лет назад ставился вопрос о промышленном их использовании. Однако же

до постройки чугуноплавильного завода дело не дошло, очевидно, главным образом вследствие разбросанного характера месторождений руды; к тому же не все разновидности имеющегося железняка пригодны для выплавки чугуна. Но в качестве бута, в особенности те её низшие сорта, которые расположены по руслам рек и известны под названием «речника», например, около Мельничной, безусловно, могут и должны быть использованы, например, при постройках, укреплении мостов и устройстве дамб.

Безусловно, речник ввиду лёгкости его доставки по воде может сыграть полезную роль и при неизбежном в будущем укреплении берега Туры около Тюмени. Речник есть и по Туре, например, около Каменки, Елкиной, Калугиной, Усть-Ницынского, но залегает он здесь обыкновенно под водой и обнажается лишь по глубоком спаде воды. Но около Мельничной и Ермолиной на берегах Липки речки легко доступен сразу после спада весенних вод.

Ф. Ларионов

Красное знамя. 1929.

13 июля. С. 3.

* * *

Лицо тюменского края

Краеведческое общество в Тюмени предполагает провести в ближайшие месяцы ряд открытых заседаний для заслушивания отчётов своих членов

и других лиц о проделанной в течение лета исследовательской работе по изучению Тюменского округа. Направление этих работ нередко определяется теми сообщениями, которые поступают от добровольных корреспондентов общества с мест.

Чаще всего получались сведения о нахождении полезных ископаемых. Ближайшее исследование со стороны командированных на места членов общества показало, что наш равнинный, удалённый от горных хребтов край не так уже беден полезными ископаемыми, как это может показаться сначала. Пески, годные для стеклотелия, пески крупнозернистые, с галькой, применимые в строительном и дорожном деле, встречаются во многих районах. Краски — охра, мумия также не представляют большой редкости. В Липчинском районе имеются скопления железной руды настолько значительные, что около 20 лет тому назад поднимался вопрос об эксплуатации. Низшие сорта этой руды, расположенные по нижнему течению речек Липка и Ница, могут быть использованы в качестве бутового камня — обстоятельство, которое получает определённое значение в связи с работами по укреплению берега Туры в Тюмени.

В нашем округе встречаются окаменелые остатки вымерших животных не только лед-

никового периода, как мамонт, волосатый носорог, первобытный бык, но и более древних времён, тех времён, когда на месте Западно-Сибирской равнины было так называемое нижне-третичное море. Там, на речке Липке и на озере Гурино, найдены окаменелые кораллы, зубы акул, позвонки морских рыб и т.п. Интересен наш край и в отношении археологическом: здесь много курганов, городищ, стоянок доисторического человека. Все эти памятники старины необходимо регистрировать, наносить на карту, охранять от самовольных раскопок и расхищения.

На Андреевском озере продолжал нынче свои раскопки московский археолог Дмитриев, уже третье лето работающий по распутыванию нитей жизни человека, обитавшего в нашем краю задолго до прихода сюда татар и русских, и оставившего после себя упомянутые бугры, курганы и городища. Ученики педтехникума случайно открыли в Суерском районе интересную древнюю стоянку, которая заслуживает направления туда особой экспедиции. В течение года велись наблюдения над растениями и животными. Зарегистрировано несколько новых видов растений и птиц, которые до сих пор не значились в соответствующих списках по Тюм. округу. На реке Тавде в течение всего лета производились зоологические сборы.

Несомненно, что много интересных, важных сообщений могли бы дать наши окружные работники — учителя, агрономы и мелиораторы, лесоведы, дорожные мастера и др. К сожалению, для выявления этих нередко весьма ценных сведений, которые помогли бы скорее составить правильное представление об округе и его особенностях, [дело] поставлено пока весьма несовершенно.

Ф. Ларионов

*Красное знамя. 1929.
29 нояб. С. 6.*

* * *

Полезные ископаемые по р. Юзе

Осенью нынешнего года удалось, попутно с другими работами, обследовать р. Юзю Исетского района, в Батеневском сельсовете. В отношении полезных ископаемых р.Юзя представляет для нашего округа большой интерес. Мною обнаружены в нескольких местах залежи рыхлого мелообразного известняка. Мощность достигает местами более 2,5 метра. Добывать этот известняк очень легко, так как он лежит под слоем охры на 1,5 дециметра.

Судя по ракушкам, найденным в известняке и в других геологических слоях, этот известняк относится к верхне-миоценовым мергелям (третичный период), годен для выработки извести и известкования полей. Также найдено в нескольких

местах и так называемое «каменное масло» — сернокислый алюминий, которым пропитаны торф и глина. Вблизи сернокислого алюминия часто в глинах выкристаллизовывается и гипс. Также по речке встречается пластами железняк, серный колчедан, охра и мумия.

Так как в районе дер. Хорзовой — Бигилинское, по сообщениям крестьян, также есть и железняк, и краски, и известняк, то необходимо оба района основательно обследовать.

Россомахин

Красное знамя. 1929.

28 нояб. С. 4.

²¹ Возможно, опечатка. Вероятно, речь идёт о *Протопопове, Михаиле Андреевиче* (?—?) — члене ТОНИМК. В ТЗОНИМК он фигурирует в списке членов общества (С. 9). В то же время в качестве автора вышеназванного доклада указан *Протопопов М.В.* (С. 5). Возможно, все эти разночтения объясняются всё теми же опечатками.

²² *Городков, Борис Николаевич* (1890—1953) — известный геоботаник, физик-географ, исследователь Арктики и Сибири, систематик-флорист. Родился в 1890 г. в Тобольске. Окончил Тобольскую гимназию, химическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Осуществил по заданию Тобольского губернского музея и РАН ряд экспедиций на территории Тобольской губернии: на р. Конду в 1910 г., на р. Салым в 1911 г., в Ишимский уезд в 1912 г., на р. Вах в 1913 г., на р. Северную Сосьву и в бассейн р. Маньи в 1915 г.

В 1923 г. по инициативе и под руководством учёного РАН была органи-

зована экспедиция на территорию Обско-Тазовского водораздела с бассейнами рек Пур и Таз и Гыданский полуостров. В результате была составлена карта рек Агана и Пура, собраны первые сведения о природе, ресурсах и населении этого края. Географическое общество СССР высоко оценило работу исследователей, наградив Бориса Николаевича медалью имени П.И. Пржевальского. В 1927—28 гг. под руководством *Городкова* была проведена Гыданская экспедиция, длившаяся 14 месяцев. Пройдя на лодках и собаках 5 тыс. км, учёные создали достоверную карту полуострова. По материалам экспедиции *Борисом Николаевичем* было опубликовано 15 статей и заметок. В общей сложности за 39 лет учёный совершил 26 экспедиций. Умер в 1953 г. в Ленинграде.

Автор доклада «Краткое сообщение о Западно-сибирской экспедиции Академии наук Р.Г.О. 1923 г.» (1923 г.). Материалы экспедиций *Городкова* 1920-х гг. публиковались в научной периодике того времени: *Городков Б.Н.* Западно-Сибирская экспедиция Российской Академии наук // *Природа*. 1924. №7—12. С. 3—32; *Он же*. Полярный Урал в верхнем течении рек Оби и Войкара // *Известия АН СССР*. 1926. № 9. С. 747—766; *Он же*. Гыданская экспедиция АН СССР // *Научное слово*. 1929. № 3. С. 94—99 и др.

О жизни и деятельности *Городкова* см.: *Тобольков В.К.* К верховьям исчезнувшей реки. М., 1930. 120 с.; *Букреев В.* Первая советская на Ямале: Документальный очерк // *Красный Север*. 1970. 12 авг.; *Омельчук А.К.* Нехоженым маршрутом // *Красный Север*. 1981. 15 янв. С. 5; *Козин В.В.* К верховьям неведомых рек: Жизнь и путешествия *Б.Н. Городкова*. М., 1981. 119 с.; *Конов-*

- лова Е., Шварева Л. Авторы Ежегодника Тобольского губернского музея // Лукич. 2001. Ч. 3. С. 74–78.
- ²³ По всей вероятности, так свои заметки подписывал Л.Р. Шульц.
- ²⁴ Так в тексте.
- ²⁵ **Никольский, Александр Иванович** (1897–1927) — член ТОНИМК. Родился в 1897 г. в г. Таре Тобольской губернии. Имел незаконченное высшее образование, учитель по профессии. Женат, накануне смерти проживал по ул. Коммуны. 25. Умер от туберкулёза лёгких 20 декабря 1927 г. в Тюмени (актовая запись о смерти № 1475). О смерти заявила жена Ан. Ал. Никольская.
- ²⁶ **Кудряшов, Борис Васильевич (?–?)** — член и на протяжении некоторого времени технический секретарь ТОНИМК. Автор доклада «Ботанические обследования торфяных болот Тюменского округа» (1924 г.). Публиковался в «Записках...»: *Кудряшов Б.В.* К вопросу об исследовании торфяных болот Сибири //ЗТОНИМК. 1924. Вып. 1. С. 10–13; *Он же.* Результат обследования торфяных болот близ с. Ожогина Тюменского уезда в 1921 году // Там же. С. 14–23 (с илл. и прил.).
- ²⁷ **Аржиловский, Андрей Степанович** (1885–1937) — краевед, один из информантов П.А. Городцова. Автор доклада «Свадебные обряды Червишевской волости Тюменской губернии» (1924 г.). Родился в д. Зырянка Тюменского района. Счетовод сельхозартели «Прогресс» в Тюмени. 29.07.1937 г. арестован, 05.09.1937 г. осуждён «тройкой» Омского УНКВД и 08.09.1937 г. расстрелян в г.Тюмени. Реабилитирован 13.07.1957 г. Его судьбу разделил старший брат Михаил, бывший псаломщик, позднее — преподаватель пения в тюменских школах №№21, 50, 51. 10.09.1937 г. он был арестован, ровно через месяц осуждён «тройкой» Омского УНКВД, а 12.10.1937 г. расстрелян в г. Тюмени. Реабилитирован 09.02.1957 г. См.: Книга расстрелянных: Матриолог погибших от руки НКВД в годы большевистского террора (Тюменская область). В 2 томах: Т.1. Тюмень, 1999. С. 16.
- ²⁸ **Россомахин, Павел Афанасьевич** (1886–1956) — общественный деятель, краевед, директор Тюменского музея в 1926–36, 1939–41 гг. В последние годы жизни проживал по ул. Коммуны, 41. Умер 4 мая 1956 г. в Тюмени (актовая запись о смерти № 353). О смерти заявил Архип Павлович Сударев, проживавший по тому же адресу. Свидетельство о смерти выдано спец. поликлиникой. См.: *Петрушин А.А.* «Первый ученик» И.Я. Слоцова П.А. Россомахин // Материалы научно-практической конференции «Словцовские чтения», посвящённой 150-летию И.Я. Слоцова. Тюмень, 1995. С. 78–82; *Семёнова В.И.* Из истории комплектования фондов ТОКМ (деятельность П.А. Россомахина) // Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции «Словцовские чтения-96». Тюмень, 1997. С. 37–39; *Чупин В.А.* К истории антирелигиозного музея в Тюмени: страницы выставки «Герой нашего времени. П.А. Россомахин» // Словцовские чтения-97: тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 1997. С. 42–44; *Скипина И.В.* П.А. Россомахин и его неопубликованные рукописи // Ежегодник ТОКМ: 1999. Тюмень, 2000. С. 84–101; *Копылов В.Е.* Метеорит «Тюмень» // *Копылов В.Е.* Окрик памяти: История Тюменского края глазами инженера. Книга вторая. Тюмень, 2001. С. 149–152. — *Рассказывается о судьбе метеорита, найден-*

ного П.А. Россомахиним в 1903 г. в г. Тюмени; «Товарища... считать проверенным» // Лукич. 2001. Ч. 4. С. 209–212; 2002. Ч. 1. С. 216–218; Петрушин А. Тайна «золотого парохода» // Лукич. 2002. Ч. 1. С. 51–58.

²⁹ **Кузнецов, Андрей Михайлович** (1870–?) — преподаватель, орнитолог, член ТОНИМК. Родился 30 июня 1870 г. в Тюмени в семье мещан. Окончил реальное училище. Позднее, по-видимому, покинул город, поскольку в анкете от 31.01.24 г. сообщается, что в Тюмень прибыл из Красноярска. В годы гражданской войны служил в Белой армии в должности подвозчика. Препаратор, преподаватель Тюменского сельскохозяйственного техникума. На 31.01.24 г. семьи не имел, проживал по ул. Ирбитской, 54. Член профсоюза работников просвещения. Публиковался в «Записках...»: *Кузнецов А.М.* Краткий обзор прилёта и отлёта птиц в окрестностях г. Тюмени в 1923 г. // ЗТОНИМК. 1924. Вып. 1. С. 24–27.

³⁰ **Хилькевич, Эдуард** (в актовой записи о смерти — **Эдвард Карлович** (1895–1964) — преподаватель, учёный, член ТОНИМК. Родился 28 (29?) сентября 1895 г. в г. Ишиме в семье разжалованных дворян из числа ссыльных поляков. Относительно даты рождения Эдуарда Карловича имеются некоторые разночтения. Так, в своей статье «Сведения об авторе», предвещающей публикацию воспоминаний Хилькевича «Kronica rodziny (семейная хроника)», М.Э. Волкова указывает на дату 29 сентября. В личной беседе Марина Эриковна сообщила, что основывалась на метрической выписи, однако в др. документах Эдуарда Карловича она встречала и дату 28 сентября. В списке сотрудников Тюменского сельскохозяйственного техникума на 31.01.24 г. в качестве даты рождения Эдуарда Кар-

ловича указано 29 сентября (ГАТО. Ф. 1202. Оп. 2. Д. 1. Л. 2 об.).

Окончил Тюменское Александровское реальное училище (1905–13 гг.) и 3 курса Петроградского института инженеров путей сообщения (1913–17 гг.). В качестве студента-практиканта военно-дорожного отряда был направлен на Юго-Западный фронт, после контузии вернулся в Тюмень. Давал частные уроки по математике, работал в редакции газеты «Известия Тюменского Совдепа», позднее получившей название «К оружию». С 1918 г. начал преподавательскую деятельность в учебных заведениях Тюмени, Свердловска, Томска, Саратова.

В 1920–30 гг. — преподаватель и заведующий учебной частью Тюменского сельскохозяйственного техникума. Член правления ТОНИМК (1920–27 гг.), профсоюза работников просвещения, ряда др. общественных организаций.

В 1930–40-х гг. опубликовал ряд научных работ по проективной и неевклидовой геометрии и истории развития идей Н.И. Лобачевского. В 1940 г. получил учёную степень кандидата физико-математических наук (по геометрии).

В 1930-х–1960-х гг. избирался в городской и областной Советы народных депутатов. На 31.01.24 г. с семьёй из 4 человек проживал по ул. Знаменской, 2. Умер 25 апреля 1964 г. в Тюмени (актовая запись о смерти № 444). Перед смертью проживал по ул. Орджоникидзе, 56. О смерти заявил Геннадий Яковлевич Колотовкин. Свидетельство о смерти выдано спец. поликлиникой. См.: *Волкова М.* Сведения об авторе // Лукич. 2002. Ч. 3. С. 61–62; *Хилькевич Э.* «Kronica rodziny: семейная хроника» // Там же. С. 63–87.

³¹ Опечатка. Правильно — Серебренников. Возможно, речь идёт о Серебренникове А.Н.

В.И. Тихонов

³² Тихонов, Вячеслав Иванович (1885—1952) — член ТОНИМК. Родился 18 февраля 1885 г. в семье купца 2-й гильдии. В мае 1900 г. окончил Каменское двухклассное сельское училище. С 1 июля по 16 ноября 1905 г., будучи «гражданином г. Камышлова», служил конторщиком при управлении Нижне-Исетского завода. В мае 1919 г. окончил Тюменскую мужскую классическую гимназию. В 1920 г., прослушав курс сметного счетоводства при Тюменском народном университете, получил специальность счетовода. Умер 6 мая 1952 г. в г. Тюмени (актовая запись о смерти №119). Перед смертью проживал по ул. Казанской, 37. О смерти заявил Емельян Николаевич Маслов, проживавший по тому же адресу.

По свидетельству Тамары Николаевны Емельяновой, соседки покойного, Вячеслав Иванович собрал за долгие годы большую коллекцию книг, посуды, икон, шкатулок, медалей. После его смерти все имущество было описано квартальной этого района Ганжиной — коммунисткой, по доносу которой многие жители квартала были арестованы и репрессированы. Соседям Ганжина заявила, что коллекции будут переданы

«государству» (возможно, речь шла о музее). Как стало известно позднее, большая и наиболее ценная часть коллекций была расхищена Ганжиной и ее подручными.

Часть коллекций действительно попала в фонды ТОКМ с датировкой: декабрь 1952 г. Актов о передаче не сохранилось (возможно, они не составлялись). В итоге в собрание ТОКМ поступили следующие предметы из коллекции В.И. Тихонова: часы в деревянном корпусе (КП ОФ 2161), оселок в деревянном футляре (КП ОФ 2162), 8 деревянных икон (КП ОФ 1381), 2 медные иконы (КП ОФ 1382), медная и чугунная статуэтки (КП ОФ 2141, 2145), 15 медалей (КП ОФ 1464—1476, 1478), 27 металлических предметов утвари (КП ОФ 2141, 2143, 2144, 2146—2153, 2158, 2159, 2163—2170), а также альбом с фотографиями (КП ОФ 1581). В альбоме содержится более десятка фотографий к XIX—н. XX вв. На двух из них изображен сам Вячеслав Иванович, вероятно, в 1940—50-е гг. Остальные не атрибутированы вовсе либо имеют надписи на польском языке. Кто изображен на этих снимках — родственники краеведа, его друзья? Либо это просто часть собранной им коллекции?

Имеется также коллекционная опись от 23.05.52 г., в которой перечислены несколько десятков плакатов, документов, лотерейных билетов и фотографий 1920—30-х гг., полученных «от коллекционера Тихонова В.И.». В библиотеке ТОКМ хранятся два издания со штампом «Библиотека В.И. Тихонова»: журнал «Отечественные записки». Т. 31. СПб., 1827 (КП ОФ 9877/1) и книга «Памятник из законов, руководствующий к познанию приказного обряда, собр. по азбучному порядку трудами народного советника Федора Правикова». Ч. 1. Изд. 2. Москва,

1803 (КП ОФ 10176), а также книга из собрания В.И. Тихонова, но без такого штампа, переданная Т.Н. Емельяновой, — *Фламарион*. Атмосфера. М., 1901. (КП ОФ 14864). Ряд книг из библиотеки Вячеслава Ивановича находится в Тюменской областной научной библиотеке им. Д.И. Менделеева.

³³ **Ларионов, Фёдор Филиппович** (1876–1951) — учёный, преподаватель, общественный деятель. Член ТОНИМК, в декабре 1926 г. избран учёным секретарём общества. Автор докладов: «Птицы, зимующие в окрестностях города Тюмени» и «Новые данные к орнитологической фауне г.Тюмени» (1923 г.). Родился 14 февраля 1876 г. в с. Карагат Убинской волости Каинского округа Томской губернии в крестьянской семье. Окончил Каинское приходское училище и Омскую учительскую семинарию. Учитель русского языка в Берёзовском уездном училище (1897–1903 гг.), принял активное участие в создании в 1899 г. первой библиотеки города, где впоследствии исполнял обязанности библиотекаря на общественных началах. Окончил в 1905 г. естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В 1904 г. совершил месячную поездку в низовье Оби совместно с настоятелем Обдорской духовной миссии И. Шемановским, во время которой производил ботанические и энтомологические сборы. Затем некоторое время работал учителем в Тобольском городском четырёхклассном училище, в 1906–14 гг. вновь преподавал в Берёзове и заведовал метеорологической станцией. Летом 1913 г. совместно с ботаником профессором Поле совершил путешествие по р. Казыму, при этом выполнил маршрутную съёмку.

В 1914–20 гг. заведовал Тюменским высшим начальным училищем, в

1920–21 гг. — губернский инспектор школ национальных меньшинств по Берёзовскому и Сургутскому округам. Составляет остяко-русский и русско-остяцкий словари с приложением материалов по изучению наречий остяцкого языка, обрабатывает записи народных сказок. В первой мировой и гражданской войнах участия не принимал. В 1921–32 гг. — преподаватель биологии, химии и методики естествознания Тюменского сельскохозяйственного техникума. Осуществлял исследования флоры, орнито- и энтомофауны Тюменского округа, вёл фенологические наблюдения. На 31.01.24 г. Фёдор Филиппович с семьёй из 4 человек проживал по ул. Ирбитской, 10. Входил в профсоюз работников просвещения. В 1932–40 гг. преподавал общую биологию, методику естествознания и вёл полевую практику в Тюменском педагогическом институте. В 1940 г. вышел на пенсию и переехал в г. Минск, где работал в институте усовершенствования учителей, затем в институте школ. Позднее переехал в Ленинград. Похоронен в Ленинграде. См.: *Ларионов Ф.* Семейная хроника: Материалы к истории культуры Западной Сибири. Шадринск. 1993; *Михайленко А.К.* Учитель с большой буквы: К 120-летию Ф.Ф. Ларионова // Югра. 1996. № 2. С. 12–16; *Ларионов Ф.Ф.* // *Белобородов В.К., Пуртова Т.В.* Учёные и краеведы Югры: Биобиблиогр. очерк. Тюмень, 1997. С. 165–167.

³⁴ **Ханжин, Михаил Яковлевич** (1907–1941) — член ТОНИМК, брат известного тюменского самодельного художника Геннадия Ханжина. Родился в с. Кодское Шатровской волости Курганского уезда Тобольской губернии в многодетной крестьянской семье. В 1923 г. переехал

в Тюмень, в 1926–30 гг. работал в Тюменском краеведческом музее, жил в здании церкви Петра и Павла, принадлежавшем музею. В 1930–33 гг. жил в Ленинграде, где под влиянием одного священника становился глубоко верующим человеком. По возвращении в Тюмень работал в пожарной части при судостроительном заводе и в краеведческом музее, благодаря чему получает доступ к религиозной литературе из музейной библиотеки. В 1933 г. на общем собрании прихожан Всехсвятской общины был избран церковным старостой. Проживал по ул. Таборной (в районе Ильинской церкви), изготовлял с женой на дому церковные свечи, восстанавливал церковную утварь и т.д.

23.09.36 г. Михаил Яковлевич был арестован по обвинению в нарушении ст. 73 Уголовного кодекса путём оказания сопротивления при проверке церковного имущества. После длительного разбирательства его приговорили к 6 месяцам принудительных работ без конфискации имущества. В 1941 г. он был призван на фронт, где и погиб (по официальным данным). Однако на запросы Г.Я. Ханжина в архивы с просьбой сообщить об обстоятельствах и месте гибели брата поступил ответ из Военной коллегии Верховного суда СССР № 5-9107/41 от 21.11.85 г., согласно которому «постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 31.10.1985 г. приговор военного трибунала Омского гарнизона от 22.09.1941 г. и определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 11.10.1941 г. в отношении М.Я. Ханжина отменены и дело за отсутствием преступления прекращено. Ханжин Михаил Яковлевич по данному делу реабилитирован посмертно». Таким образом, обстоятельства гибели этого краеведа по-прежнему остаются загадкой. См.:

Ханжин Г. В картинах — моя память: Альбом. Тюмень, 2000. С. 29, 34–39, 46; *Курмачёв В.А.* Историческое обозрение о Всехсвятской церкви города Тюмени (1833–1998 гг.). Тюмень, 1998. С. 14–15, 36–39.

³⁵ **Аносов (?–?)** — председатель правления ТОНИМК с 1929 г.

³⁶ **Огибенин, Григорий Тарасович** (1897–1937) — преподаватель, химик, сын известного тюменского фотографа Т.К. Огибенина. Родился 8 июля 1897 г. в Тюмени. Окончил реальное училище и 2 курса Петроградского горного института, но в связи с революционными событиями 1917 г. был вынужден прервать обучение и вернуться в Тюмень, где был мобилизован в Белую армию. Служил в чине прапорщика, в военных действиях участия практически не принимал, в г.Канске перешёл на сторону красных. В 1920-е гг. был одним из основателей агропедагогического института в Тюмени, организовал там ряд химических лабораторий, был доцентом, зав. кафедрой, имел печатные труды.

На 31.01.24 г. с семьёй из 3 человек проживал по ул. Войновской, 14. Не был членом профсоюза. В 1929 г. был лишён избирательных прав, 16.09.1937 г. арестован, 31.10.1937 г. осуждён «тройкой» Омского УНКВД и 03.11.1937 г. расстрелян в г. Тюмени. Реабилитирован 29.09.1956 г. Актовая запись о смерти №56 сделана в 1957 г. В ней указывается, что Огибенин Г.Т. умер 31.10.43 г. от порока сердца. В качестве врачебного документа, подтверждающего факт и причину смерти, упоминается некое «сообщение от 13.11.46 г.». Заявление о смерти сделано Владимиром Григорьевичем Огибениным, сыном покойного, проживавшим по ул. Кирова, 22. См.: Книга расстрелянных... С. 136; *Копылов В.Е.* Тарас

Огибенин — мастер светописи // *Копылов В.Е.* Окрик памяти. Книга первая. Тюмень, 2000. С. 267—271.

³⁷ **Клер (Клэр), Модест Онисимович** (1879—1966) — геолог, один из первых профессоров горного института, основанного в Екатеринбурге в 1917 г. Родился в Екатеринбурге, окончил факультет естественных наук в академии г. Невшателя (Швейцария), на родине своего отца Онисима Егоровича Клера (1845—1920) — основателя Уральского общества любителей естествознания, музейного деятеля, краеведа. Преподавал в университете Женевы, где в 1904 г. получил учёную степень доктора естественных наук. В 1907 г. вернулся в Россию, с 1911 г. проживал на Урале. В мае 1923 г. Модест Онисимович, преподававший в то время в Уральском университете, был арестован по обвинению в экономическом шпионаже в пользу Франции. Тюменская газета «Трудовой набат» откликнулась на это событие двумя передовицами. 12 февраля 1924 г. на первой полосе появилась заметка «Суд над предателями», сообщавшая: «В Екатеринбурге начался процесс заведующего геологоразведочной частью Урал... *<текст утрачен>* профессора Уральского университета Клера, обвиняемого в экономическом шпионаже в пользу французских капиталистов, а также в содействии им с целью подорвать экономическую мощь Совреспублики. Имея доступ ко всем секретным материалам о состоянии уральской промышленности, Клер передавал копии представителю французской анонимной платино-промышленной компании профессору Дюнар. С этим шпионажем была связана работающая на Урале под флагом помощи голодающим миссия французского Красного Креста в лице директора Дю-

ренга». Неделю спустя в заметке «10 лет заключения за экономический шпионаж» газета сообщила о приговоре, вынесенном учёному: «В Екатеринбурге на суде после 5-ти дневного разбора, закончилось дело профессора Клера, обвинявшегося в экономическом шпионаже. Суд установил полную виновность Клера и приговорил его к расстрелу, однако, принимая во внимание крепость Советской власти, заменил расстрел 10-ю годами заключения со строгой изоляцией и конфискацией имущества» (Трудовой набат. 1924. 19 февр. С. 1).

Вероятно, благодаря заступничеству известного металлурга В.Е. Грум-Гржимайло, заявившего: «Не поверю, пока мне этого не докажут», — и пожелавшего выступить в суде в качестве свидетеля защиты, первоначальный приговор (расстрел) был заменён на более мягкий (10 лет заключения). В апреле 1925 г., когда стало известно, что профессор содержится в общей камере с 35 заключёнными и поговаривает о самоубийстве, Грум-Гржимайло обратился с ходатайством к Ф.Э. Дзержинскому, заявив: «За Клера я ручаюсь и готов взять его на поруки». Вскоре Клер был амнистирован. Реабилитация состоялась лишь в 1993 г. В блокноте Э.К. Хилькевича имеется запись: «проф. Клер Модест Онисимович. Свердловск, ул. Народной воли, д. 26, кв. 2». См.: *Главацкий М.Е.* Правозащитная деятельность В.Е. Грум-Гржимайло // История репрессий на Урале в годы советской власти: Тезисы докладов научной конференции: 25—26 октября 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 25—28; *Копылов В.Е.* В поисках утерянных фотографий // *Копылов В.Е.* Окрик памяти: История Тюменского края глазами инженера. Книга первая. Тюмень, 2000. С. 45—50.

P.S.

Всё, что ни делается — к лучшему. Публикация оказалась довольно внушительной, вследствие чего была разбита на две части. За то время, что готовился к печати второй номер «Лукича», автору удалось обнаружить дополнительные, не слишком обширные, но всё же небезытересные сведения об упоминаемых в его публикации персоналиях. Спешу поделиться.

Агибалов И.Ф. — в двух документах от 27 мая и 19 июля 1919 г. он упоминается в качестве ишимского городского головы. На заседаниях Ишимской городской думы, состоявшихся в эти дни, Иван Фёдорович докладывал о формировании 2-го Ишимского кадрового полка, а также о подготовке к эвакуации из города учреждений¹. Помимо интересного биографического факта окончательно решается вопрос и о правильности написания фамилии краеведа — мы склонны более доверять журналу Ишимской городской думы, нежели избилующим опечатками «Запискам ТОНИМК».

Бердников Н.И. — принял участие в I общегубернском съезде депутатов уездных и городских продовольственных комитетов Тобольской губернии, проходившем с 21 по 26

мая 1917 г. в Тобольске. На съезде Николай Иванович выступил с докладом по десятому пункту повестки дня: «Содействие организации сельскохозяйственного производства». Судя по принятой съездом резолюции, доклад носил сугубо практический характер и был лишён какого-либо политического оттенка².

Молодых В.Г. — на 04.12.1922 г. был председателем президиума Монастырского Свято-Троицкого религиозного общества в г. Тюмени³. На 26.03.1923 г. он занимал эту же должность, в соответствующем документе имеется запись: «Молодых Василий Гаврилович — ул. Казанская, 16; служащий Тюменского губархива, служил по выборам членом Городской управы, домовладелец, время присоединения к культуре — 1871 г.»⁴.

¹ Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX—начало XX вв.). Тюмень, 1995. С. 302–304.

² Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии (март 1917—ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992. С. 46–50.

³ Религия и церковь в Сибири: Сб. науч. ст. и докумен. материалов. Вып. 7. Тюмень, 1994. С. 57.

⁴ Там же. С. 58.

Пыжов Ф.П. — в первой части публикации этот инициатор создания Ишимского музея вовсе остался без комментария — автору просто нечего было о нём сообщить. Сегодня я могу добавить, что нашего героя звали Фёдором Прокопьевичем и был он председателем Ишимского горсовета. 1 октября 1923 г. по его инициативе действительно был создан «Краевой музей», которому было выделено две комнаты на первом этаже Дома Советов (ныне корпус № 1 Ишимского государственного пединститута). Однако при первом заведующем музеем В.В. Николаеве фактически никакой работы не велось. Фактически деятельность музея началась лишь после назначения 1 августа 1924 г. на эту должность Г.В. Левина⁵.

Суханов П.С. — принимал участие в целом ряде общественно-политических акций. На Тобольском уездном крестьянском съезде, проходившем в Тобольске в период с 21 по 26 мая 1917 г., он выступал с докладами по шестому («Зе-

мельный вопрос») и четырнадцатому («О присоединении к Крестьянскому союзу») пунктам повестки дня⁶. Во время работы II сессии Тобольского уездного земельного комитета (Тобольск, 5–9 декабря 1917 г.) Павел Степанович сделал два доклада: «О земельном вопросе в связи с автономией Сибири» и «О лесном вопросе»⁷. 15 декабря 1917 г. он, уже в качестве депутата Учредительного собрания, принял участие в работе совещания представителей политических партий Тюмени⁸. На Тюменском уездном крестьянском съезде, проходившем в Тюмени с 30 января по 14 (1) февраля 1918 г., Суханов сделал доклад об Учредительном собрании. Содержание этого доклада нам неизвестно, однако в итоге съезд принял резолюцию, одобрявшую роспуск Учредительного собрания⁹. Наконец, в качестве члена Всероссийского Учредительного собрания Павел Степанович присутствовал на I чрезвычайной сессии Тобольского губернского земского собрания (Тобольск, 14–24 (1–10) февраля 1918 г.)¹⁰.

⁵ Крамор Г.А. Первый ишимский музей (исторический этюд) // Коркина слобода: Историко-краеведческий альманах. Вып.1. Ишим, 1999. С. 56.

⁶ Там же. С. 50.

⁷ Там же. С. 123–125.

⁸ Там же. С. 127.

⁹ Там же. С. 145–147.

¹⁰ Там же. С. 148.

КОНЬКОВ Николай Леопидович. Родился в 1941 г. Окончил Вологодский педагогический институт. Кандидат исторических наук. Работал учителем в Кировской области, научным сотрудником краеведческого музея в Архангельске. В настоящее время живет в Тобольске.

Интересуется региональной метрологией, нумизматикой и историей денежного обращения. Автор книги «Тобольские воеводы» (Москва, 2000).

Иван Николаевич Юшков

В ряду деятелей Тобольского музея (ныне Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник) Иван Николаевич Юшков несомненно занимает первое место. Он его основатель. «Мне, — писал в 1892 г. корреспондент «Сибирского вестника», — случайно пришлось познакомиться в городе с т-те Ю[шковой] и из бумаг ее покойного мужа я узнал, что музей основан в 1870 г. при губернаторе Соллогубе, на средства местного статистического комитета и мизерные пожертвования немногих образованных лиц. Начало музея положено покойным И[ваном] Н[иколаевичем] Ю[шковым] после командировки его в Обдорске за статистическими сведениями по ярмарке, откуда были вывезены им, в числе многих предметов, разная са-

моедская утварь, одежда, музыкальные инструменты (один из них наподобие ле-

беда) и пр., которые и в настоящее время занимают в музее видное место»¹.

При музее И.Н. Юшков создал первую в Тобольске научную библиотеку.

В 1859—1870-х годах он был редактором первой в крае газеты «Тобольские губернские ведомости». И, наконец, он автор ряда исследований, не утративших до нашего времени своего значения.

Однако, несмотря на свою разнообразную общественную деятельность, И.Н. Юшков остается полузабытым, недооце-

¹ См.: Сибирский вестник. 1892, № 78 (8 июля).

ненным деятелем культурной жизни Тобольска второй половины XIX в. И это при том, что музей и архив располагают материалами о жизни и деятельности И.Н. Юшкова, причем в архиве хранится метрическая книга с точной датой его рождения.

Нельзя не упомянуть и о таком факте. В изданном музеем календаре памятных дат на 2003 год ныне здравствующему руководителю отведено десять

строк с перечислением всех реальных и мнимых титулов и заслуг, для основателя же музея, со дня рождения которого в начале сентября (по старому стилю) исполнилось 170 лет, не нашлось места. Его просто забыли. А некогда тобольский писатель Ю.С. Надточий в книге о музее сказал о И.Н. Юшкове, что тот был «бескорыстный энтузиаст и знаток истории, этнографии и хозяйственного развития края»².

Фамильное древо

Нередко приходится слышать утверждения, что род Юшковых старинный, местный, что в Тобольске Юшковы появились чуть ли не в самом начале XVII в. В действительности это не так.

В переписи священнослужителей Сретенской церкви 1811 года находим такую запись: «Священник Андрей Михайлов Юшков, сын умершего священника Михаила Юшкова бывшего Пермской епархии Камышловского ведомства Латышевского села, показан в прошлую ревизию обучающимся в семинарии»³.

Из этой записи можно заключить, что предок основателя Тобольского музея Михаил Афанасьевич Юшков был выходцем из-под Камышлова (Пермская губерния) и оказался в Тобольске не ранее второй половины XVIII в.

Андрей Михайлович Юшков, по некоторым сведениям, был человеком спокойным и уравновешенным, какое-то время служил протоиереем Благовещенской и Захарьевской церквей в Тобольске⁴.

У него имелись два сына: (Николай и Андрей) и две доче-

² Надточий Ю.С. Тобольский музей-заповедник. Свердловск, 1988. С. 90.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 8. Д. 288. Л. 541 об. Отчество священника Михаила названо в родословной Юшковых, составленной внучкой основателя Тобольского музея.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 29. Л. 34 об.—35.

В «Ведомости Тобольской семинарии об учениках, учиненной за силу указа из Святейшего правительствующего Синода декабря от 17 [числа] 1774-го года за 1794-й год» об ученике риторического класса А. Юшкове приводятся следующие сведения: «Андрей Юшков, 18 лет. Градо-Тобольской Спасской

ри. Анна вышла замуж за Фортуната (в монашестве Филарет) Ивановича Петухова, Феоктиста — за Серебренникова.

Андрей Андреевич Юшков родился между 1812—1815 годами, учился в Тобольской духовной семинарии, из высшего класса которой «поступил в отделение Санкт-Петербургской medico-хирургической Академии на содержании казенном». Учение давалось ему легко, и по окончании академии он «признан по экзамену лекарем по медицинской и ветеринарной частям 1-го отделения с награждением за отличие серебряной медалью 1835 года августа 11». Некоторое время затем работал окружным врачом в Красноярске и Березове, объездным — в Обдорске.

12 июля 1837 года был «по воле начальства» из Березова перемещен в город Тобольск. Здесь он исправлял обязанности приемного врача в губернском рекрутском присутствии во время наборов в 1838, 1841, 1843, 1845 и 1848 годах, врача при пансионе гимназии и больнице духовной семинарии, почтовой конторе.

В 1851 году А.А. Юшков «определен исправляющим должность акушера врачебной управы». Согласно «Памятной книжке для Тобольской губернии на 1861 и 1862 г.» он был врачом в Мариинской женской школе и акушером при врачебной управе⁵.

В заметке «Несколько слов Тобольской женской школе» о нем находим такое упоминание:

«Для наблюдения за здоровьем казенных воспитанниц и вольно приходящих учениц и для доставления им в случае болезни врачебного пособия предложил безвозмездно услуги свои член Тобольской управы коллежский советник Юшков»⁶. Нет сомнений, что он пользовался известностью в городе и, как гласит семейное предание, его называли «святым доктором»⁷.

В браке с Татьяной Борисовной Феодосеевой у него родилось пять детей: два сына и три дочери. Умер Андрей Андреевич Юшков в мае 1875 года.

О его старшем брате, отце будущего основателя Тобольского музея, располагаем обсто-

церкви пономарь, священнической [сын], [обучается] в семинарии с 1787 [года] ноября 25, [обучен] поэзии, [обучается] риторике 3-й год, его посредственные дарования заменяет отменное прилежание, честен, [обучается] на своем содержании». — ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 4. Д. 1610. Л. 2.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 121. Л. 15 об.—29; Памятная книжка для Тобольской губернии на 1861 и 1862 годы. Тобольск, 1861. С. 13.

⁶ Тобольские губернские ведомости. 1858. № 32. С. 528. — *Далее* — ТГВ. — (Прим. издателя).

⁷ Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Отдел рукописей. ТМ КП 12285/1 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 1). Л. 1. — *Далее* — ОР ТГИАМЗ. — (Прим. издателя).

ятельными сведениями. В сохранившейся Клировой ведомости за 1841 год показан «священник Николай Андреев Юшков». Из документа узнаем, что на время его составления Николаю Андреевичу было 32 года. Достаточно простого арифметического подсчета, чтобы определить дату рождения — 1809 г. Детские годы прошли в родительском доме, затем он был принят в духовную семинарию. Проявлял несомненный интерес к учению.

«По окончании курса в Тобольской семинарии, — гласит запись в клировой книге, — 1828-го года июля 15-го дня уволен с аттестатом первого

разряда, 27-го июля того же года определен в высшее отделение Тобольского духовного уездного училища учителем закона Божия, греческого языка, священной истории и нотного пения, каковую должность проходил по 23-е июля 1840 года».

В сентябре 1832 года Н.А. Юшков был определен дьяконом к Богоявленской церкви. Вероятно, его новое назначение совпало с женитьбой. Избранницей молодого священнослужителя стала Александра Федоровна Рычкова из Оренбурга. О ней известно, что она родилась около 1814 года, умела читать и писать и умерла в марте 1883 года⁸.

Дьякон Богоявленской церкви, учитель Д.И. Менделеева

Первое упоминание о Богоявленской церкви относится к 1624 году. В дозорной книге города Тобольска о ней читаем, что «под горою, за речкою Курдюмкою промеж заливом на мысу церковь во имя Богоявления Господня да придел Прокопия Устюжского чудотворца». К 1646 году был устроен престол в честь Владимирской Божией матери.

Во второй половине XVII в. церковь неоднократно страдала от пожаров, и потому «усердием прихожан» на ее месте был возведен каменный храм. 23

июля 1691 года состоялось его освящение.

В первой половине XIX в. церковь имела три придела, при ней числилось от 500 до 800 человек¹. 14 сентября 1832 года сюда был определен дьяконом Н.А. Юшков. Новый священнослужитель, бесспорно, пользовался уважением прихожан и был на прекрасном счету у духовного начальства. «1837 года июня 6-го дня» Н.А. Юшков был «рукоположен высокопреосвященнейшим архиепископом Афанасием во священника»

⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 117. Л. 7 об.—8 об.; Д. 147. Л. 5 об.

¹ Подробнее о Богоявленской церкви см.: Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 13—14.— Далее — ТЕВ. — (Прим. издателя).

в кафедральный Софийский собор. Помимо своих основных обязанностей, Юшков с 11 октября 1837 года исполнял должность члена и казначея в попечительстве о бедных духовного звания, а с 28 августа 1839 года был членом и казначеем в строительном комитете, учрежденном для постройки каменной при семинарии больницы². Позже он был принят в губернскую гимназию, где с 30 января 1840 года преподавал закон Божий. Примечательно, что обучал закону Божьему и будущего знаменитого химика, а тогда гимназиста, Д.И. Менделеева и ставил ему посредственные оценки. По мнению писателя В.И. Старикова, Н.А. Юшков «был весьма добрым человеком»³. Однако составитель «родословного древа» характеризовал его как «человека резкого и раздражительного нрава». За свою

усердную службу Н.А. Юшков не раз поощрялся. Так, за преподавательскую деятельность в духовном уездном училище «с утверждения комиссии духовных училищ 1837-го года марта 3 дня награжден половинным учительским окладом из 225 руб. ассигнациями», а 15 октября 1839 года — набедренником (четырёхугольным платом, несколько продолговатым, с изображением креста).

В 1841 году, согласно клировой ведомости, семья Н.А. Юшкова состояла из жены Александры Федоровны, 27 лет, трех сыновей: восьмилетнего Ивана (будущего основателя музея), который в это время обучался «чтению, письму, российской грамматике и арифметике в доме родителей», Александра (7 лет), трехмесячного Дмитрия, — и двух дочерей: Анны (4 лет) и Анфисы (3 лет)⁴.

О дате рождения

Точная дата рождения И.Н. Юшкова до последнего времени оставалась неизвестной. В краеведческих публикациях она умалчивалась или указывался 1833 год, причем без ссылок на источник. Клировая ведомость Тобольского кафедрального собора за 1844 год вносила дополнительную путаницу. Она по-

зволяла отнести время рождения основателя музея к 1834 году, так как к моменту составления документа ему исполнилось 10 лет. Правда, эти данные опровергаются тем, что в клировой ведомости за 1834 год среди детей «диакона Николая Андреева Юшкова Градо-Тобольской Воскресенской церк-

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 117. Л. 7 об.—8 об.

³ Стариков В.И. Д.И. Менделеев. Свердловск, 1984. С. 31.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 117. Л. 7 об.—8 об.

ви священника Андрея Юшкова сына» показаны двое сыновей: Иоанн (Иван) и Александр.

О первом из них сказано: «малолетний, 1 год»¹. Этим обстоятельством хронологические рамки поиска сужались до второй половины 1833 года. Исследование метрических книг тобольских церквей, сохранившихся до наших дней в городском архиве, позволило выяснить точную дату рождения И.Н. Юшкова.

В первой части «Книги данной из Тобольской духовной консистории во исполнение указа святейшего Правительствующего Синода от 28 февраля 1831 года Градо-Тобольской Богоявленской церкви священнослужителям для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1833-й год» за август в графе «у кого кто родился» обнаруживаем запись: «Тридцатого дня Градо-Тобольской церк-

ви диакона Николая Андреева Юшкова от законной его жены Александры Федоровой родился сын Иоанн».

Крещение новорожденного состоялось в день Семена-летопроводца — 1 сентября. Восприемниками были, узнаем из записи, «Градо-Тобольской Воскресенской церкви священник Андрей Юшков» и «вдова коллежская советница Анисия Александровна Горяева»². Таким образом, в данной публикации впервые названа с указанием месяца и числа дата рождения основателя Тобольского музея — 30 августа 1833 года.

В этот день православные вспоминают Иоанна — константинопольского патриарха, жившего в VI веке, а накануне отмечается Иван Постный — «осени отец крестный». «Празднуют как церковный праздник. Едят постное»³.

Отечество И.Н. Юшкова — Тобольск

И.Н. Юшков жил в переломную эпоху России. На время «апогея самодержавия» — царствование Николая I пришлись его детские годы и начало трудовой деятельности в качестве учителя и инспектора духовного училища, на правление Александра II Освободителя — служба по гражданскому ведомству. Жизнь бу-

дущего основателя Тобольского музея, за малым исключением, прошла в г. Тобольске. Известно, что по делам службы на месяц-полтора он выезжал в Ишим и Обдорск. Был еще в экспедициях и походах вблизи древней сибирской столицы. Но Тобольск оставался для него постоянным местом жительства и службы.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 56. Л. 17 об.—18 об.; Д. 147. Л. 5 об.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 20. Д. 92. Л. 4 об.

³ См.: Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993. С. 76.

Поэтому следует хотя бы коротко рассказать о Тобольске, чтобы иметь представление о том, в каких условиях формировался и жил основатель музея.

Город занимал пространство «при устье реки Тобола, павшей в Иртыш... окружности... на $11\frac{1}{5}$ верст; в длину от севера к полудню на 3 версты 350 сажен, в ширину от востока к западу в самом широком месте 2 версты 450 сажен... и расположен строением прешпективными улицами». Одна часть Тобольска находилась на возвышенном «в 35 сажен» крутом яру, а другая — на низменном луговом долу. Обе части соединялись лестницей и тремя взвозами. Взвозы назывались Прямой, или Прямской, Никольский и Казачий, по которому «почти по одному и ездят». В лестнице насчитывалось 290 ступней¹.

В 30–40-х годах XIX в. Тобольск стал терять свое значение. В 1839 году генерал-губернатор перевел из Тобольска в Омск свою резиденцию. «Торговля его [Тобольска], некогда цветущая, — писал И.И. Завалишин, — ныне совсем упала; значительных капиталов нет; пожары и наводнения, периодически его

посещающие, не дают ему поправиться и не представляют никаких надежд на будущее»².

В эти годы отмечался отток чиновников и служилых людей.

В 1848 году Тобольск охватила эпидемия холеры, унесшая жизни 897 горожан. В том числе отца и деда И.Н. Юшкова³.

Однако бывшая сибирская столица оставалась ключевым центром репрессивной политики.

В 1828 году в Тобольске был учрежден Приказ о ссыльных, чиновники которого занимались приемом, распределением и учетом арестантов (23 декабря 1869 года он будет переведен в Тюмень).

По делу 14 декабря 1825 года в Сибирь на каторгу и поселение был отправлен 121 участник восстания.

В конце 1833-го или в самом начале 1834 года в Тобольск был переведен декабрист, бывший моряк, лейтенант 2-го флотского экипажа Николай Алексеевич Чижов. Некоторое время он был единственным декабристом в губернском центре. Позже здесь появились декабристы М.А. Фонвизин, С.Г. Краснокутский, А.П. Бярятинский, братья Бобрищевы-

¹ Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 37.

² Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Т. 1. М., 1862. С. 310.

³ Сибирские и тобольские губернаторы: Исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 280.

ОР ТГИАМЗ. ТМ КП 12285/1 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 1). Л. 1. — В борьбе с холерой отличился декабрист Фердинанд Богданович Вольф. «Медицинская практика его и в Тобольске была не менее обширна, чем в Восточной Сибири, в особенности полезна была его деятельность во времена свирепствовавшей в 1848 г. в Тобольске холеры». — Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905. С. 229.

Пушкины, В.И. Штейнфельд, П.Н. Свистунов, И.А. Анненков, С.М. Семенов, Ф.Б. Вольф, А.М. Муравьев, В.К. Кюхельбекер. Последним из декабристов в Тобольск был водворен Флегонт Миронович Башмаков⁴.

За двадцатилетний период — с 1827 по 1846 г. — в Приказ о ссыльных, по данным Тобольского статистического комитета от 13 ноября 1864 года, поступило 174267 человек (149561 мужчина и 24702 женщины), т.е. в среднем 8715 ссыльных на год. Наибольшее число ссыльных пришлось на 1827 год — 11614 человек, наименьшее на 1842-й — 6396 осужденных. «В массе ссыльных, — свидетельствует Протокол заседания, — первое место принадлежит бродягам, они составляют половину всего числа сосланных в Сибирь. За ними следуют сосланные за воровство и мошенничество — 25%, за смертоубийство — 8%, за развратное поведение — почти 8%, по воле помещиков — 3%, за разбой и грабеж тоже 3%, за подделку документов — 2,12%, за неповиновение законным властям — немного более 1%, за побег из службы — 1%, за зажигательство — 1%.

По всем родам других преступлений — менее 1% на каждое»⁵.

В 1848–1855 годах в Тобольске был построен и начал функционировать новый тюремный замок (обошелся казне в 121819 руб. серебром). Рассчитанный на 750 арестантов, он состоял из четырех двухэтажных флигелей. На первом этаже располагалось 18 общих камер, 11 одиночных, 1 карцер, столовая и надзирательная. На втором этаже — 4 большие камеры. «Основные задачи, которые возлагались на тюремный замок, — пишет научный сотрудник Тобольского музея О.Н. Колоколова, — содержание заключенных и отправка их на каторжные работы, в ссылку в восточные губернии и Нерчинские рудники. Это было и место длительного содержания преступников, и пункт их временного пребывания по пути на восток»⁶.

Таким образом, Тобольск приобрел довольно мрачную известность. Он стал важным звеном пенитенциарной системы, в которой, кстати, был задействован на какое-то время и чиновник гражданского ведомства И.Н. Юшков.

После утраты своего бывшего административного величия Тобольск еще некоторое время оставался одним из крупных центров культуры в Сибири.

⁴ См.: Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. М., 1895. Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск, 1975.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 679. Л. 19–20.

⁶ Колоколова О.Н. Тюремный замок // Сибирская столица. 2000, № 1. С. 58–61; Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. Т. 1. М., 1862. С. 324.

В это время жил и трудился над «Историческим обозрением Сибири» Петр Андреевич Словцов. Известный сибирский публицист Н.М. Ядринцев так отзывался о нем: «Первый сибиряк, у которого прорвалось первое теплое чувство к краю, кому стала понятна его судьба и, рядом с этим, у кого блеснула художественная струя... Словцов не был сухим летописцем и историком Сибири. По способу изложения видно, что это был человек с душой, патриот своей родины и до известной степени поэт, художник». В 1834 году в Москве были напечатаны его «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году», а в 1838 году в Петербурге опубликована первая книга «Исторического обозрения Сибири».

Умер П.А. Словцов 28 марта 1843 года и похоронен на местном кладбище⁷. Возможно,

что учащиеся семинарии приняли участие в проводах бывшего ее выпускника и преподавателя в последний путь.

В июле 1836 года в Тобольск возвратился автор знаменитой сказки «Конек-Горбунок» Петр Павлович Ершов. Назначенный учителем гимназии, он создал гимназический театр, на сцене которого были поставлены «Недоросль» Д.И. Фонвизина и пьесы самого руководителя кружка⁸.

С осени 1853 года вплоть до смерти 3 марта 1892 года в Тобольске жил и работал историк-краевед, художник и писатель, археолог и этнограф Михаил Степанович Знаменский.

В 1866 году он совершил поездку на север до Надыма на пароходе «Союз», благодаря которой историк-краевед собрал богатый этнографический материал и сделал много рисунков⁹.

⁷ Ядринцев Н.М. Судьбы сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературный сборник газеты «Восточное обозрение». СПб., 1885. С. 411.
О П.А. Словцове см.: Абрамов Н.А. П.А. Словцов // ТГВ. 1858. № 34; Он же. Биографический очерк о Словцове // ТГВ. 1893. № 12; Он же. Петр Андреевич Словцов: Биографический очерк жизни историка, составленный в 1858 г. сотрудником и другом его Н.А. Абрамовым // Словцов П.А. Письма из Сибири. Тюмень, 1999. С. 180–185. Сулоцкий А. П.А. Словцов // ТГВ. 1871. № 18–19; Он же. П.А. Словцов // Сулоцкий А.И. Сочинения в трех томах. Т. 2: О сибирском духовенстве. Тюмень, 2000. С. 727–736; Утков В.Г. Подвиг Петра Словцова // Утков В.Г. Предвестники. Связь времен. М., 1982. С. 20–44. Беспалова Л.Г. Сибирский просветитель. Свердловск, 1973.

⁸ О П.П. Ершове см.: Ершов П.П. Стихотворения. М., 1989. Утков В.Г. Гражданин Тобольска: П.П. Ершов. Свердловск, 1979; Беспалова Л.Г. «Я вновь беру перо...»: К 180-летию со дня рождения П.П. Ершова // Тюм. правда. 1995. 11 марта.

⁹ О М.С. Знаменском см.: Рогачев В.А. Гори, гори, моя звезда: Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского // Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень, 1997/ С. 3–20; Роцевский П.И. Воспитанник декабристов у-

Можно полагать, что все они входили в окружение Юшковых и оказали влияние на будущего основателя музея.

В 1872 году по распоряжению статистического комитета была проведена однодневная перепись населения Тобольска. Интересно, что И.Н. Юшковым был сделан анализ собранных сведений, из которых узнаем о численности, составе населения по сословной и религиозной принадлежности, роду занятий и т.д.

В городе тогда проживало 17427 человек, из них 9351 муж-

чина и 8076 женщин. Трудоспособного населения в возрасте от 15 до 60 лет было 11665 человек (6473 мужчины и 5192 женщины).

«Самой глубокой старости, — отмечал И.Н. Юшков, — достигали преимущественно женщины — от 100 до 114 лет — пять, а мужчин — четыре: один до ста лет и трое до 101 года».

Интересные сведения были получены в ходе переписи о составе тобольского населения. И.Н. Юшков представил их в виде таблицы, показатели которой приведены ниже:

Сословия	Число населения			
	Муж. п.	Женск. п.	Всего	В %
Городские сословия (мещане, купцы, почетные граждане)	2321	2449	4770	27,37
Сельские	2058	2021	4079	23,41
Личные дворяне и чиновники	947	1162	2109	12,10
Отставные нижние чины	983	1255	2238	12,84
Военное сословие	1378	352	1730	9,93
Разночинцы	667	268	935	5,36
Ссылные и поселенцы	359	234	593	3,40
Духовное сословие	365	166	531	3,05
Бессрочно и временно отпускные нижние чины	159	86	245	1,41
Иностранцы	76	43	119	0,68
Потомственные дворяне	38	40	78	0,45
Итого	9351	8076	17427	100

В религиозном отношении основная масса населения (91,09%, или 15876 человек) были православными. Католики составляли чуть более 3% (точнее 3,3%, или 575 человек), лютеране — менее полупроцента. Доля мусульман была неве-

лика. Всего 204 человека, или 1,17%.

По данным переписи в городе числилось 4912 (28,2%) грамотных, причем мужчин вдвое больше, чем женщин — соответственно 3510 (37,5%) и 1402 (17,4%)¹⁰.

дожник М.С. Знаменский. Тюмень, 1954; *Александрова Н.* Свидетель эпохи // Сибирские огни. 1985. № 6. С. 160–167.

¹⁰ ТГВ. 1874. № 3. С. 3; № 4. С. 3.

Годы учебы и начало службы

Первоначальное образование И. Н. Юшков получил в домашних условиях, а в 1846 году отдан был в Тобольскую семинарию. Учился хорошо. По-видимому, он с удовольствием посещал занятия, был послушным и признательным воспитанником. Не раз удостоивался высших похвал. Примечательно, что в аттестате об окончании учебного заведения он характеризовался следующим образом: «При способностях весьма хороших, прилежании довольно ревностном и поведении хорошем».

В фонде Юшковых сохранились два похвальных листа воспитанника духовной семинарии Ивана Юшкова за 1850 и 1851 годы. Второй из них, за подписями ректора, инспектора и эконома семинарии, гласил:

«Правление Тобольской семинарии на основании журнального постановления своего от 6 июля 1851 года ст. IV с утверждения его высокопреосвященства Георгия архиепископа Тобольского и Сибирского и кавалера награждает сим похвальным листом семинарии высшего отделения Ивана Юшкова за его примерное благонравие и отличные успехи в

науках, оказанные как на частном, так и на публичном испытании в настоящем учебном году»¹.

На следующий год ему был вручен аттестат.

«Объявитель сего воспитанник Тобольской духовной семинарии Иван Юшков Градо-Тобольского кафедрального Софийского собора умершего священника Николая Юшкова сын, от роду имеет 19 лет, из Тобольского духовного уездного училища поступив в Тобольскую семинарию в 1846 году и совершив в оной полный курс учения...

И по окончании курса семинарского учения Правление Тобольской семинарии с утверждения обозревавшего Тобольскую семинарию члена конференции Казанской духовной академии ординарного профессора оной архимандрита Серафима причислен к первому разряду воспитанников семинарии с присвоением ему степени студента и уволен в епархиальное ведомство.

В удостоверение чего и дан ему Юшкову сей аттестат из Правления Тобольской семинарии за надлежащим подписом и печатью 1852 года июля 31 дня»².

Тогда же был «определен во второй класс духовного при-

¹ ТГИАМЗ. ТМ КП 12285/5 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 5).

² ТГИАМЗ. ТМ КП 12285/6 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 6). Л. 1 об.

ходского училища». В марте 1853 года И. Юшков был назначен помощником инспектора, но в 1856 году по прошению был уволен из духовного звания. Причина поступка неясна, возможно, под влиянием дяди Андрея Андреевича.

Под 26 сентября 1857 года в его «Формулярном списке о службе» записано:

«Согласно просьбы его г. начальником губернии определен на службу по Тобольской

губернии с назначением столоначальником Тарского общего окружного управления с прикомандированием для занятий к Тобольскому общему губернскому управлению».

Карьера И.Н. Юшкова складывалась успешно. 2 мая 1858 года он был назначен столоначальником 1-го стола 2-го отделения Тобольского общего губернского управления, а в апреле 1859 года — редактором первой губернской газеты³.

Редактор «Тобольских губернских ведомостей»

27 апреля 1857 года вышел первый номер «Тобольских губернских ведомостей». После этого газета стала издаваться один раз в неделю (суббота) тиражом около тысячи экземпляров. «Ведомости» рассылались по учреждениям губернии, а также в Академию наук, в Географическое и Археологическое общества, Императорскую публичную библиотеку, Министерство народного просвещения, в департамент Генерального штаба, в III отделение собственной его императорского величества канцелярии, генерал-губернатору Западной Сибири (Омск), в Александрійский университет (Гельсингфорс) и некоторые другие места.

Газета состояла из двух частей. В первой, официальной,

части помещались постановления и распоряжения местных и центральных властей, сведения о назначениях, перемещениях и наградах чиновников. Во второй — неофициальной части печатались статистические материалы о демографическом и хозяйственном состоянии губернии, статьи по этнографии, истории и археологии края (авторам опубликованных материалов выплачивалось от 10 до 15 руб. «с печатного листа»).

В 1859 году редактором был назначен И.Н. Юшков. В его формулярном списке значится: «Господином управляющим губерниею командирован к исправлению должности редактора «Тобольских губернских ведомостей», смотрителя типографии и для уп-

³ ТГИАМЗ. ТМ КП 12285/42 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 42). Л. 111 об.—113 (2 об.—4); ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 172. Л. 1—6.

равления газетным столом — 1859 апр[е-ля] 9»⁴.

В должности редактора газеты И.Н. Юшков находился десять лет — до 5 февраля 1869 года. № 5 газеты за 1 февраля этого года подписан: «Редактор И. Юшков», а № 6 за 8 февраля — «Редактор неофициальной части И. Юшков». Эта подпись последний раз встретилась нам под № 37 за 1870 год.

Его неутомимым помощником и соратником был коллежский ассессор, член губернского статистического комитета Виктор Александрович Ильин. Как удалось установить из документов газетного стола за 1863 и 1866 годы, он исполнял должность редактора неофициальной части. В газете часто помещались его статистические обзоры о хозяйственной деятельности в крае, прежде всего о торговле. До сих пор не утратили значения статьи В.А. Ильина: «Несколько слов о заболотных и ачирских инородцах Тобольского округа» (1860. № 48), «Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии» (1862. № 10—18), «О торжках и ярмарках в городках и округах Тобольской губернии» (1864. № 42—44) и другие⁶.

За время руководства И.Н. Юшковым газетой расширился

И.Н. Юшков

круг ее авторов. Первым среди них следует назвать члена-сотрудника Русского географического общества Николая Александровича Абрамова (1812 — 3 мая 1870 гг.), статьи которого вплоть до самой его смерти печатались в «Тобольских губернских ведомостях» — от одной до нескольких публикаций ежегодно, многие из них не утратили своего значения до нашего времени. В их числе: «Хлебные цены в Тобольске в 1759 году (1859. № 47)», «Биография Глазенапа» (1860. № 35), «О железных и оружейных заводах в Сибири в XVII и первой половине XVIII столетия» (1860. № 35), «Князь Матвей Петрович Гага-

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 11. Д. 660⁵. Л. 111—111 об.; Д. 692. Л. 165 об.—166.

⁵ См.: Формулярный список о службе секретаря Тобольского губернского статистического комитета надворного советника Ивана Юшкова за 1877 год // ОР ТГИАМЗ. ТМ КП 12285/42 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 42). Л. 112 об.—113 (Зоб.—4). Также см.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 172. Л. 2 об.—3.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 11. Д. 660⁵, 692.

рин» (1861. № 9 — 11), «О введении пчеловодства в Западной Сибири» (1862. № 32), «Город Семипалатинск» (1863. № 8—16, 24—27), «Город Ялуторовск с его округом» (1864. № 25—29), «Об учреждении почты в Сибири» (1865. № 4—5) и многие другие. Всего Н.А. Абрамовым, по подсчетам его биографов, было опубликовано в «Тобольских губернских ведомостях» 76 статей⁷.

Несомненно, что в число корреспондентов губернской газеты следует включить Григория Александровича Варлакова. Он родился в Тобольске в 1808 году, учился в местной семинарии, затем в Московской духовной академии. После ее окончания в 1834 году был определен в Тобольскую семинарию учителем французского языка, всеобщей и русской истории. В 30-е годы исполнял обязанности библиотекаря.

После двадцатитрехлетней учительской работы Г.А. Варлаков в 1857 году оставил семинарию, перейдя в гражданс-

кое ведомство. Служил попечителем Тобольской богадельни, директором тюремного комитета и членом комитета для разработки архивных дел Тобольского правления.

В «Тобольских губернских ведомостях» были опубликованы его статьи: «Город Туринск» (1859. № 21—22), «О постройке Успенского винокуренного завода и в нем церкви» (1859. № 50), «Дом Тобольской почтовой конторы» (1864. № 17) и другие.

Умер Г.А. Варлаков 13 апреля 1867 года, и газета на его смерть откликнулась некрологом⁸.

Член-корреспондент Тобольского губернского статистического комитета В. Стефановский напечатал обстоятельное «Статистическое описание Тюменского округа в промышленном отношении» (1860. № 46, 52; 1861. № 12; 1862. № 19—23; 1863. № 36, 38; 1864. № 7).

При И.Н. Юшкове в «Тобольских губернских ведомостях» стали публиковаться К.М. Голодников⁹ и Е.В. Кузнецов¹⁰.

⁷ О Н.А. Абрамове см.: *Петухов Ф.* Биография Николая Алексеевича Абрамова // ТГВ. 1870. № 44; *Он же.* Николай Алексеевич Абрамов // *Абрамов Н.А.* Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 4—46; *Кузнецов Е.В.* Николай Алексеевич Абрамов // ТГВ. 1870. № 59; *Он же.* Николай Алексеевич Абрамов // *Абрамов Н.А.* Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 559—565; *Абрамов Н.А.* Описание Березовского края. Шадринск, 1993.

⁸ См.: ТГВ. 1867. № 16. — Автором некролога был И.Н. Юшков.

⁹ О К.М. Голодникове см.: *Горбачева Н.А.* «В потомках ваше племя оживет...»: О К.М. Голодникове и героях его мемуаров // *Фальшивый Лукич: Избранное* (1998—2002). Тюмень, 2003. С. 239—243; *Белобородов В.К.* Примечания // *Сибирский листок: 1895—1900.* Тюмень, 2003. С. 568—569. — (*Прим. издателя.*)

¹⁰ См.: ТГВ, 1863, № 48; 1864, № 19, 30. — О Е.В. Кузнецове см.: *Белобородов В.К.* Примечания // *Сибирский листок: 1890—1894.* Тюмень, 2003. С. 529—530; †

Интересные корреспонденции получала редакция газеты от М.А. Рылова, приказчика тюменского купца Решетникова¹¹, от Н.М. Чукмалдина¹². Первый автор представил «Несколько слов о собрании статистических сведений по поводу статьи «Об Ишимской ярмарке в 1859 году» (1860. № 36), второй — «О сельских ярмарках Западной Сибири» (1863. № 31) и «О создании библиотеки в Тюмени» (1864. № 3).

Привлекались И.Н. Юшковым к сотрудничеству с «Тобольскими губернскими ведомостями» и местные духовные лица. Так, начиная с 1860 года в газете публиковались сообщения о внедрении земледелия в с. Юганском (Сургутский уезд) священнослужителем И.Я. Тверитиным, а в 1866 году на ее страницах появилась первая в творческом наследии священника Т. Попова статья «Слобода Такмыцкая» (№ 4–9, 16–17).

Не раз печатались в газете статьи и самого редактора. Наиболее знаменитые из них: «Сибирские татары» (1861, № 35 — 45), «Сведения о сношениях сибиряков с средне-азиатскими племенами в начале XIX сто-

летия» (1867. № 41), «Краткий очерк промышленности и торговли в Тобольской губернии» (1876. № 49–52) и другие.

Помимо того И.Н. Юшков сперва совместно с В.А. Ильиным, а затем единолично вел в газете рубрику «Местные известия»¹³. В ней сообщалось о стихийных бедствиях, ценах на продовольственные товары в городах и уездах губернии. Были в ней отклики и на общегосударственные события. Примечательно, например, известие, помещенное в № 17 за 1861 год. В нем говорилось о реакции населения губернии на царский манифест, отменивший крепостное право в России. При этом можно судить об отсутствии восторженности и пафоса в отношении этого события у автора известия — И.Н. Юшкова. «В одном из прошедших номеров нашей газеты, — писал редактор, — было возведено об обнаружении у нас Всемилостивейшего манифеста 19 февраля 1861 г. И при этом замечено, что манифест не имел у нас огромного применения и значения, кроме общечеловеческого, по незначительному

Е.В. Кузнецов // Сибирский листок: 1908–1911. Тюмень, 2003. С. 566–567. — (Прим. издателя).

¹¹ О тюменском купце 2-й гильдии И.А. Решетникове см. небольшую публикацию Н.М. Чукмалдина: ТГВ. 1863. №20. С. 163–164. — (Прим. издателя).

¹² О Н.М. Чукмалдине см.: Головачев П.М. Жизнь и деятельность Н.М. Чукмалдина // Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. Тюмень, 1997. С.337–365. См. также: Лукич. 2001. №4. — (Основная часть журнала посвящена Н.М. Чукмалдину). — (Прим. издателя).

¹³ Свои публикации И.Н. Юшков подписывал «И. Юшков» и инициалами «И.Ю.»

числу у нас крепостных имений». По мнению автора известия, для Сибири большее значение, чем манифест от 19 февраля 1861 года, имел другой законодательный акт — «Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета» от 19 июня 1859 года. Им было дозволено «некоторым «ссылным по прошествии известного числа лет возвращение во внутренние губернии России»¹⁴.

Как видим, И.Н. Юшков выразил свое мнение, свое суждение. Содержание других его сообщений позволяет судить о разносторонности увлечений и образованности автора. Представляют интерес, например, экскурсы в историю фотографии, сибирской археологии и т.д.

Оценивая период руководства И.Н. Юшковым «Тобольскими губернскими ведомостями», можно заключить, что при нем состоялось становление газеты. Изменился ее формат и оп-

ределились основные рубрики. «С нынешнего года, — извещались читатели в начале нового, 1865 года, — наша губернская газета... переменяла свой наружный вид... При этом и программа ее расширилась введением в нее с разрешения правительства политического отдела, в котором будут помещаемы известия из столиц, печатающиеся в «Северной почте» и других газетах».

Статьи авторов неофициальной части (Н.А. Абрамова, В.А. Ильина, Г.А. Варлакова, В. Стефановского, К.М. Голодникова¹⁵, Е.В. Кузнецова и других) выделялись высоким уровнем и введением в научный оборот новых исторических источников из древлехранилищ края. Таким образом, вокруг газеты сплотились любители тобольской старины, и в этом была заслуга ее редактора. Не случайно И.Н. Юшков писал:

«Будем надеяться, что и неофициальная часть нашей газе-

¹⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о дополнении и изменении некоторых постановлений касательно устройства ссылных в Сибири // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 34. СПб., 1861. С. 567–570.

¹⁵ Недавно удалось обнаружить «Воспоминания провинциального педагога», принадлежащие бесспорно (несмотря на то что публикация подписана инициалами) К.М. Голодникову. И дело не только в том, что последний был редактором омской газеты «Степной край». Часть упоминаемых фактов несомненно могут быть частью жизни только данного автора. Например, Слоцов П.А. был провинциальному учителю дядя по матери (1893. №42 [21 нояб.]. С. 2). См. №№39, 40–44, 46, 48. В последней публикации значится: «Продолжение следует». В этих же воспоминаниях приведен мало кому известный факт: в 1838 и 1839 гг. на страницах прибавлений к ЖМНП появились первые стихи К. Голодникова «Смерть Ермака» и «Искер». Наконец, удалось установить год смерти известного тоболяка: октябрь 1906 г. (Сибирская торговая газета. 1906. №193 [31 окт.]. С. 3). Похоронен Капитон Михайлович в Тобольске. — (Прим. издателя).

ты будет постоянно улучшаться в отношении занимательности ее содержания. Сотрудники наши вероятно не откажут при этом в своей помощи». После ухода с должности редактора неофициальной части газеты И.Н. Юшков до последних дней жизни сотрудничал с ней, публикуя собственные материалы и

протоколы заседаний губернского статистического комитета.

За время своей редакторской службы он был жалован деньгами (в 1868 г. — 55 руб. серебром) и чинами: в 1861 году — произведен в коллежские секретари, в 1864-м — в титулярные советники, еще через два года — в коллежские асессоры¹⁶.

Издания Тобольского статистического комитета

В мае 1855 г. в Тобольске был открыт губернский статистический комитет¹.

В 1860 году комитетом была выпущена «Памятная книжка» — первая в ряду календарей, адрес-календарей и памятных книжек, издаваемых Тобольским статистическим комитетом во второй половине XIX — начале XX в.²

Она состояла из двух разделов. В первый включались официальные сведения о чиновниках и служащих губернских и уездных (окружных) учреждений края. Во втором разделе печатались материалы ста-

тистического характера. При жизни И.Н. Юшкова изданы три сборника. В первом выпуске «Памятной книжки» были опубликованы «Статистические сведения о Тобольской губернии за 1858 год», в которых приведены данные о численности и занятиях населения (фабрично-заводской промышленности, ремесленной и торговой деятельности).

Во второй сборник вошли: богатое фактическими сведениями сочинение А. Денисова «О сибирской солепромышленности», а также «Краткое обозрение Киргизской степи» Старкова и

¹⁶ ТГИАМЗ. ТМ КП 12285/42 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 42). Л. 113 об.—114 (4 об.—5).

¹ Указ о создании губернских статистических комитетов последовал 28 января 1835 г. «В Тобольской губернии первое заседание такого комитета состоялось 10 января 1836 г.». Однако через два года прекратил существование («он не имел никакого действия с 1838 г.») и возобновил работу после длительного перерыва только 21 мая 1855 г.

См.: Гриценко Н.В. Музей под руководством тобольских губернаторов // Югра. 2003. № 5. С. 35—36.

² Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 год. Тобольск. 1860; Памятная книжка для Тобольской губернии на 1861 и 1862 годы. Тобольск, 1861; Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864. — Два последних выпуска имеются в библиотеке ТГИАМЗ.

статистическое исследование «Город Тобольск» В.А. Ильина.

Третий выпуск состоял из статей В. Ильина и местного врача Е.Н. Анучина³. В подготовке к печати этих изданий нельзя отрицать участия И.Н. Юшкова, ибо представленные в них материалы первоначально

печатались в «Тобольских губернских ведомостях». Позже, по нашему мнению, он как секретарь статистического комитета занимался сбором материалов и изданием «Списка населенных мест по сведениям 1868—1869 гг. Тобольская губерния» (СПб., 1871).

1870 год — дата основания Тобольского музея

В 1892 году в газете «Сибирский вестник» была опубликована корреспонденция, анонимный автор которой впервые поставил в печати вопрос о времени и инициаторе создания Тобольского музея. Он считал, что «у нас [в Тобольске] подго-

товляется... краткий очерк возникновения и развития нашего музея и временем основания его называют 1887-й год, а инициаторами его указывают на 2 лица из местной интеллигенции»¹. Это была, вероятно, одна из самых ранних попыток (если

³ Евгений Николаевич Анучин окончил медицинский факультет Харьковского университета. Во время Крымской войны «охранял берега Лифляндии и Курляндии». В декабре 1857 г. переведен в Сибирский первый линейный батальон в Омск, а с 1861 г. назначен лекарем в Тобольск. В 1865 г. изучал документы Приказа о ссыльных, а в апреле 1866 г. стал секретарем Тобольского статистического комитета. В конце 60-х—начале 70-х гг. XIX в. жил в Самаре, затем служил чиновником особых поручений в Министерстве внутренних дел. Анучин — автор работ: «Материал для уголовной статистики России: Исследования о проценте ссыльных в Сибири». (Тобольск, 1866), «Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России» (СПб., 1872). — См.: Коновалова Е.Н. Книгоиздание Тобольской губернии (вторая половина XIX—начало XX в.). Тюмень, 2002. С. 114; Гриценко Н.В. Музей под руководством тобольских губернаторов // Югра. 2003. №5. С. 36. Также см.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 11. Д. 660². Л. 111.

¹ См.: Сибирский вестник. 1892, № 78 (8 июля).— На наш взгляд, автором данной корреспонденции был помощник столоначальника Тобольского губернского управления Александр Александрович Крылов. (Календарь Тобольской губернии на 1893-й г. Тобольск, 1892. С. 4 (Адрес-календарь). Позднее он стал владельцем и издателем «Сибирской торговой газеты», типографии (открыта 8 июля 1897 г.). Он известен своими публикациями в «Тобольских губернских ведомостях» (1892, № 1—5) и «Сибирском листке» (1891, № 53, 54). В подтверждение нашего мнения приведем показание жены основателя музея — Е.И. Юшковой. В записке «История возникновения музея в г. Тобольске» она привела о Крылове факты, позволяющие считать его автором корреспонденции в «Сибирском вестнике»:

не первая) отнести основание музея ко времени пребывания в Тобольске в качестве губернатора действительного статского советника Владимира Александровича Тройницкого. При нем было выстроено специальное музейное здание.

Однако автор корреспонденции решительно отвергал версию о причастности В.А. Тройницкого к основанию музея. По его мнению, музей в Тобольске открыт в 1870 г. при губернаторе Андриане Степановиче Соллогубе, то есть задолго до Тройницкого, и истинным создателем его был И.Н. Юшков.

«В течение 8-летнего единоличного заведывания музеем, —

читаем в статье, — он [И.Н. Юшков] увеличил коллекции его далеко более 300 №№, не считая изредка отправляемых им на выставки в Россию, где они однажды при посредстве г. Словцова были проданы за 300 р[ублей] с[еребром]». Далее в статье сообщалось, что «к открытию красующегося у нас [в Тобольске] настоящего здания музея имелось коллекций, едва уложенных при перевозке на семь возов — большинство №№ из них составляли приобретения Ивана Николаевича». Корреспонденция заканчивалась призывом «в видах справедливости инициатором и основателем Тобольского музея счи-

«В 1893 г. в заседании членов Тобольского музея 18 апреля решено было просить Тройницкого войти с ходатайством к г. Министру внутренних дел о разрешении постановки портрета г. Тройницкого в музее с тем, чтобы увековечить память его как возродителя и основателя музея, причем один из членов г. Крылов счел нужным заявить о моем муже, у которого впервые пришла идея об основании в Тобольске музея и который, несмотря на невидное положение, умел осуществить эту идею и в течение первых лет заботился о расширении учреждения. После смерти моего мужа оставалось более 350 предметов для музея, а между тем оказалось менее 50» (ТГИАМЗ. Фонды ТМ КП 12285/17 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 17. Л. 2–2 об.).

Подробнее об А.А. Крылове см.: *Коновалова Е.Н.* Тюменский издатель А.А. Крылов // *Аспекты развития духовной культуры в Западной Сибири.* Тюмень, 1994. С. 35–39; *Коновалова Е.Н.* Книгоиздание Тобольской губернии (вторая половина XIX—начало XX в.). Тюмень, 2002. С. 63–66.

См. также об А.А. Крылове: Из камеры мирового судьи // *Тобольский край.* 1907. №6. С. 3; Г. Крылов в роли ходатая от еврейской фирмы // *Ермак.* 1915. №113–114 (6 марта). С. 4; *Жукова Н.А.* А. Крылов, СТГ и И. Словцов // *Лукич.* 2002. №1. С. 204–215; *Жукова Н.А.* «Сибирская торговая газета»: К вопросу о практике цензуры провинциальной печати в 1897–1899 гг. // *Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора П.И. Рошевского:* Тюмень, 15 марта 2000 г. Тюмень, 2003. С. 80–86; *Мандрика Ю.Л.* Иногда я напоминаю себе «Фиалку» // *Лукич.* 2002. №3. С. 149–151; *Рогозинский П.* Открытое письмо А.А. Крылову, редактору-издателю «Сибирской торговой газеты» // *Лукич.* 2002. №4. С. 85–89; Из камеры мирового судьи: Семь жалоб по делам печати // *Сибирский листок:* 1895–1900. Тюмень, 2003. С. 448–450; *А-чв.* Профанация или экспроприация // *Сибирский листок:* 1908–1911. Тюмень, 2003. С. 91–92. — (*Прим. издателя.*)

тать не деятелей настоящих, а покойного И.Н. Юшкова, а годом основания... не 1887-й, а 1870-й, о чем упоминается в черновом приложении к всеподданнейшему отчету начальника Тобольской губ[ернии] за 1875 год в рубрике: «ученые общества, музеи, библиотеки и пр., да и последнее [т.е. библиотека] дело рук его»².

Снова этот вопрос был поднят на втором общем собрании комитета Тобольского комитета, состоявшемся 18 апреля 1893 года. Председатель собрания предложил установить в музее портрет В.А. Тройницкого с целью увековечить его память, «почтить тем заботы и труды В[ладимира] А[лександровича] по возрождению музея и комитета его». Но член комитета А.А. Крылов предложил также увековечить память основателя музея И.Н. Юшкова. Он сказал:

«Я глубоко уважаю труды Владимира Александровича на пользу нашего музея; он — возродитель его, поставивший дело на твердую почву. Но, увековечивая память возродителя, не следует забывать и того маленького человека, у которого впервые возникла идея об основании в Тобольске музея и который, несмотря на свое невидное положение, умел осуще-

ствить эту идею и в течение первых лет заботился о расширении учреждения. Человек этот — покойный секретарь Тобольского статистического комитета Иван Николаевич Юшков, не безвестный и в сибирской литературе. Обыкновенно принято почитать память не только того, кто осуществил известную идею, но и память того, кто идею эту дал. С учреждения комитета музея до настоящего времени речи об основателе его не возбуждалось, если не считать, впрочем, двукратных упоминаний имени Ивана Николаевича вскользь в протоколе заседания 13 октября 1890 года и в одной корреспонденции «Сибирского вестника». Занимаясь в настоящее время разработкою бумаг покойного и составляя его краткую биографию, я вполне убедился, что идея возникновения музея и осуществление ее всецело принадлежит покойному Ивану Николаевичу. А потому я и предлагал бы, наряду с заслугами В.А. Тройницкого почтить память и этого незаметного труженика, осуществившего идею возникновения музея, в виде ли постановки портрета, в виде ли отслужения по покойном панихиды или, наконец, почтить память И[вана] Н[иколаевича] вставанием»³.

² См.: Сибирский вестник. 1892. № 78 (8 июля).

³ ТГВ. 1893. № 16—18. Отд. оттиск: В заседании Тобольского музея. 18 апреля 1893 года. Тобольск, 1893. С. 9.

См. также: К. Голодников. Письмо в редакцию // Сибирский листок: 1890—1894. Тюмень, 2003. С. 351—352.— (Прим. издателя).

Своим выступлением А.А. Крылов озадачил несколько заседавших. Член комитета, председатель губернского суда Захарий Николаевич Геращинский попытался вразумить непонятливого коллегу, что заслуга Юшкова не столь уж велика, даже если он и был основателем музея. Затем он стал рассуждать о том, что на секретарей статистических комитетов возложена обязанность учреждать музеи и что Юшков лишь выполнял свой служебный долг. Напротив, для губернатора В.А. Тройницкого, заявил председатель губернского суда, «дело учреждения музея вытекало из взглядов и убеждений, которыми он был проникнут». И, наконец, высказал недоумение, что если членами комитета будет уважена просьба А.А. Крылова, то не будет ли воспринято это местным обществом как желание уравнивать заслуги Юшкова и В.А. Тройницкого в деле создания Тобольского музея.

З.Н. Геращинского поддержал музейный библиотекарь С.М. Мамаев. Он попытался развенчать самую мысль о вкладе Юшкова в музейное дело края. Он сказал: «Я ничего не имею против того, чтоб почтить чем-нибудь память покойного И[вана] Н[иколаевича] Юшкова, но, со своей стороны, считаю необходимым заявить, что нынешний музей и бывший при

статистическом комитете никакого отношения друг к другу не имеют. Ядром для этого музея послужили не вещи старого музея, а коллекция разных лиц, участвовавших на выставке в 1887 г., из музея же статистического комитета поступило лишь до 50 предметов».

А.А. Крылов резонно возразил, что, во-первых, он не знает такого закона, по которому в обязанности секретарей вменялось учреждать музеи, и почему тогда, во-вторых, бывшие до Юшкова секретари не догадались их учредить, а заместитель покойного не признал надобности даже хранить экспонаты при комитете, и, в-третьих, он не сравнивает заслуги В.А. Тройницкого и И.Н. Юшкова, а предлагает воздать должное. Наконец, он обратил внимание на ошибки и неточности своих оппонентов и показал несостоятельность их обвинений в адрес основателя музея.

«От покойного И.Н. Юшкова в музее осталось и было принято его заместителем не 50 и не 150, а гораздо более предметов. Чем виноват И[ван] Н[иколаевич], — обращаясь непосредственно к членам комитета, произнес А.А. Крылов, — что преемник его небрежно относился к музею, и вместо того, чтобы пополнять и расширять музей, не смог даже хранить в порядке оставшихся вещей»⁴.

⁴ ТГВ. 1893. № 16–18. Отд. оттиск... С. 10–11.

Хотя вопрос о чествовании памяти И.Н. Юшкова при голосовании решился в отрицательном смысле, но можно считать, что с этого времени окончательно утвердились два мнения о времени и создателе Тобольского музея. В дальнейшем первая версия нашла поддержку в местном обществе. О В.А. Троицком как инициаторе и организаторе музея говорилось в историческом очерке «Тобольский губернский музей за 25 лет его существования»⁵.

Вторую точку зрения на данную проблему позже разделяли М.П. Тарунин, В.И. Трофимова и другие⁶.

Встречается попытка «удревлитель» дату рождения музея, отнести ее к 1837 году, то есть

к моменту посещения Тобольска цесаревичем Александром Николаевичем (будущим царем Александром II). Тогда действительно в Тобольской гимназии была приготовлена к прибытию наследника выставка из произведений природы, «народной промышленности» и разных редкостей. Среди реликтов привлек внимание царевича и его свиты клык мамонта размером более двух аршин. Его представил на выставку березовский купец Ст. Плеханов, за что тому были пожалованы часы. Клык же царевич взял себе. По-видимому, разобрали и другие экспонаты⁷. Ясно, что выставка не получила своего развития и не была реорганизована в музей.

⁵ См.: Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXV. Тобольск, 1915. — В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона открытие «с целью наглядного ознакомления публики с Тобольской губернией и с развитием в ней культуры во всех ее формах и проявлениях» музея датировано 1889 г. (*Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 39. СПб., 1897. С. 119–120).

⁶ «В 1870 [году] открывается Тобольский м[узей], по инициативе И.Н. Юшкова, ставший на путь развития м[узеев] краеведного типа с отображением природы и населения Тобольского Севера». Сибирская советская энциклопедия. Т. III. М., 1932. С. 572.

В своем докладе на научной конференции, посвященной 100-летию музея, его директор В.И. Трофимова подтвердила: «Его основателем и душой был секретарь статистического комитета Иван Николаевич Юшков. Глубокий научный интерес И.Н. Юшкова к истории, этнографии и хозяйственному развитию края, неустанное собирание коллекций, их изучение и систематизация явились той основой, на которой возникла сама идея создания музея. Восемь лет И.Н. Юшков заботился о своем детище. Коллекции насчитывали несколько сот экспонатов по археологии, палеонтологии, этнографии и промышленности края» (*Трофимова В.И.* Тобольскому государственному историко-архитектурному музею-заповеднику 100 лет // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Тобольск, 1975. С. 4.

⁷ *Абрамов Н.А.* Воспоминание о посещении Тобольска Г. Наследником Александром Николаевичем в 1837 году // ТГВ. 1867. № 46. С. 271–272.

Научным сотрудником Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Н.В. Гриценко выдвинута версия о причастности к созданию музея при статистическом комитете губернатора Адриана Степановича Соллогуба, в правление которого он был открыт, и что это деяние стало главным итогом его жизни. Однако серьезных документальных подтверждений этого не нашлось. Автор исходит из сомнительного предположения о довольно дружеских отношениях генерал-майора (IV класс по Табели о рангах) А.С. Соллогуба и чиновника VIII (с 1872 г. — VII) класса И.Н. Юшкова⁸. Ошибочно, на наш взгляд, считать А.С. Соллогуба создателем музея исходя из того, что при нем, в его правление, стала собираться коллекция разных вещей и редкостей. Тогда в список создателей музея надо включить «много просвещенного» генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова и преемника А.С. Соллогуба действительного статского советника Юрия Петровича Пелино. Нет сомнений, что все они поддержали начинание секретаря статистического комитета И.Н. Юшкова. На это обстоятельство еще в 1892 году обратил внимание корреспондент «Сибирского листка».

Он писал о И.Н. Юшкове: «Сколько стоило трудов покойному приобретение для музея вещей при ничтожных средствах комитета и холодном отношении жителей губернии к этой новизне, поймет всякий благомыслящий, понимали и ценили это и губернаторы гг. Пелино и Соллогуб. Многие и сейчас помнят разнообразную и плодотворную деятельность покойного по основанию им музея, а в особенности по статистическим трудам его, о чем свидетельствуют письма много просвещенного генерал-губернатора Николая Геннадьевича Казнакова к покойному Юшкову (от 16 августа 1875 г. за № 1949-м, от 14 февраля 1877 года за № 442-м) полные благодарности и любезности»⁹.

Нет сомнений, что поддержка первых лиц губернии сыграла определенную роль в рождении и становлении музея в Тобольске.

Обращение к материалам заседаний Тобольского губернского статистического комитета за 1871—1880-е годы, частично опубликованным в «Тобольских губернских ведомостях», позволило выявить ряд интересных сведений из истории создания музея.

В протоколе заседаний комитета от 27 сентября 1871 года музей назван «новоустроен-

⁸ Гриценко Н.В. Музей под руководством тобольских губернаторов // Югра. 2003. № 5. С. 37—39.

⁹ Сибирский вестник. 1892. № 78 (8 июля).

ным» и перечислены его экспонаты («самые вещи»). «Из инвентаря, — записано в протоколе, — видно, что в настоящее время для музея собрано всего 25 №№ разных предметов, а именно: в предыдущем году поступило (как о том записано в журнале комитета 8 апреля 1870 г. № 7): 1) моржевый клык средней величины, 2) голова молодого моржа и 3) самоедская одежда (парка). Пожертвованный для музея тогда же хвост дельфина, не будучи надлежащим образом препарирован, испортился и потому уничтожен»¹⁰.

В этой записи обращает на себя внимание тот факт, что впервые документальное упоминание о музее в Тобольске относится к 8 апреля 1870 года, т.е. за восемь месяцев до поездки И.Н. Юшкова в Обдорск, с пребыванием в котором современники (в частности, А.А. Крылов, Е.И. Юшкова) связывали его открытие.

Следовательно, надо полагать, «вещи», положившие начало музейной коллекции (ненецкая одежда, голова, клык моржа), были приобретены непосредственно в Тобольске от частных «благодателей» еще в начале 1870 года, а 8 апреля состоялось решение статистического комитета, секретарем которого был И.Н. Юшков, об открытии музея. Его становлению, бесспорно, способствовала командировка в Обдорск

секретаря статистического комитета. Приобретенные И.Н. Юшковым в ходе ярмарки экспонаты дополнили коллекцию и определили «краеведную» (краеведческую) направленность «новоустройстваемого» музея.

В 1871 году, судя по протокольной записи заседания комитета, музей пополнился новыми экспонатами.

«В течение настоящего года, — записано в документе, — для музея сделаны следующие приобретения: <...>

4) шаманская рубашка из рыбьих шкур,

5) томра, самоедский музыкальный инструмент,

6) лунд (лебедь), остяцкий музыкальный инструмент,

7) чучело сибирского тюленя,

8) модель нарт (остяцкие сани),

9) модель остяцкой лодки,

10) модель самоедской лодки,

11) раковина из Обской губы,

12) образцы озимой пшеницы и ржи, разводимой в селе Юганском Сургутского округа,

13) модель каюка,

14) модель барки,

15) модель парома,

16) модель лодки-душегубки,

17) чучелы: сибирский барсук,

18) землеройка,

19) два попугая из Туркестанской области,

¹⁰ См.: ТГВ. 1871. № 41. С. 273.

20) голубая сорока, оттуда же,
 21) засушенная черепаха,
 22) голова пеликана,
 23) зуб ископаемого млекопитающего,

24) коллекция костей мамонтовых и

25) коллекция (65 №№) образцов сибирских руд, почв и минералов»¹¹.

Несомненный интерес представляет запись в журнале комитета за 15 ноября 1872 года (№ 17). Из нее узнаем, что в Москве в это время была устроена Политехническая выставка, приуроченная к 200-летию со дня рождения Петра Великого. На нее статистическим комитетом были отправлены разные модели и рисунки сибирских речных судов. Все они были собственностью музея. Запись гласит:

«Модели эти, как и рисунки, по возвращении их с выставки имеют быть сохраняемы в музее комитета, в котором в отчетном году состояло:

13 моделей, преимущественно разного рода судов речного местного судоходства, из коих 9 отосланы на выставку,

14 чучел разных редких птиц и зверей местной фауны,

45 №№ разных предметов, относящихся до археологии и этнографии края, и четыре коллекции:

а) костей ископаемых животных,

б) старинных монет,

в) образцов руд, почв и минералов Западной Сибири и

г) коллекции насекомых»¹².

К 25 мая 1873 года музейный фонд увеличился еще на десять номеров разных предметов, относящихся к прошлому края. Наиболее значительным приобретением была коллекция костей мамонта и других ископаемых животных, обнаруженных «на берегу около села Демьянского Тобольского округа»¹³.

В последующие годы собирательская работа составила одно из важных направлений в деятельности музея.

27 марта 1874 года в журнале губернского статистического комитета была сделана запись о пополнении музея новыми «вещами» (экспонатами) за предшествовавшее время.

«Музей комитета приобрел в течение отчетного года еще несколько частей мамонта к

¹¹ Там же. В протоколе заседания отмечено, что чучело сибирского тюленя (под № 7) поступило «без всякого вознаграждения» от березовского окружного исправника А.И. Андронova, который приобрел его в Обдорске «для устраиваемого при Комитете музея». Комитет выразил Андронову искреннюю признательность и просил «приобрести для музея комитета чучелы и других, из более замечательных зверей и птиц, водящихся в Березовском округе, даже если будет нужно и не дорого будет стоить, то и на средства комитета». ТГВ. 1871. № 41. С. 273.

¹² ТГВ. 1872. № 48. С. 292.

¹³ ТГВ. 1873. № 28. С. 2.

своей коллекции костей ископаемых животных, между прочим голову мамонта, кроме того семь чучел разных животных местной фауны, как то: песца, лисицы, колонка, белки и трех горностаев. Из предметов, относящихся до археологии, поступили: часть древней кольчуги и две части древнего оружия, сделанного из литой меди, в виде топора, одна длиною в полвершка и шириною в один вершок, а другая длиною в полтора и шириною в $\frac{1}{2}$ вершка. Две последние вещи найдены крестьянином Фирсовской волости, д. Логиновой Ишимского округа, в земле близ древней крепостцы, остатки которой, с сохранившимся валом, находятся сажень в 50 от д. Логиновой, при болоте недалеко от речки Вавилона. Как вещи эти, так и снятый с местности, где они найдены, план обязательно доставлены в статистический комитет тюменским окружным землемером г. Новиковым, при отношениях от 11 октября и 30 ноября отчетного года за № 50 и 67»¹⁴.

В протоколе заседания комитета от 5 декабря 1880 года два фрагмента записей посвящены музею. Сделанные спустя несколько лет после смерти И. Н. Юшкова, они позволяют более определенно оценить вклад покойного в создание Тобольского музея.

Приведу обе записи полностью. Из первой узнаем о печальной судьбе «юшковского» наследия.

«Музей

В музее комитета к 30-му августа 1877 [года] состоялось 56 названий разных этнографических и археологических предметов, из которых по докладу секретаря Комитета в общем заседании гг. неизменно членов Комитета 17 ноября 1877 года признанные по свидетельствованию негодными (испорченные молью) предметы исключены по инвентарю музея из числа наличных и преданы окончательному уничтожению, а другие, еще сохранившиеся — по сделанию надлежащей оценки и публикации, проданы с аукциона и вырученные за них деньги отосланы в губернское казначейство для причисления их к партикулярным суммам комитета. С тех пор Комитет никаких приобретений для музея не делал и в настоящее время находятся в нем только предметы, не подвергающиеся порче от моли, а именно: кости мамонта, несколько старинных серебрянных и медных монет и некоторые принадлежности домашней утвари инородцев северного края Тобольской губернии»¹⁵.

Вторая запись более оптимистична.

¹⁴ ТГВ. 1874. № 15. С. 1.

¹⁵ ТГВ. 1881. № 4. С. 5–6.

«Музей

В музей комитета в течение отчетного года представлены окружными и исправниками Березовским и Сургутским образцы употребляемых инородцами этих округов хлеба, лекарственных растений, домашней одежды, утвари, музыкальных инструментов — всего 49 названий. Таким образом составилось с оставшимися от 1878 г. 70 названий в 275 экземплярах, что и поступило остатком к 1880 году»¹⁶.

Таким образом, факт, что И.Н. Юшков стоял у истоков создания Тобольского музея, был его организатором, не вызывает сомнений. Бесспорно другое. Первоначально тобольский музей был ведомственным, при Тобольском губернском статистическом комитете, в журнальном постановлении которого от 8 апреля зафиксирован факт его открытия. А при В.А. Тройницком из ведомственного музея — музея И.Н. Юшкова он преобразуется в Тобольский губернский музей.

Музей создавался не просто как хранилище древностей и реликтов Тобольского края, а как научное учреждение. Так, запись в журнале губернского статистического комитета под 25 мая 1873 года позволяет утверждать, что с основанием музея связано становление в крае таких научных дисциплин, как

археология и этнография. Уже в 1872 году, узнаем из записи, производились с научными целями раскопки в Тобольском уезде, в результате которых и были обнаружены останки мамонта. В 1874 году после получения известия о находках близ Аремзянских юрт «за Иртышем в горе, расположенной в густом лесу и возвышающейся на довольно большом пространстве» серебряной чаши весом 1 фунт 3 золотника (примерно 420 г.), а также фрагмента глиняного сосуда и клинка железного оружия «похожего на саблю близ Болчарских юрт на Конде в лесистой местности», где имелись «большие насыпи в виде старинных курганов», на заседании статистического комитета было решено командировать секретаря И.Н. Юшкова в «Болчаровские и Аремзянские юрты и другие местности Тобольского округа для археологических изысканий»¹⁷.

Также следует отметить, что одновременно с формированием музейных «вещевых» коллекций велось комплектование библиотечного фонда. Литература подбиралась с учетом сибирской, в первую очередь, тематики.

Таким образом, можем с полной уверенностью утверждать, что музей создавался И.Н. Юшковым как научное учреждение, как центр по изучению родного Тобольского края.

¹⁶ ТГВ. 1881. № 5. С. 6.

¹⁷ ТГВ. 1874. № 15. С. 1.

Чиновник седьмого класса

Жизнь мелкого русского чиновника в XIX веке была трудной. И.Н. Юшков не исключение. Правда, были свои радости и надежды. В возрасте тридцати лет он женился на молодой девице Авдотье (Евдокии) Ивановне Косовой (предположительно, уроженке д. Завальной). У них родилось семеро детей, среди которых были Александр, впоследствии известный источниковед, Мария и Пантелеймон.

В 1869 году И.Н. Юшков, как свидетельствует «Формулярный список...», все милостивейше был пожалован самым низшим в наградной системе России орденом св. Станислава 3-й степени и определен исправляющим должность секретаря Тобольского статистического комитета и председателем временной комиссии по водворению польских переселенцев¹. Последнее назначение было связано с польским восстанием 1863 года. После его подавления тысячи повстанцев были осуждены на каторгу и ссылку в Сибирь. Одним из мест водворения стала Тобольская губерния, куда было доставлено

в 1865 году — 1099 поляков, в 1866-м — 788, в 1867-м — 1012, в 1868 году — 893 человека. В 1872 году в крае числилось 3990 польских ссыльных и 738 добровольно прибывших в ссылку родственников². Водворением, распределением и устройством ссыльных занималась Временная комиссия, в состав которой был включен И.Н. Юшков.

В течение нескольких месяцев (с марта по июль) 1874 года И.Н. Юшков «по назначению г. начальника губернии состоял членом утвержденного в г. Тобольске, вследствие предложения г. генерал-губернатора Западной Сибири 5-го марта 1874 за № 776, комитета по составлению проекта Положения об отбывании инородцами Тобольской губернии общей воинской повинности».

«Журналом Тобольского губернского тюремного комитета, состоявшегося 28 апреля 1875 г., назначен членом сего комитета с поручением ему заведывания хозяйственной частью замка», спустя несколько месяцев «высочайше утвержден в звании директора Тобольского губернского тюремного комитета. Нет

¹ ТГИАМЗ. ТМ КП. 12285/42 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 42). Л. 113 об.—114 (4 об.—5).

² Макаров А. Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и западных губерний после мятежа 1863 года // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XXVI. Тобольск, 1915. С. 56, 63—64, 69, 76; Участники польского восстания 1863—1864 гг в Тобольской ссылке. Тюмень, 1963. С. 25—27.

сомнений, что он успешно справлялся со своими обязанностями, так как награждался деньгами (1870 г. — 50 руб., 1871 г. — 40 руб., 1873 г. — 30 руб.) и чином по Табели о рангах 7-го класса: «указом Правительствующего сената 20 июля 1872 г[ода] за № 123 произведен за выслугу лет в народные советники, со старшинством».

2 апреля 1876 года «государем императором за усердную службу награжден орденом св. Анны 3-й степени»³.

О важном событии в жизни И.Н. Юшкова стало известно из его завещания. В числе недвижимого имущества показан «благоприобретенный мною [т.е. И.Н. Юшковым] в 1873 году» построенный еще в 30-х годах деревянный одноэтажный с двумя флигелями дом в 1-м квартале нагорной части города по Большой Петропавловской улице «между домами чиновника Киселя и наследников Белянкина» стоимостью «до одной тысячи рублей»⁴.

Дополнительные сведения о доме Юшковых удалось обнаружить в материалах однодневной переписи 1882 года. Авдотья Ивановна Юшкова, вдова чиновника (так поименовала она себя в документе) показала, что ей по Петропавловской

Большой улице первой части принадлежат дом с двумя флигелями (три квартиры), два сеновала и баня. «В доме две голландские печи и одна русская, итого три; в 1-м флигеле две русские и во 2-м флигеле — одна русская, всего 2 голландских и четыре русских». Все строения были деревянными и крытыми тесом. Возле дома имелся небольшой огород и палисадник. «Хозяйка имеет одну корову и одну собаку». Дом был застрахован на сумму в 800 рублей. Рядом, за № 72 по Петропавловской улице, № 37, находился двор статского советника Ивана Яковлевича Киселя («Два одноэтажных без мезонина, антресолей и подвального этажа дом и флигель») ⁵.

Через 15 лет в материалах I Всероссийской переписи 1897 г. хозяйка — вдова чиновника Евдокия (Авдотья) Ивановна Юшкова, 51 года, получившая домашнее образование, будет зафиксирована по старому адресу — Большая Петропавловская. Она получала пенсию и сдавала комнаты (на время проведения переписи у нее проживало 13 квартирантов). «Живет пенсией и доходами с домов», — гласит запись в переписном бланке⁶.

Поэтому, надо полагать, в Москву она перебралась, когда

³ ТГИАМЗ. ТМ КП 12285/42 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 42). Л. 114 об.—116 (5 об.—7).

⁴ ТГИАМЗ. ТМ КП 12285/7 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 7). Л. 1 об. — 2. ТМ КП 12285/10 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 10). Л. 3.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 464. Л. 30—30 об., 33—33 об.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 29. Л. 28—31 об.

сыновья Александр и Пантелеймон завершали (или уже завершили) учебу в Московском университете, а никак не рань-

ше. Следовательно, версия, что Е.И. Юшкова уехала в Москву, «решив дать детям, по желанию мужа, образование», неточна⁷.

И.Н. Юшков как исследователь Тобольского края

Интересы Ивана Николаевича были разнообразны. Увлекался, например, этнографией. Он — автор обстоятельной работы «Сибирские татары», написанной на основе летописей, этнографических данных и собственных наблюдений. В ней содержится богатый фактический материал, не утративший значения до настоящего времени. Его страстью была статистика, труды по которой, как утверждал корреспондент «Сибирского листка», помнили многие спустя полтора десятилетия после смерти автора. В «Тобольских губернских ведомостях» И.Н. Юшков вел рубрику «Местные известия», в которой обычно давались статистические сведения.

В Тобольском музее-заповеднике сохранился экземпляр работы И.Н. Юшкова «Выводы из статистических таблиц Тобольской губернии за 1869 год».

Она состоит из четырех разделов. В первом из них приведены статистические данные о численности населения в губернии, этническом составе, вероисповедании, рождаемости и смертности, сделаны наблюде-

ния о естественном приросте населения.

«Наибольший перевес родившихся над умершими представляют между городами — Ишим и Березов, затем три города: Курган, Туринск и Тара имеют сравнительно умеренный перевес родившихся над умершими, наконец, в остальных трех городах — Ялуторовске, Тобольске и Тюмени оказывается, напротив, постепенное движение числа умерших в сравнении с родившимися».

Из общего числа жителей 1077610 человек около 78% (839522 человек) составляли крестьяне. Ссылных числилось 36211, более половины которых приходилось на Омский, Тарский и Ишимский уезды (соответственно 12527, 10062 и 13622 человека). В Тобольском уезде их было 5743 человека.

Основным центром раскольников был Ялуторовский уезд, где раскольники составляли 12% всего окружного населения. Значительно меньше их было в Курганском (почти 4%), Тюменском (2%), Омском (1,8%) и Ишимском (1,1%) уездах.

⁷ Марченко Л. Положивший начало // Сибирская столица. 1997, № 1. С.14.

Во втором разделе даны сведения о численности жилых и производственных зданий в губернии, причем «на одно каменное приходилось около 592 деревянных» (первых 338 и вторых — 198871) строений.

Третий раздел дает представление о количестве скота в крае. Так, 1 лошадь приходилась на 1–2 человек (всего 578459 голов), 1 единица рогатого скота на 17 человек (600464); из рогатого скота основную долю составляли овцы — 585791, или «немного более половины овец на каждого жителя губернии».

«Городские жители овцеводством занимаются в самых незначительных размерах».

В Тобольске учтено 2042 лошади, 4909 голов крупного рогатого скота, 72 свиньи и 8 овец.

В северной части губернии скотоводство представлено оленями и собаками.

«Для перевозки тяжестей во время постоянных перевозок их им [инородцам] не могут служить ни волы, ни лошади, за неимением собственного им корма, по этой же причине там немислимо разведение рогатого и всякого другого домашнего скота для доставления пищи и одежды». Перевозки осуществлялись в Березовском уезде оленями (до 150 тыс. голов) и собаками (1486 голов).

Из последнего раздела «Число ремесленников» узнаем, что в губернии имелись кузнецы (около 8%), плотники (6,2%), сапожники (5,6%), портные (4,1%). Были в крае мельники, ямщики и мастера, изготовлявшие ковры. «Ремесленники этого разряда, — отмечает автор статистического исследования, — все живут в Тюменском округе»¹.

И.Н. Юшкова занимала ранняя история Зауралья, проникновение сюда русских и бухарцев.

«Купцы из Бухары и других стран в период, предшествовавший русскому владычеству, проникали до Полярного круга и выменивали у вогулов, самоедов и остяков мягкую рухлядь на продукты своих стран»².

Анализ летописных известий о походах отрядов ушкуйников привел И.Н. Юшкова к выводу, что с XII в. сохраняли «за собою господство над Югрой» новгородцы, затем преуспели здесь московские князья. После присоединения Казани и Астрахани «некоторые из народных вождей и сибирских князей, как например Едигер, — отмечал исследователь, — даже начали заискивать покровительства у могущественного царя московского, поставляя себя к нему почти в даннические отношения». Словом, он

¹ Юшков И.Н. Выводы из статистических таблиц Тобольской губернии за 1869 год. Тобольск, [Б.г.]. С. 3, 7, 9, 18, 21, 24, 27–31, 34, 36.

² Юшков И.Н. Прошедшее торгового дела в Западной Сибири. Тобольск, [Б.г.]. С. 6.

сделал имевший принципиальное значение вывод о том, что еще задолго до Ермака стали создаваться условия для вхождения Сибири в состав Российского государства. «Таким образом, обоюдные интересы экономические и торговые — могущественные двигатели — более и более скрепляли наши сношения с Сибирью».

В отечественной историографии по-разному датируют начало похода Ермака. Одни, как А.А. Дмитриев, относили его к 1580 году, другие (Н.И. Костомаров, Н. Шляков) к 1582 году.

И.Н. Юшков отнес начало экспедиции Ермака к 1579 году, когда тот «вместо верховьев р. Чусовой попал в реку Сылву, где и принужден был зимовать». Объяснения этому обстоятельству он находил в отсутствии надежных проводников («вожей»), а также слабом знании транспортных путей в Сибирь. Юшков считал, что «все походы как до Ермака, так и самим Ермаком и частными промышленниками совершались как бы ощупью и наугад». Лишь только после присоединения, отмечал он, «дорога в нее определилась яснее». «Первоначальная дорога из Москвы в Сибирь, по утверждению в последней русского владычества, шла на Чердынъ — Растесной Камень, перевалившись через который, она направлялась по рекам Лозве, Тавде и Тоболу до новопостроенного города Тобольска».

Потом в 1597 году была найдена новая дорога на Верхотурье, где была устроена таможня, просуществовавшая до 1763 года. «Товары из Москвы сплавлялись обыкновенно до Соликамска по реке Каме, отсюда зимою перевозились или к Ирбитской слободе (ныне город Ирбит Пермской губернии) или к Верхотурью, а отсюда шли на Туринск, Тюмень в Тобольск, из которого дорога шла на Тару, Томск и далее в Восточную Сибирь».

После основания Екатеринбург (1722 г.) и «с развитием горнозаводского дела в его уезде» была проложена дорога из уральской столицы в Москву через Кунгур, «этою дорогою пользовались тайно и сибирские торговцы, минуя Верхотурье, так что таможенные доходы значительно уменьшились и оказалось нужным еще раз издать указ в 1758 году о запрещении миновать Верхотурье».

Особое внимание уделял И.Н. Юшков роли городов в присоединении и освоении Сибири, которые стали главным фактором экономического развития края. «После завоевания Сибири Ермаком, когда уже царские войска проникли в речную область Иртыша и русские стали на ней твердою ногою, русская колонизация направилась в глубь Сибири, следуя вдоль главных водяных артерий Западной Сибири — Иртыша и Оби. Русские постепенно подвигались вперед, обеспечивая себя с тылу

построением укреплений, острогов и городов. Укрепившись на р[еке] Туре и основав г. Тюмень, а потом в 1587 году Тобольск, они распространили свою власть и на окрестных инородцев, живших по рекам Туре, Пышме, Исети, Тавде и Тоболу. Следуя вверх по Оби, русские казаки облагали ясаком встречавшихся им на пути инородцев и для удержания их в повиновении у себя построили города: Сургут, Березов, Тару, Обдорск, Пелым, находившиеся в нынешней Тобольской губернии, и Нарым — в Томской».

Сибирские города играли важную роль в развитии торговых связей с народами Средней Азии. И.Н. Юшков писал: «Торговцы из Бухары и Хивы также стали привозить для обмена свои товары во все вновь возникавшие тогда русские городки, остроги и слободы. Товары их состояли преимущественно из шелковых, шерстяных и бумажных материй, разноцветной парчи, сушеных фруктов, мерлушек, войлоков, кошачьих, тигровых и леопардовых шкур, а также пригоняли рогатый скот, овец и лошадей».

С бухарцами И.Н. Юшков связал возникновение промышленного производства в Тобольском крае. В XVII в., водворившись в Тюмени, они, по словам исследователя, «внесли с собою искусство возделывать кожи, с той поры это производство распространялось год от году, несмотря даже и на то, что Тюмень

удалена от южных округов, наиболее промышляющих скотоводством». Поэтому не случайно бухарские купцы получали от русского правительства различные льготы. Например, проживавшим в Тобольске предоставлялось право «ездить для торгового промыслу из Тобольска в русские города, и по городам их ничем не теснить и задержания им не чинить». В 1685 году грамота была подтверждена.

В свою очередь, русские купцы в XVII—XVIII вв. проникали «с разными товарами для обмена на продукты калмыков и бухарцев» вплоть до степного озера Ямыша, «лежащего в 6 1/2 верстах от правого берега Иртыша» и «чрезвычайно обильного солью».

В XIX в. сибирские города стали главными опорными пунктами проникновения русских в Среднюю Азию. И.Н. Юшков справедливо утверждал:

«Почти все торговые и даже ученые экспедиции начинались обыкновенно из Западной Сибири. Отправляясь в глубь Средней Азии с торговыми и промышленными целями и проникая для этого далеко на юго-восток, русские торговцы между прочим нередко и сами приносили науке [пользу] сообщением сведений о странах, посещенных ими».

Среди таковых он назвал переводчика Путинцева, посетившего в 1811 году Кульджу и Чугучак, рудокопа Снегирева, обследовавшего «для разыскания

золотых россыпей» Тарбагатай, дворянина Мадатова, проехавшего из Семипалатинска мимо озера Иссык-Куль через Бухару в Индию, купца Бубеникова, побывавшего в 1821 году в Кашгаре. По свидетельству И.Н. Юшкова, «обширную торговлю в Киргизской степи, в среднеазиатских ханствах и китайских городах Кульдже и Чугучаке» вел торговый дом Поповых из Тобольска.

«Однако, — признавал И.Н. Юшков, — эти первые попытки завести правильные и постоянные торговые сношения с племенами Средней Азии оказались неудачными. Вскоре купцы и вовсе перестали ездить туда для обмена товаров, так как караваны их почти всегда были жертвами грабежа туземцев», прежде всего дикокаменных или черных киргизов.

«Так, в 1823—1824 годах были разграблены в степях Средней Азии большие караваны сибирского купца и первого золотопромышленника в Киргизской степи Попова»³.

И.Н. Юшков явился одним из первых исследователей (наряду с Г.А. Колпаковским, Н.А. Абрамовым, В.А. Ильиным) ярмарочной торговли в Тобольском крае. В «Губернских ведомостях» была опубликована его статья «Обдорская ярмарка 1870 года», явившаяся, по существу, отчетом о поездке в Обдорск в качестве

представителя статистического комитета. Он дал яркое описание одного из крупнейших меновых торгов Тобольского Севера:

«Ярманка помещается на открытой ровной тундре, прилегающей к селению с северной стороны. Тут стоят два небольшие ряда лабазов, но главная и более оживленная торговля обыкновенно идет на тундре прямо с возов, остяцких саней (нарты), на которые и раскладываются товары, или в разнос как на толкучих рынках. Пустынный и почти безлюдный в обыкновенное время, Обдорск во время ярмарки оживает, представляя полную жизни и разнообразную картину: толпы прикочевывающих в это время инородцев оживляют безмолвную дотоле тундру, окружающую селение. Довольно живописные костюмы самоедов (парки и гуси), легкие, но весьма теплые даже для 40-градусных морозов, везде перемешиваются с простыми остяцкими и пестрыми зырянскими лицами. Звон колокольчиков и разных медных блях и кружков, составляющих неотъемлемую принадлежность туалета шеголеватых самоедов, слышится повсюду. Множество разношерстных, длиннорогих оленей, запряженных в нарты разных величин, снующих в разных направлениях, и длинные шести, которыми погоняют оленей, воткнутые в снег у каждой остановившейся

³ Юшков И.Н. Прошедшее торгового дела в Западной Сибири. Тобольск, [Б.г.]. С. 7—10, 12—15.

нарты, представляют как бы живую чашу. Теснота, толкотня, оживленный говор на разных самоедских и остяцких наречиях, яркие цвета самоедских костюмов и выложенных на нартах кусков сукна, прямо бросающихся в глаза, так же, как и горы печеного хлеба, и разные металлические изделия и сравнительно почти совершенное отсутствие на виду пушного товара и рыбы — главных предметов торговли инородцев, — вот общее впечатление, какое остается у приезжего, в первый раз увидевшего эту своеобразную и своеобразную ярмарку».

В статье содержится богатый фактический материал о размерах торговли, ассортименте товаров, о составе участников. На ярмарке 1870 г. были представлены самоеды (ненцы), около 90 зырян (коми) Мезенского уезда Архангельской губернии и русские торговцы. В числе последних И.Н. Юшковым учтено: «6 торгующих по свидетельствам 2-й гильдии, 5 торгующих мещан, 45 крестьян, казаков 30».

Русские торговцы поставили на ярмарку 63300 пудов ржаной, 1300 пшеничной, 485 пудов крупчатой муки. «Сукна разных цветов, преимущественно красного, зеленого, желтого и синего, 1985 арш[ин] на 3450 р[ублей], холста 17700 арш. на 1811 р., чеканки (холст, по которому отпечатаны красками, преимущественно кубовой, разные узоры) 3100 арш. на 310 р.,

табаку листового 105 кулей на 3265 р., мережи для рыболовных снарядов 10 тыс. саж[еней] на 1000 р., азиатских товаров на 1935 р., металлических изделий 143 п[уда] на 1020 р., в том числе меди в деле 26 п. на 630 р., железа в деле 87 п. на 330 р. и чугунных изделий (преимущественно котлов) 30 п. на 60 р., мыла простого 3 ящика на 75 р.». Архангельские зыряне привезли на ярмарку оленье мясо (365 туш), масло коровье (104 пуда), 57 кож, 1100 саженей ремней «на хомуты для запряжки оленей», 26450 шерстяных (красных и пестрых) поясов, 217 деревянных чашек, 350 ложек, 125 топоров, 730 ножей и буравов, 330 железных и медных цепей. «Пеньковой веревки 8 п. на 48 руб., 14 шт. тынзянов, плетеных из ремня (употребляемых для поимки оленей) по 12 саж. длиною каждый на 28 руб.». Самоеды (ненцы) и остяки (ханты) привезли рыбу, пушнину, осетровый клей, моржовые ремни, пух и мамонтовую кость.

И.Н. Юшков обратил внимание на важнейшую особенность обдорской торговли пушниной — ее скрытный характер. «Торговля более ценною рухлядью на Обдорской ярмарке инородцами издавна ведется скрытно, большею частию на дому покупателей, которым они ее приносят сами, часто еще несколько раз, и долго ведут переговоры о цене. По этой причине

не дорогих шкур на ярмарке вовсе не было видно, например, соболя, но он тем не менее был куплен или взят за долг местными торговцами и сдан в Ирбит за 320 руб. за сорочек».

По подсчетам И.Н. Юшкова, на «ярманку» 1870 года «привезено было русскими и зырянами на 56127 р. 75 к., в этом смысле собственно русскими торговцами на 53564 р. и зырянами на 2563 р. 75 коп. Ценность же товаров, привезенных ныне самоедами и остатками для обмена на русские товары, простиралась до 27597 р. Продано на ярманке товаров, обменено и отдано в долг всего на сумму 29840 р. 75 к., в том числе русскими на 28149 р. и зырянами на 1698 руб. 75 коп., осталось нераспроданным на 26280 р., в том числе у русских торговцев на 25415 руб. и у зырян на 865 руб.». Оценивая итоги обдорского торгова, И.Н. Юшков отметил, что «Обдорская ярманка 1870 г. сравнительно с предыдущими годами была менее оживленна... Торговля вообще шла туго, рыба и пушной товар вздорожали против прежнего значительно», и назвал в числе причин медленное и весьма позднее, в частности инородцев, прибытие на ярмарку; невысокие объемы осеннего лова рыбы на Оби; «почти повсеместный в Березовском округе неуспех зверопромышленнос-

ти... от недостатка зверя или ушедшего за скудостью подножного корма, истребленного лесными пожарами или погибшего от заразы»⁴.

В ноябре 1872 года согласно постановлению губернского статистического комитета И.Н. Юшков был командирован в город Ишим на проводившуюся там в начале декабря Никольскую ярмарку «для собрания сведений способом, установленным для того центральным статистическим комитетом на статистическом съезде в Петербурге в 1870 году, т.е. посредством раздачи торгующим бланков ярмарочных листков для внесения в них требуемых заголовками бланка сведений».

По прибытии в Ишим секретарь статкомитета распространил среди участников ярмарки (она началась 1 декабря) бланки с вопросами, касавшимися сословной принадлежности, географии торговцев, ассортимента и количества товаров. 393 — торговец, 171 купец, 126 мещан, 52 крестьянина, 32 татарина и 12 человек военного сословия представили в ярмарочный комитет ответы, которые были проанализированы И.Н. Юшковым. Участники ишимского зимнего торгова были сгруппированы автором исследования по следующим признакам:

1) по месту постоянной торговли,

⁴ Юшков И.Н. Обдорская ярмарка 1870 года // ТГВ. 1870. № 17. С. 1–2.

2) по месту, откуда приехали на Ишимскую ярмарку, 3) куда отправились с нераспроданным товаром по окончании ярмарки (нами результаты подсчетов И. Н. Юшкова представлены в таблице)⁵.

Состав торговцев на зимней Никольской ярмарке в Ишиме. 1872 г.

Населенный пункт	Состав торговцев по признакам		
	1	2	3
1	2	3	4
г. Ишим	23	43	46
Ишимский округ	20	28	21
г. Курган	19	26	19
Курганский округ	17	11	8
г. Петропавловск	18	22	18
г. Шадринск	12	14	12
Сысертский завод	5	6	—
Нижнетагильский завод	8	13	6
г. Тюкала	8	4	9
г. Тюмень	22	29	26
Тюменский округ	6	8	4
г. Тобольск	17	25	20
Тобольский округ	3	5	3
г. Тара	8	—	—
Тарский округ	3	16	16
г. Екатеринбург	22	27	22
Екатеринбургский округ	5	—	—
г. Томск	6	6	2
г. Москва	5	4	—
с. Усть-Ламенское	2	4	10
Ирбитская слобода	7	6	34
г. Ялуторовск	5	4	2
г. Туринск	5	8	6
с. Абатское	3	—	29
г. Кунгур	11	18	13
г. Верхотурье	8	5	2
г. Омск	11	13	10
г. Семипалатинск	3	4	4
Стерлитамак	4	3	—
г. Пермь	—	4	—
г. Барнаул	—	6	3

⁵ Журнал Тобольского губернского статистического комитета (25 мая 1873 года. № 10) // ТГВ. 1873. № 26. С. 2.

1	2	3	4
г. Каинск	—	8	6
г. Бийск	—	2	2
г. Кузнецк	—	3	4
г. Казань	—	6	1
г. Соликамск	—	2	1
Никольская станция	—	—	8
с. Мехонское	—	—	12
с. Верх-Суерское	—	—	6
с. Емуртлинское	—	—	8
Итого	393*	393	393

Торговцы, по данным И.Н. Юшкова, доставили на ярмарку товаров «на 3309750 руб., более чем в 1871 году на 571310 руб.; продано на 2775950 руб., более на 279060 руб., осталось на 533800 руб.».

До $\frac{1}{3}$ товаров на ярмарку поставлялось торговцами из Ишима и его уезда. За ними следовали торговцы, прибывшие из Нижнего Новгорода, Ирбита, Курганского округа, Москвы, Тюмени и Тобольска. Они поставляли в Ишим чай, сахар, табак, книги, иконы, кресты, обои, фарфор, восковые и стеариновые свечи, мыло разных сортов, вино, ткани, писчую бумагу, ковры, строевой лес, дровни, сани, шерсть, муку. Мягкой рухляди было представлено и распродано, по данным И.Н. Юшкова, «горностая — 20000 штук, хорьков — 2500, белок — 1000, волков — 700, кошек — 6000, зай-

цев — 11000» штук. Шесть торговцев привезли мебель, семь — строевой лес, 17 — бухарский товар, 18 — лошадей, а 37 торговцев — рыбу. «Главные статьи торговли на этой ярмарке, — отмечал И.Н. Юшков, — как и в предыдущие года, составляли кожи, масло и сало, проданные, как и в предшествовавшие годы, без остатка, на 1350000 руб.».

И.Н. Юшков привел сведения о стоимости товаров. Так, «кожи продавались от 7 руб., масло до 7 руб. пуд... сахар продавался сначала ярманки по 8 руб. 80 коп., а потом постепенно возвышался в цене до 9 руб. 10 коп. за пуд... Из рыбы крупная щучина стоила 2 руб. 70 коп. пуд, помельче — 2 руб. 40 коп., стерлядь от 6 руб. до 9 руб., а самая крупная до 11 руб. за пуд... холст от 10 до 16 коп. аршин...»⁶.

Позже в обобщающем «Кратком очерке промышленности и

* 76 торговцев «не имеют постоянной торговли и производят таковую только на ярмарках».

⁶ Журнал Тобольского губернского статистического комитета (25 мая 1873 года. № 10) // ТГВ. 1873. № 27. С. 3; № 28. С. 2.

торговли в Тобольской губернии» И.Н. Юшков привел новые дополнительные сведения о состоянии торговли в крае. Из массы ярмарок в городах он выделил Никольскую в Ишиме, определив ее самой значительной в губернии, и три ярмарочных торга в Кургане. Среди 33 сельских ярмарок, по мнению И.Н. Юшкова, «более замечательны по количеству оборотов 4 ярмарки в селе Мокроусовском», по 2 — в селах Суерском, Омутинском, Заводоуковском, Мостовском Ялуторовского округа.

«За ялуторовскими следуют ишимские сельские ярмарки, а именно: 2 в селе Абатском, на которые в 1875 году привезено товаров на 401756 руб. (более, чем в 1874 году, на 100756 руб.) и продано на 296576 руб. (более, чем в предшествовавшем году, на 96576 руб.), 2 в слободе Усть-Ламенской, куда привезено было товара на 130000 руб. (более на 5000 руб.) и продано на 90000 руб. (более также на 5000 руб.), 4 торжка в селе Армизонском, на которых было товара на 230 тыс. руб. и продано на 120 тыс. руб. и в селе Чистозерском, куда привезено было товаров на 702350 (более на 35250 руб.) и продано на 36600 руб. (более на 90000 руб.).»

Из ярмарок Тарского округа, по мнению И.Н. Юшкова, выделились как «наиболее значительные» торги: 2 в селе Муромском (Бергамакская вол.), по одному — в селе Малокрасноярском и слободе Такмыцкой.

В Курганском уезде И.Н. Юшков к замечательным ярмаркам отнес 4 торга: Ивановскую в с. Иковском, Михайловскую в с. Лебяжьем, Сретенскую и Трехсвятительскую в с. Моршинском.

На Тобольском Севере, помимо ярмарки в Обдорске, существовали еще три торговых центра. Это с. Мужевское Березовского уезда и села Юганское и Ларьякское Сургутского уезда, где проводились торжки, которые, по утверждению И.Н. Юшкова, «вообще весьма незначительны».

В своей работе исследователь охарактеризовал ассортимент товаров, состоявший преимущественно из продуктов сельского хозяйства и промыслов (кожи, жировые товары, сало, масло, рыба, пушнина, хлеб).

Рыбопромышленность, указывал И.Н. Юшков, сосредоточилась, главным образом, в Березовском и Сургутском округах. В 1872 году отсюда было вывезено рыбы, икры, жиру, визиги, звериных и оленьих шкур на 277884 рублей, в 1873 г. — на 248409, а в 1875 г. — только на 155589 рублей.

«Более удачному улову рыбы в Сургутском округе помогает иногда большеводие реки Оби, поднимающее рыбу с верховьев и притоков».

По мнению И.Н. Юшкова, объемы охоты на Обском Севере зависели от неблагоприятных погодных условий осенью (большой снег заметал орудия

лова: луки, самострелы и пр.), неурожаев кедровых орехов.

«От неурожаев же кедрового ореха не удастся вполне и промысел на белку, которую инородцы находят часто погибшею по всей вероятности от голода». Половодье Оби играло двойную роль. При большей воде рыба заходила далеко вверх, но страдала лисица. «Разлитие Оби, — отмечал И.Н. Юшков, — много затопляет, особенно на низменностях, лисьих нор и гудит молодых лисят».

Торговля хлебом, по словам И.Н. Юшкова, «значительно упавшая в последнее время вследствие неурожаев, начинает оживляться. Привоз и продажа хлеба с 1872 года увеличилась по случаю урожая 1871 и особенно 1872 года». Автор исследования обратил внимание на падение цен на муку и зерно в 1872—1875 годах и указал, что на хлебную торговлю существенно влияло состояние транспортных путей. Он отмечал, что «денежные обороты торговцев хлебом преимущественно в округах Ишимском, Ялуторовском и Тарском заметно увеличились против предыдущего года, несмотря на отсутствие более удобных путей сообщения, при гужевом способе перевозки как хлебного, так и других товаров».

Интересны наблюдения И.Н. Юшкова о лесном торге. Иногда

в краеведческой печати преувеличивалось значение лесопромышленности (лесозаготовок и лесопиления) в 60—70-х годах XIX века, чуть ли не исключительно тобольским лесом снабжались западноевропейские пильные заводы. Однако следует признать правильным утверждение И.Н. Юшкова: «Торговля лесным товаром, — указывал он, — в последнее время несколько не увеличилась, и причины этого оставались прежние, т.е. трудность добычи, значительность расстояния от места доставки и неудобства перевозки по недостатку удобных водяных путей для сплава леса»⁷.

В «Кратком очерке», помимо описания торговли, содержится богатый фактический материал о состоянии банковского дела и промышленности в крае. Приведены сведения о винокуренных и кожевенных заведениях, причем автором справедливо отмечено, что «первоначально тюменские кожевенные заводы, по своему устройству, имели скорее ремесленный характер, чем заводской», «фабрик в собственном смысле этого слова почти нет, а у немногих существующих производство незначительно»⁸.

Эта публикация стала последней в творческом наследии И.Н. Юшкова. Следует отметить, что все работы тобольского исследователя отличаются основательно-

⁷ Юшков И.Н. Краткий очерк промышленности и торговли в Тобольской губернии // ТГВ. 1876. № 52. С. 2—3.

⁸ Там же. 1876. № 49. С. 4; № 51. С. 4.

стью и добросовестностью, их источниковая база чрезвычайно широка, разнообразна по содержанию, происхождению и информационным возможностям документов, в значительной части не опубликованных, а зачастую впервые вводимых в научный оборот. Публикации И.Н. Юшкова свидетельствуют о хорошем знании автором трудов своих предшественников. Например, при работе над очерком «Прошедшее торгового дела в Западной Сибири» тобольским исследователем были использованы статья г. Колмогорова «Торговый дом Поповых», напечатанная в июньском номере «Литературной библиотеки» за

1867 год, труды Н.Я. Аристова, И.Г. Гмелина, П.С. Палласа, К. Риттера, В.В. Радлова, К.Ф. Ледебура и других. В качестве источников им были привлечены пять первых томов «Полного собрания русских летописей», грамоты, опубликованные в первом томе «Актов Археографической экспедиции», а также документы, выявленные автором в фондах Тобольского губернского архива. Богатство достоверной информации определило ценность публикаций тобольского исследователя, поэтому до сих пор к ним обращаются историки и краеведы как к полезной сводке исторических сведений по истории Тобольского края.

Смерть. Потомки И.Н. Юшкова

В начале 1877 года И.Н. Юшков тяжело заболел и 5 марта составил завешание. На документе имеется пометка: «После смерти завещателя, последовавшей ему 14-го марта 1877 года»¹.

В «Формулярном списке...» показана другая дата его кончины: «Состоя на службе, умер 13 марта 1877 года»².

Вероятнее, И.Н. Юшков скончался в ночь с 13 на 14 марта 1877 года. Причиной его смерти внучка София Александровна назвала горловую чахотку. Тихо похоронен на местном кладбище, не удостоившись

даже некролога в «Тобольских губернских ведомостях».

Вдова Евдокия Ивановна с детьми покинула Тобольск. Она умерла в Москве 12 апреля 1914 года.

Из детей И.Н. Юшкова примечательна судьба старшего сына — Александра Ивановича. Он родился 18 февраля 1866 года, обучался в Тобольской губернской гимназии, затем в Московском университете. Служил в архиве Министерства юстиции.

Был учеником знаменитого русского историка Василия Оси-

¹ ОР ТГИАМЗ. ТМ КП 12285/7 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 7). Л. 2.

² ОР ТГИАМЗ. ТМ КП 12285/42 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 42). Л. 116 об.—117 (7 об.—8).

повича Ключевского. В 1887 году он возглавил работу и стал издателем (литографическим способом) специального курса своего учителя «История сословий в России». Сначала студенты университета А.И. Юшков, А.А. Кизеветтер и В.Н. Сторожев записывали лекции ученого, тщательно слыхали свои записи, «окончательный текст выправлялся и переписывался А. Юшковым и рукопись представлялась Ключевскому для просмотра и поправок».

Позже, после смерти Ключевского, А.И. Юшков, учтя пометы своего учителя, сделанные им на личном экземпляре издателя, трижды (в 1913, 1914 и 1918 гг.) типографски опубликовал этот курс³.

В 1898 году А.И. Юшков издал первую часть сборника «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества».

У Александра Ивановича было в двух браках тринадцать детей: четыре сына и девять дочерей. Сын — Сергей Александрович окончил Екатеринбургскую художественно-промышленную школу, стал чертежником-конструктором Уральского горно-металлургического треста и позже артистом Свердловского театра оперы и балета (бас).

(Окончание в следующем номере)

Дочь Вера Александровна (23 ноября 1892—1966) получила прекрасное образование, окончила с золотой медалью женскую гимназию Щепотьевой в Москве и медицинский факультет, стала врачом-гинекологом, ассистентом профессора Архангельского. За отличную работу была награждена орденом Ленина.

Внук Евгений Александрович погиб на фронте в Великую Отечественную войну.

Два других внука — Борис (Оскар) Миронович Стернин (сын Веры Александровны и Мирона Осиповича Стернина) и Юрий Владимирович Хомич (сын Софии Александровны и Владимира Романовича Хомича) — после окончания школы попали на фронт. После войны пути их разошлись. Первый стал хирургом-ларингологом (умер в июне 1969 г.), а Юрий Владимирович дослужился до звания полковника, стал радиоинженером. Окончил с отличием Военную академию имени Буденного в Ленинграде и защитил кандидатскую диссертацию.

Еще один внук — Эдуард Юльевич Элькинд (сын Анны Александровны и Юлия Марковича Элькинды)⁴ — стал кандидатом технических наук и изобретателем в Московском научно-исследовательском институте медицинского приборостроения.

³ См.: Ключевский В.О. Сочинения. Т. VI. М., 1989. С. 446.

⁴ ОР ТГИАМЗ. ТМ КП. 12285/1 (Ф. 2. Оп. 2. Д. 1). Л. 3 об.—4.

Миф о художнике Галкине

Втайне и неясно он улавливал соответствие или родство между музыкой, книгой, паровозом; ему казалось, что машины и музыка выдуманы одним сердцем, и это сердце было похоже на его собственное.

А. Платонов

Редкий счастливцев, впервые попадающий в тесно заставленные помещения фондов областного краеведческого музея, имеет опять-таки редкую же возможность случайно увидеть между прочих чудес странные картины — старательные и написанные рукой явно не профессионального живописца виды Тюмени. Непередаваемый на письме зрительский восторг (впрочем, см. иллюстрации) закономерно приводит к вопросу об авторе, на чем дискурс, соб-

ственно, и заканчивается. Обнаружить в краеведческой литературе что-либо о «художнике Галкине» (кроме тридцатилетней давности скудных газетных упоминаний о «самодельном мастере кисти»), не удастся.

Меж тем, городу нужен Ангел, или, если хотите, *genius loci*, и даже самые предварительные исследования биографии нашего героя свидетельствуют о том, что «художник Галкин» на эту роль подходит больше многих прочих. Сегодняшние записки — попытка расставить по мес-

Автобиография

Галкина Алексея Григорьевича

Я, Галкин А.Г. родился в г. Тюмени в 1890 году, 1 марта. Мать — Пелагея Васильевна Галкина, бывшая Нужина, Отец — Галкин Григорий Якимович. Прибывшего со своим отцом Якимом Галкиным в 1860 годах на поселение из д. Сундури, Косьюдемьянского уезда, Казанской Губернии. Назначение было в Тарский уезд, в д. Плодбище, Тобольской губернии. Не имея никакого своего хозяйства, он стал просится в г. Тюмень, где отец мой Григорий с братом Василием на-

чали работать на пристани. Смолили баржи, делали новые, плотничали. Затем, перешли на другие работы. Отец — стал пекарем. Все шло хорошо, но в 1880 году отец научился пить вино. Свирепствовал в то время страшная болезнь «холера» в г. Тюмени.

В 1895 году родители моего отца помогли моему отцу купить домишко на Водопроводной улице. Но отец мой не смог уберечь, он его продал по пьянке Обрубову — парходчику, которому нужно

г. Тюмень. Центральная часть города,
Базарная площадь.

1916 г.

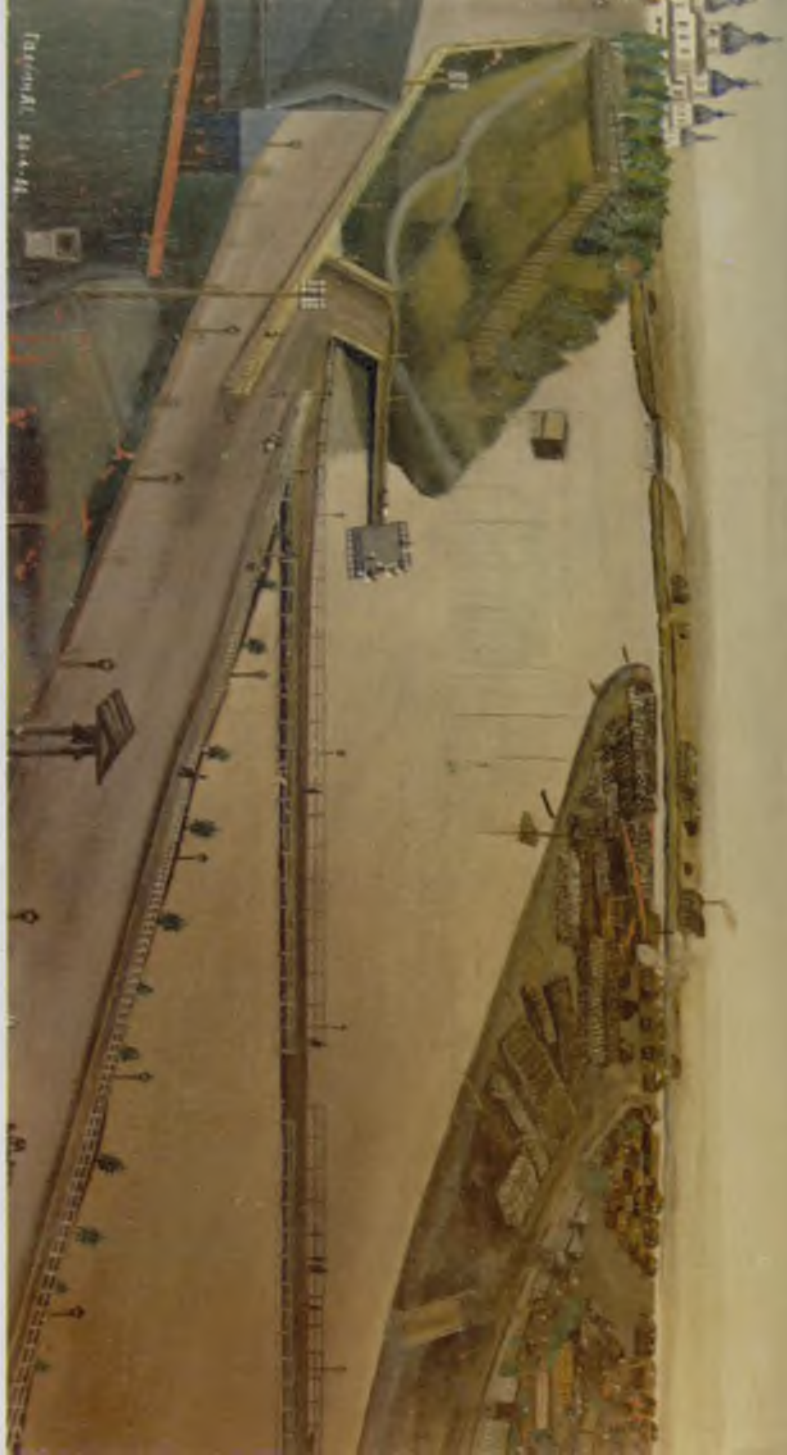
Foggy Towns 1867.

Тюмень, 1925, эстамп.

TIMES, 1900.

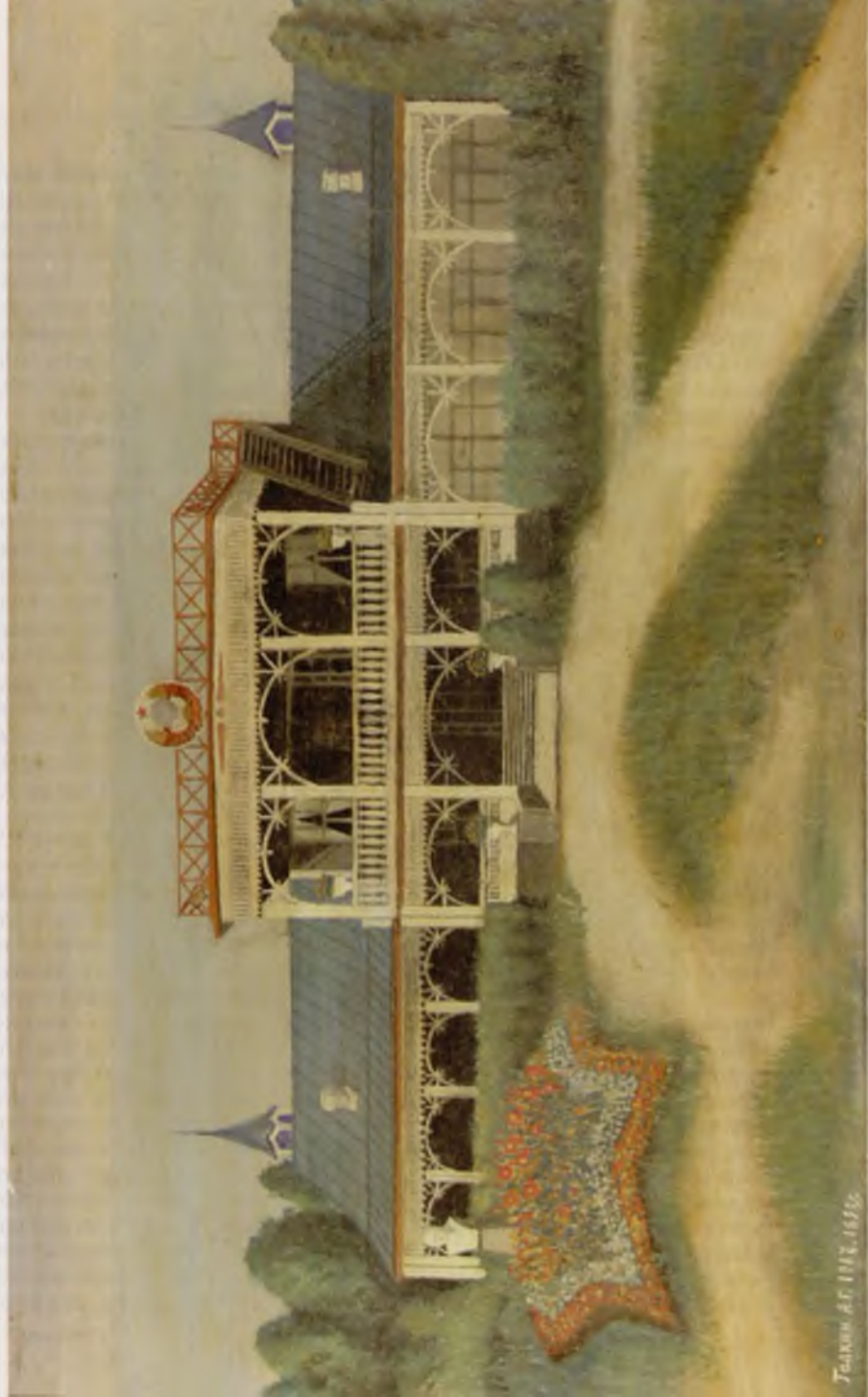
Paterson, N. J.

Судостроительная Верфь
Волжского завода в Тольятти.
1929/30 г.

Судостроительная Верфь

там немногие документальные данные о человеке, тем самым превращая его еще больше в миф. Цитата: «Сократ: ...притом важно, что мы имеем дело не с вымышленным мифом, но с правдивым сказанием. Если мы его отвергнем, где и как найдем мы что-нибудь лучше?»¹

Алексей Григорьевич Галкин, родившийся 14 марта 1890 года в г. Тюмени на Пароходской улице, по всем статьям был обыкновенным русским человеком, из тех, что многократно (в общем виде) воспеваются классической литературой, но в истории персональных следов не оставляют и в анналы не попадают. Так должно было произойти и с нашим героем, не увлекись он на пенсии рисованием. Нужно также учитывать, что Алексей Григорьевич был немо-

лод уже в 1941 г. (на фронт не призывался) и что единственной ныне здравствующей дочери Галкина — Людмиле уже за девяносто. Так что источники немногочисленны — попытки интервью с Людмилой Алексеевной, архивное дело (ГА ОПОТО. Ф. 4048. Оп.1. Ед. хр. 124), сданное на хранение самим художником, заметки в «Тюменской правде» (прилагаются к архивному делу — следы клея на обороте), каталоги выставок, наконец, фотографии, хранящиеся в фондах ТОКМ. Вся пестрота документов и документиков — от курортных книжек до грамот Красного Креста — только подчеркивает зияющую пустоту в месте, где должен находиться Галкин — Человек и Художник...

Здесь автор должен объявить некоторую нелинейность пове-

¹ Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий. М., 1999. С. 431

было место. Дом наш Обрубов отвез на пески зареку, там поставил, а на этом месте сам стал жить. А моему отцу посоветовал: «Поезжай мол на родину свою, там много яблоков» — отец мой поехал и купил пятьсот коробов, по одному рублю за короб, (короб весом 3 пуда), пока он шел, вернее, его я блоки шли по Волге, да по Каме, от Перми до Тюмени железной дорогой, поезда шли черепашью шагом. Прошел добрый месяц время. Яблоки на вид пришли хорошие, как сейчас я помню, но врачи, комиссия забраковали (было холера) все вывезли на московский тракт, обли-

ли керосином и зажгли и мой отец стал нищим. И пришлось моему отцу мотаться по пекарням. Ездил в Омск, Томск, в Челябинск, а придет ни гроша в кармане.

Мать по окончании гимназии, получила право учительницы. Занималась подготовлением учеников в гимназию, чем занималась и жила, и воспитывала меня и других детей. Я подрос, учился и работал в мастерской кустарной слесарем, самовары лудил, швейные машины, ружья ремонтировал, газетами торговал. Начал свою трудовую деятельность с подмастерьев учеников с

ствования и отослать читателя к публикуемой близости автобиографии Алексея Григорьевича, объясняя это отчасти тем, что документ является единственным связным (и стопроцентно достоверным) рассказом о жизни художника, отчасти — необходимостью настроить читателя на соответствующее восприятие (синтаксис и орфография сохранены). После, по сути, к этому рассказу добавить можно только детали.

Прежде всего, «художник Галкин» становится художником как таковым только после выхода на пенсию — первые из дошедших до исследователя работ относятся к самому концу пятидесятых. В этом нет ничего удивительного, специалисты, занимающиеся наивным искус-

ством, скорее говорят об этом как о правиле — причисленный к наивным художник чаще всего начинает творить, оказавшись вытесненным на обочину обыденной жизни².

А в той самой обыденной жизни, до живописи, Алексей Григорьевич был механиком. Скучность сведений заставляет автора прибегнуть к эстетике, свойственной его герою, — биография Галкина представляет собой немногие яркие картины, похожие на фрагменты его полотен. Механиком Галкин был очень хорошим — несмотря на всего лишь начальную школу и прослушанный в 1920 году курс лекций на первых восьмимесячных Технических курсах для квалифицированных рабочих-металлистов³. Большая

² См. Рылева Н. Человек наивный. www...

³ ГА ОПОТО. Ф. 4048. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 10.

1905 года. До 1905 года учился, <нрзб.> классов окончил.

В 1905 году пошел работать на железную дорогу слесарем в депо, товарные вагоны ремонтировал, пассажирские, потом работал ремонтником паровозов. Затем, пошел в инструменталку. В инструменталке работал до 1911 года. В 1911 году женился на Щербаковой Зинаиде Михайловне, рождения 1895 года, в то время ей было всего 15 с половиной лет, когда я задумал жениться. Ходили к архиерею за разрешением, написав предварительно заявление. Он правда не разрешил нам сходит-

ся, она очень молодая, ноя сказал, что так ее возьму. Потом он разрешил, подписал заявление, но только со следующего года апреля м-ца и передал заявление попу, сказал, что ты отвечаешь, венчать сейчас рано, она еще девченка.

В 1911 году в апреле месяце мы повенчались, в Архангельской церкви на улице Ленина, бывшая Спаская и в этом здании теперь, вернее в бывшей церкви Сельэлектро.

После свадьбы я ушел работать в пароходство к Текутьеву на постройку пароходов. И проработал одну зиму, потому, что на жел. дороге мне платили по семь гри-

часть уже упоминавшегося архивного дела состоит из прямых об этом напоминаний — «изобретений и рац. предложений было много, за которые премирован деньгами в мае и октябре»⁴. Творческий подход к делу, присущий нашему герою, находит покуда свое выражение в технике — по воспоминаниям Людмилы Алексеевны Галкиной, в тридцать седьмом году отец едва не был арестован за хранение дома изготовленного собственноручно «левольвера». Но больше всего, пожалуй, попадают в стиль письма некоего Михаила Емельяновича Усольцева, бывшего «председателя правления колхоза «Село 14 годовщины Октября». В 1948 году Алексей Григорьевич работал на монтаже первой, как утверждается его корреспондентом, в на-

шей области колхозной электростанции (с. Лепиха Упоровского района). Обнаружив в 1973 году заметку о Галкине в «Тюменской правде», Усольцев пишет старому (уж точно) знакомцу письма запоздалой, но пылкой благодарности. Не цитирую ту часть, где выражается собственно благодарность, но цитируемое наиболее характерно, невероятно трогательно и напоминает что-то из Чехова:

«...но зато после того, как лампочки Ильича засветились в домах наших Липихинских жителей, а зерноочистительные машины и молотилки закрутились от пущенной в ход «Затеи» ледок «недоброжелательства» моментально растаял и началось паломничество в с. Лепиху из окружающих сел и деревень не только Упоровского р-на,

⁴ ГА ОПОТО. Ф. 4048. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 1.

вен, а Текутьев стал платить по десять гривен.

Весной в 1912 году уехал в Челябинск на завод братьев Столь, завод выпускал двигатели, сельскохозяйственные машины. Там у жены и родился сын Николай. Весной в марте месяце я уехал в гор. Харбин к родителям. В то время г. Харбин был Китайско-Восточной жел. Дороги и все это принадлежало нам — СССР до 19... и въезд туда был свободный. В 1913 году в апреле мы туда поехали за 20 рублей 20 коп. От Челябинска до пограничной, переселенческим билетом и даже питание бесплат-

ное. Приехали в Харбин ночью, выгрузились, поезд ушел, а мы остались троим с ребенком на вокзале (перроне). На путях было темно, перетаскивать семь мешков, уйти оставить одну жену опасно, я задумался. К нам побежали китайцы, я правда немного струсил, подумал все растащат, а они вежливо подошли и сказали: «наша работать хочет», взяли мешки и понесли в вокзал и мы за ними пошли, я им дал полтинник.

А утром я навел справку через жандарма адрес родителей затем, я пошел туда, нашел стариков. С мая месяца работал в зато-

но и других районов Исетский, Ялуторовский и др. с тем чтобы убедиться в верности и кой-каких «секретах» строительства подобного рода тем более в этом как говорили медвежьем углу и такой лесной глухомани как Лепиха...»

*Тюменская правда.
1973. 9 янв.*

«... активно помогали строить новое небывалое в Условиях затерявшейся вдали деревеньки при ее большой оторванности от городов первую в Тюменской области колхозную электростанцию.

Тогда это было огромной важности событие не только для Лепихи, но и для всей округи наших сел и деревень и это действительно было так, когда в такой глуши Зажглись Лампочки Ильича...

И потянулись и ходаки и целые экскурсии в Лепиху, с

тем, чтобы убедиться верно-ли, что молотилки, сортировки закрутились от силы электротока поступающего от колхозной электростанции... Многие ходяки от своих сел, деревень, от колхозов заходили в наши квартиры, с тем чтобы убедиться, что свет в домах колхозников это действительно от Лампочек Ильича».

<Усольцевы. 25.3.74>

*(ГА ОПОТО. Ф. 4048. Оп.1.
Ед. хр. 124. Л. 19-21)*

Так что ощущения собственной значимости и стойкой гражданской позиции нашему герою было, видимо, не занимать. Отец шестерых детей, прекрасного вида человек с пышными усами, в начале пятидесятых преподносит тюменской прессе информационный повод, впервые починив стоявшие со времен гражданской войны часы на здании

не судоходства китайской ж. д. плавал на пароходе и работал в мастерских. В г. Харбине у нас родилась дочь Александра.

В 191_ году в мае я покинул г. Харбин и приехал снова в г. Тюмень к родителям.

В 1915 году работал в Новой Заимке, Тюменской области, у Ченцова на мельнице машинистом. Там родилась у жены вторая дочь Людмила.

В 1915 году меня мобилизовали как ратника второго разряда ополчения и всю зиму до февраля месяца я пробыл в 35-м запасном сибирском полку.

В феврале 1916 году этой же воинской частью я был командирован в числе 28 человек мастеровых в Петроград в школу-механиков, а от туда выборочным путем получил назначение в 7-ю армию Юго-Западного фронта город Гусятино (австрийский город) <нрзб.> прибыли в Ярмолинск, а с Ярмолинска мы шли пешком до Личковцы — до штаба 7-й армии. Где я и в мастерской остался по ремонту автомашин и мотоциклов. Передвигались в Торнополь, в Чирков, в Бучачи, из Бучачи до Галича.

областного краеведческого музея. Часы пошли 7 января 1953 г⁵, но Галкин не успокоился. В ноябре 1959 г. он пишет в «Тюменской правде»: «... шесть лет тому назад мне удалось восстановить ходовую часть часов, а затем и сложный механизм курантов. Часы сейчас идут и показывают точное время. А вот звон курантов не раздаётся: нет колоколов. При желании, дирекция обл. Музея могла найти средства на восстановление вышки и приобретение колоколов. Кстати, колокола можно отлить на одном из заводов из цветного металла».

Говорят, неутомимый механик мечтал, чтобы часы вызванивал: русскую народную песню «Ревела буря, дождь шу-

мел...»⁶. Уже в пенсионном возрасте он долго работал в краеведческом музее, следил за часами и удовлетворял, по-видимому, свои краеведческие интересы. Кончилось все с уходом Алексея Григорьевича от дел в 1977 году — документ в архивном деле печально свидетельствует: «я ушел <нрзб.> часы стоят и ни звуку» (Личный листок по учету кадров)⁷.

Алексей Галкин вообще был беспокойным человеком. Так, к 1973 году относится еще имеющая непосредственное отношение к краеведению история. Впрочем, без комментариев.

«Редакция газеты
«Тюменская правда»

Протест — от ветеранов труда — пенсионеров

⁵ ГА ОПОТО. Ф. 4048. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 38.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ Там же. Л. 2.

В июле 1917 году вместо того, чтобы сделать мировую, прекратить войну с Германией, Керенский двинул войска на Перемышль, чем разложил армию.

В Бучаче меня избрали председателем авто-команды. Армия покатила на восток. Три армии 9—7—11 сгрудились под Гусятино-Тарнополь и стали отступать на восток. Дисциплины не стало, люди бросились по домам, а в это время появился Скоропатский украинский управитель гетман. Создавая свою армию гайдомаков с чубами. И когда мы прибыли в Винницу, то наша власть была

абсолютно парализована, получилось двоевластие.

Это был 1917 год революции.

На Западном фронте в связи с прибытием Ленина организовано было перемирие, а здесь появился Пильсутский пан поляков, и стали нас бить со всех концов и мы покатили по домам, кто как мог и на чем мог.

В Виннице я был выбран председателем секции авто-части, там латышь Великоумный был сказал: «Надо убираться отсюда», «Карнилов приходит к власти и будет всех вешать». Я пошел на комиссию, так как правое ухо у меня болело и на

1. Галкин А.Г. и пр. (всего 6 чел.)

Протест Архитектурному произволу, а именно: в городе Тюмени — Затюменка красуется здание строительного института, у которого ломают красивый тамбур и которым заведует проектор Сверлинин Валерий Иосипович. Здание находится под охраной Государства и за повреждение карается законом. Поэтому, просим восстановить разрушенный тамбур как он был, а виновных наказать.

30/VII —73 г. г. Тюмень».

(ГА ОПОТО. Ф. 4048. Оп. 1.

Ед. хр. 124. Л. 17)

Резонанс (не менее характерный) — ответ гл. архитектора г. Тюмени Ю. Гаврикова (30.08.1973):

«Согласно обследованию, проведенному кафедрой архитектуры Строительного института, снесенное крыльцо явля-

шесть месяцев получил освобождение и поехал домой в город Тюмень. Где поступил снова на железную дорогу, снова в инструменталку.

Это было в 1917 году в сентябре месяце, пришлось очень плохо нам, хотя выбрали меня депутатом советов рабочих. Пробыл до весны, первая советская власть отступила, с появлением чехов и колчаковцев на Урал. Колчаки и чехи русских рубили и расстреливали.

В 1919 году осенью отступил Колчак. И пришла наша советская власть. Стали наводить порядок в городе, восстанавливать хозяйство. Царские инженеры и тех-

нется поздним пристроено к зданию теперешнего строительного института и было пристроено к зданию, запроектированному архитектором Алтаржевским в 1914 г., и к настоящему времени пришло в аварийное состояние.

Новый проект крыльца разработан в том же стиле, что и само здание института, рассмотрен и одобрен Градостроительным советом и будет построен в 1973 г. Внешний вид здания останется прежним».

(ГА ОПОТО. Ф. 4048. Оп. 1.

Ед. хр. 124. Л. 8).

А вот о Галкине собственно художнике известно меньше всего. Алексей Григорьевич, как и все ему подобные люди, с молодости проявлял рвение ко многим искусствам, играл на мандолине, сочинял песни и даже стихи — есть упоминания о некой тетрадке, ко-

ники убежали с белыми и помогать нам не стали, не признавали советскую власть, они ушли с Колчаком, а им давали хорошие условия, но они все равно ушли все.

Ленин издал указ пойти рабочим учиться в Рабфак.

Не считаясь с тем, что у меня в то время уже было четверо детей, я пошел в Рабфак. Учился, а бумаги не было, мы писали на печке, на куске железа. И все же выучились. И пошли работать, как советские инженеры.

В 1912 году в феврале месяце восстание было в Заводоуковске, в Новой Заимке.

торую он «мало кому показывал»⁸. Но, кажется, картины Галкин начал писать незадолго до пенсии. И, по крайней мере на первых своих полотнах (до 1960 г.), он подписывается «Механик Галкин». Механик, живший на улице Орджоникидзе, 56, кв. 4, превратил свои квадратные метры в «Третьяковку» и быстро вошел в число «самодельных» художников, часто выставлявшихся в те годы в Тюмени. Пик участия Галкина в выставках приходится, если судить по доступным документам, на 1965–67 гг. Впрочем, Галкин

выставлялся еще и в 1972 г. в кинотеатре «Темп»⁹.

Почти неизвестно, как он работал, однако очевидно, что он представлял собой классический тип наивного художника. Автор уже много раз назвал Галкина наивным художником, но никакого определения, кажется, не дал. На сей счет в науке, как водится, развернута целая битва (см. хотя бы московский университетский сборник «Философия наивности», 2001). Творческая судьба Алексея Григорьевича на самом деле схожа с судьбами множества не менее загадочных и волшебных живописцев — отсут-

⁸ ГА ОПОТО. Ф. 4048. Оп.1. Ед. хр. 124. Л. 32–34.

⁹ Ср.: Наивный художник пишет не для публики, а для зрителя, для конкретных людей, которые захотят увидеть его картину. Это кардинально отличает его от профессионала, которому важно мнение именно публики (т. е. СМИ). Поэтому наивные художники больше любили выставляться в кинотеатрах, а не в престижных галереях (ведь в кинотеатрах больше зрителей). — *Тарабаров С. К вопросу о термине «наивное искусство» // Философия наивности. М., 2001. С. 204.*

С великой неохотой меня жел. дорога отпустили на постройку мельницы в д. Иску. Велижанского района, по распоряжению ГОНХ. Мне дали мандат и я построил мельницу в 1921 году осенью. И там проработал на этой мельнице два года. Окружное промбюро меня отозвали и назначили в Юргу в 1923 году из Юрги меня командировали до 1925 года, января месяца на Стекольный завод по распоряжению Байкова управляющего Промкомбината.

В апреле 1926 года по распоряжению Байкова же пере-

ден в г. Тюмень на кожзавод, где проработал до 1929 года, июля месяца.

Затем уехал в распоряжение Свердловскстрест, станция Ощепково, Камышловского Леспромхоза. Строил лесозаводы и шпалорезки и выстроил электростанции, делал ремонт локомотивов, двигателей, котлам.

В системе трансстреста выстроил и поставил шесть заводов лесопильных, восемь шпалорезок, три электростанции, одну лыжную фабрику.

В 1938 году командирован в город Туринск, на лесобиржу,

ствии образования (часто не только художественного, но и просто начального), полная трудов и невзгод жизнь, постоянно неутоленная страсть к искусству. Часто они начинают рисовать в старости, стремясь заполнить пустоту, возникшую в собственном бытии...

Галкин писал открытым цветом, не смешивал красок, не заботился о сохранности своих произведений. Людмила Алексеевна рассказывала, что часто мыла картины с мылом, и это не вызывало никаких нареканий. Более того, только что написанные полотна Галкин часто тут же дарил знакомым. Наконец, Алексей Григорьевич практически не выдумывал сюжетов для своих картин. Это доказывает простое сличение полотен с открытками и фотографиями начала века.

И вот все... больше никаких фактов для реконструкции. Два

объем работ очень большой был но я с работой справлялся.

Через восемь месяцев все хозяйство перешло в распоряжение Северо-Лага, нас перевели на мех. пункт с. Монетка, Березовский район.

В 1941 году — война. Всех мужчин взяли на фронт, я поехал с семьей в Пышму, Свердловской области. Семья была большая до 17 человек доходила.

По предложению секретаря райкома Никольского (Пышминского р-на) построил на два колхоза электростанцию и мельницу в Пылаево. В 1947 году уехал в За-

десятка лет, прошедших со дня смерти «художника Галкина», совершенно, кажется, стерли имена, отношения, голоса... Остается философствовать и делать выводы, что называется, дедуктивным путем.

Философы, занимающиеся проблемами наивного искусства, часто говорят о «бессознательном» характере такого творчества, о глядящей изнутри картин архаике, о «золотом веке», в который, сам того не зная, необразованный чудак художник уводит зрителя. Говорят еще, что наивный человек, стремясь изобразить «настоящий» мир, пишет не реальность, а свое о ней представление. Конечно, это так, и поэтому вдвойне чудесно, что идеальный мир Алексея Григорьевича Галкина на самом деле — небесная проекция Тюмени.

Всю жизнь бывший «Левшой» и нужным в мире челове-

водоуковск, где поставил два шпалорезных завода в лесмехпункте.

Вернусь назад: в 1937 году был тяжелый год. У старшего сына Николая умерла жена Зоя, осталось двое детей, их взяли на воспитание. 22 февраля, в 1937 году умер мой отец 82 лет. В июле, похоронил мать, 76 лет, а в 1943 году похоронил дочь Нину (туберкулезом) 20 лет.

В 1951 году приехал снова на родину в г. Тюмень. Работал в Упоровском районе, с. Лепиха — строил электростанцию от Сель-электро. В 1953 году работал в химфармзаводе механиком. За

ком, платоновским мастером, Галкин, как и подобает настоящему творцу, не сложил рук и после того, как ушел отдыхать — всю жизнь он делал, клепал из железа маленькие части мира, а в старости, ничтоже сумняшеся, чужак-человек, решил создать целый мир. Точнее, не решил, а был вынужден, просто не мог иначе, сил уже не было клепать из железа...

Он начал создавать, естественно, то, что знал, со всей тщательностью мастера (специалист все-таки был) изучая имеющиеся образцы — фотографии (сам много фотографировал) и открытки. Никуда не уходил от открыток и посему явился самым важным для Тюмени художником в истории. «De civitate Dei». Город наш проявился через творчество Алексея Григорьевича в небесном, метафизическом образе.

мое отсутствие случился пожар — уволен п «б».

В 1953 году ушел в промкомбинат построил кирпичный завод и 7 станков гвоздарных в Юртах города Тюмени.

С 1953 года восстановил в Краеведческом музее, башенные часы, за которыми и по сей день наблюдаю.

С момента ухода на пенсию стал художником-любителем.

13/II-1972 года.

г. Тюмень.

(А. Галкин)

ГА ОПОТО. Ф. 4048. Оп. 124.
Ед. хр. 124. Л. 4—9.

Облик Тюмени, улицы, вывески, верфи и церкви — это ведь Рай, мир, в который Галкин стремится вернуться, где он молодой, сильный, здоровый, где невеста его — девочка и Спаская церковь, в которой они венчались (теперь там, мистика какая-то, хранятся его картины).

Вот так, был платоновским мастером, стал платоновым мистиком-художником, хотя и неизвестно даже, верующий ли был. Просто это в нас сидит, никаким коммунизмом не вытравить...

Говорят, слово парадиз (греч. «сад, парк»; из греч. — лат. paradisus и обозначения Р. во всех западноевропейских языках) происходит от древнеиранского «отовсюду огороженное место». Рай, защищенное место — никуда не денется, никогда не сгинет, в нем Абсолютное Добро живет, Видимый Бог, если хотите — visio beatifica, «видение, дарующее блаженство». Может быть, от этого такая радость и у художника (ух, получилось) и у нас, его достаточно далеких зрителей. Вот где разница между открытками и картинами Алексея Григорьевича (если спросите, а чего такого, с открыток же срисовал?). Открытки изображают реальность, а картины — Истину. В данном случае Иерусалим — Тюмень, город божий...

Р. S. Неизвестно даже, когда умер и где похоронен. Мифические герои бессмертны.

Каталог работ А.Г. Галкина,
*Из собрания Тюменского краеведческого музея**

БЕЗ НАЗВАНИЯ (снег, деревья, строения).

Предп. 1956. ДВП., м.**, 33,5x45,5.

На обороте: На добрую память от Галкина А.Г. <нрзб.> 1-2-72 г. <нрзб.> 56-4.

ТЮМЕНЬ. 1925 г. — ЗАТЮМЕНКА.

1957. Ф., м., 55,4x82,7.

В левом нижнем углу: Механик Галкин А.Г. 19-5-1957 г.

ГОРОДЬ ТЮМЕНЬ. 1907 г.

1957, Ф., м., 43,5x130,7.

В левом нижнем углу: Механик Галкин А.Г. 13-7-57.

СУДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ВЕРФЬ ВОТКИНСКАГО ЗАВОДА В ТЮМЕНИ. 1909/10 г.

1958. Ф., м., 44,8x110,7.

В левом нижнем углу: Галкин А.Г. 20-1-1958 г.

ТЮМЕНЬ. 1900 г.

1958. Ф., м., 50,5x83.

В левом нижнем углу: 20-4-58.

БЕЗ НАЗВАНИЯ (площадь перед облисполкомом).

1959. Х., м., 53,5x130.

На обороте: Механик Галкин А.Г. 1-3-1959 г.

Г. ТЮМЕНЬ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ГОРОДА. БАЗАРНАЯ ПЛОЩАДЬ. 1916 г.

1963. Ф., м., 43x65.

На обороте карандашом: А. Галкин, 1963 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ.

1964. К., м., 30x39.

На обороте: первый снег, речка Иска. Галкин А.Г. 1964.

БЕЗ НАЗВАНИЯ (пожарная часть).

1966. Ф., м., 31x46.

В правом нижнем углу: 10-3-66.

ТОБОЛЬСКИЙ ДОМ ОТДЫХА.

1967. ДВП., м., 46,8x74,5.

В левом нижнем углу: Галкин А.Г. 1967. 1890 г.

ДОМИК ЛЕТОМ.

1970. ДВП., м., 29,4x43, 2.

В правом нижнем углу: А.Г.Г. 5.70.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

1970. ДВП., м., 32x45,7.

В правом нижнем углу: А.Г.Г. 70.

БЕЗ НАЗВАНИЯ (новостройка).

1972. Х., м., 65,3x85,5.

В правом нижнем углу: Галкин 72.

* ОФ 5880. Пост. в 1987 г. от Л.А. Галкиной, дочери художника (Тюмень). ВФ 3339.

ОФ 6220. Пост. в 1983 г. от Л.А. Галкиной, дочери художника (Тюмень). Часть картин воспроизводится на наклейке между С. 96-97 этого номера «Лукича».

** Список сокращений: ДВП — деревоволокнистая плита; к. — картон; м. — масло; ф. — фанера; х. — холст.

В верхнем левом углу приклеен лист бумаги, на котором напечатано на пишущей машинке стихотворение:

Грядущее мы строим

Построенный еще

при царской власти,

С годами ставший вовсе стариком,
Он был частицей

маленького счастья

И людям был домашним очагом.
Он помнил все заботы и печали,
Любовь и нежность, радости людей,
В нем ссорились,

мирились, умирали,

Играли свадьбы, нянчили детей.
Он выдержал и годы и ненастья,
Весь почернел в заботах и дыму,
Но стало человеческому счастью
Довольно тесно

в маленьком дому.

Стрелю крапа небосвод <утрач.>

В проемах окон стекла <утрач.>

И точно в сказке вырастает

<утрач.>

Красивый город счастья <утрач.>

Нет, не дома: грядущее

(мы строим?)

Оно близко, уж судя по тому,

Что люди все ненужное, плохое

Оставят в этом маленьком дому.

В. Панов

СТАРАЯ ТЮМЕНЬ.

Дата неизв. ДВП., м., 37х 51¹.

**ДО ДОМУ ИДЕТ ХЛОПЧИК
ПЬЯН.**

Дата неизв. ДВП., м., 50,7х65.

ВЕСНА. НА ЭТЮДАХ.

Дата неизв. Ф., м., 32,4х46.

БЕЗ НАЗВАНИЯ (домик в Ошепково).

Дата неизв. Х., м., 40х60².

БЕЗ НАЗВАНИЯ (девушка на берегу реки).

Дата неизв. ДВП., м., 33,6х41,5.

БЕЗ НАЗВАНИЯ (сани, зимний лес).

Дата неизв. Х., м., 30х45,5.

ДЯДЕНЬКА, ПОДВЕЗИ.

Дата неизв. Ф., м., 41х57.

Внизу: А.Г.Г. 1890.

БЕЗ НАЗВАНИЯ (дом на берегу озера).

Дата неизв. Х., м., 65х70.

БЕЗ НАЗВАНИЯ (тобольский кремль).

Дата неизв. Ф., м., 62х100.

В правом нижнем углу: Галкин А.Г. 1890.

**О картинах,
которые обнаружить
не удалось**

«Разруха. 1917 год», «Турбаза на реке Туре» (в выставке 1965 не экспонировались, но написаны не позже 1966), портрет Даши из трилогии Алексея Толстого «Хожение по мукам» (Р. Сайфуллин).

¹ Картина находится в экспозиции Музея истории дома

² Картина находится дома у Л.А. Галкиной.

*Поездка самодура в столицу**

Быль из сибирской жизни

* * *

Пароход отошел от Елабуги вечером.

Солнце садилось за горизонт. На голубом безоблачном небе показывались звезды.

Воздух неподвижен. Не шелхнет.

Мерно рассекал воды Камы красавец пароход, оставляя за собой лишь слегка пенящийся след.

Пассажиры на палубе любовались засыпающей природой.

Где-то вдалеке пел вечернюю песню соловей.

Сидел на палубе и Лоскутьев.

Его глаза с беспокойством бегали по пассажирам, разыскивая гимназиста и Пелевина.

Но тех не было на палубе. Они спали.

Лоскутьев задумался о гимназисте.

— Что это за человек и что ему от меня надо? — размышлял он.

— Вероятно, шпион и злой умысел против меня таит. Емаков — дурак... Вот если бы со

мной был Карпеюшка, то тот выследил и разузнал бы об этом гаде, — думал Лоскутьев.

Сидящие рядом с ним пассажиры о чем-то спорили.

Лоскутьев стал прислушиваться к спору соседей, но обрывки фраз показались ему мало интересными, и он снова углубился в свои думы.

На этот раз мысли его были игривого характера.

Он вспоминал женщин...

Как в калейдоскопе, мелькали в его воображении кухарки, горничные, поломойки, кассирши, актрисы и антрепренерши, длинный ряд просительниц на «бедность», ласки которых он оплачивал.

Ни одна женщина не любила его ради его самого, а ему брезгливо отдавались только ради денег. Большинство женщин толкала в его объятия горькая нужда и безвыходное положение.

Один раз в жизни ему показалось, что он любим, но и тут ошибся — любимая им женщина сбежала с приказчиком.

* Окончание. Начало см.: Лукич. 2003. №1. С. 84–118.

Печатается по: Ермак. 1912. №26. С. 6–7; №30. С. 6–8; №34. С. 3–15; 1913. №14. С. 11–13; №15. С. 12–13.

Но эта женщина оказала ему большую услугу и спасла его от большой беды.

О ней, Наде Абакиной, он часто вспоминал.

Нади еще не было на свете, как он близко сошелся с ее матерью, замужней женщиной.

Муж знал о связи Лоскутьева с женою. Сначала пробовал учить жену, выгонял Лоскутьева, но жена не исправлялась, и он запил «горькую», махнув рукою на изменницу.

Родилась Надя.

Кто был ее отцом — муж или Лоскутьев, мать и сама хорошо не знала.

Вскоре после рождения Нади скоропостижно умер ее законный отец.

Время шло. Надя росла окруженная заботами и ласками Лоскутьева.

Она звала его «милым папой».

И папа баловал ее. Редкий вечер он не приносил ей подарков.

С радостным криком, бросаясь на шею, встречала она его.

Связь Лоскутьева с матерью Нади продолжалась 10 лет, потом он завел новую привязанность в лице какой-то прачки.

Но по старой памяти не забывал и матери Нади.

Надя стала красавицей.

Лоскутьев каждый день посещал квартиру Нади.

Она при встречах доверчиво целовала Лоскутьева, считая его своим отцом.

Невинные поцелуи девушки разжигали похотливость Лоскутьева, и он стал подумывать об обладании ею.

Цинично сказал он матери Нади о своих планах и надеждах и потребовал, чтобы та отдала ему дочь.

Мать Нади в ужасе отшатнулась от Лоскутьева. Но, завися материально от него и боясь потерять маленькие средства к жизни, получаемые от Лоскутьева, она все-таки после долгих колебаний решилась исполнить его требование.

Три года продолжалась его связь с Надей.

Лоскутьев доверял ей и хранил у ней запасы фальшивых кредиток.

И раз Надя спасла Лоскутьева, успев сжечь перед самым обыском запас фальшивых денег.

А потом... она сбежала с приказчиком.

При воспоминании о Наде, этой загубленной им жизни, что-то вроде раскаяния мелькнуло у него в душе.

«Где теперь она, жива ли?» — размышлял он.

А вдали на Каме открывалась волшебная картина, точно из сказок Шехерезады.

Залитое электрическим светом имене Стахеевых «Святой Ключ» отсвечивало тысячами огней в воде Камы и приковало на себе внимание пассажиров парохода.

Очарованные эффектной картиной, пассажиры не могли оторвать глаз от сказочного дворца Стахеевых.

— Вот эти люди умеют жить! — воскликнул кто-то из пассажиров.

— А почему имение названо «Святым Ключом»? — услышал Лоскутьев вопрос.

Кто-то отвечал:

— В давние времена на склоне горы жил отшельник, где выкопал пещеру, в которую можно проникнуть только ползком. Здесь он на цельном камне выдолбил глубокий бассейн и пустил в него прозрачную, как кристалл, воду святого ключа, бегущего сверху горы. Из бассейна вода ключа стекает в Каму.

Святой ключ служит местом поклонения как для православных, так и для магометан. Есть данные, на основании которых можно предполагать о целебности этого ключа, но, к сожалению, анализа вод до сих пор произведено не было.

— У кого куплен Стахеевым «Святой Ключ»? — полюбопытствовал другой пассажир.

— Имение ими куплено за 400 000 р. у оренбургского генерал-губернатора Крыжановского, получившего это имение даром в эпопею хищения земель «Дикой Башкирии».

Пароход поравнялся с имением.

Во мраке ночи на высоком берегу, покато спускавшемся к

реке, был виден лес. Среди него стояли два красивых дома — дачи и целый ряд хозяйственных построек. На берегу виднелись ке-росиновые склады, паровая мельница и хлебные амбары.

* * *

Тиха и торжественна великолепная камская ночь.

Вода не шелохнется, остеклела, разве только изредка осетри или белуга разведут по воде большой круг да пароход всколыхнет спокойную Каму, оставя за собой бороздящий след. Чудный аромат несетя с окрестных полей и лугов.

Где-то скрипит коростель. А с берега несетя заунывная песня рыбака, нарушая ночную тишину.

Чарует своею прелестью ночь пассажиров парохода.

Задумчиво сидят они на палубе, лишь изредка обмениваясь между собою мыслями.

В салоне первого класса, залитом электрическим светом, сильный баритон запел старинный романс Пауфлера «Тихая звездная ночь».

Далеко по реке из открытых окон салона неслись ласкающие звуки романса.

Пассажиры жадно слушали пение неизвестного артиста. Он кончил.

Дружные, громкие рукоплескания покрыли последние слова романса.

Лоскутьев тоже слушал пение, но мысли его витали далеко от Камы.

Он думал о своей поездке в столицу.

Удастся или нет ему напасть своему врагу?

Его заботил и гимназист, который, как он заметил, ходил за ним по пятам.

— Шпион, не иначе как шпион, — размышлял он.

Его стало клонить ко сну, и он направился в свою каюту. У дверей его поджидал с загадочным видом Емаков.

— Тебе что надо? — спросил Лоскутьев.

— Мысль хорошая в голову пришла, уважаемый Клим Иванович.

Лоскутьев, отпирая каюту, жестом пригласил Емакова войти.

— Выкладывай свои мысли, посмотрим, что у тебя есть, — сказал Лоскутьев.

Емаков разгладил бороду, оправил усы, два раза крикнул и начал.

— Следил я, уважаемый, за гимназистом и думаю, неладное он против вас замышляет.

Лоскутьев встрепенулся.

— Два раза подходил он ко мне и спрашивал о вас, откуда и куда вы едете и где будете останавливаться.

— А ты что сказал? — взволнованным голосом спросил Лоскутьев.

— Откуда вы едете, я сказал, но куда и зачем, я, конечно, умолчал. А он мне на это так ехидно, с усмешечкой — проговорил:

— Вы не знаете, куда ваш хозяин едет, а я знаю. В Казани вы два дня проживете — там получите телеграмму из дома. В Нижнем в склеп собора сходите, поклониться праху Минина. В Москве у Иверской молебен будете служить, а затем в Питер, адвокатов искать...

— А ты не врешь, Емаков, все это тебе говорил гимназист? — задал вопрос Лоскутьев.

— Из слова в слово передаю вам, Клим Иванович, ничего не утаиваю.

— Удивительно! — прошептал Лоскутьев и подозрительно покосился на Емакова.

У него мелькнула мысль, что Емаков играет двойную игру, а может быть, и состоит на жалованье у его врагов.

Емаков продолжал:

— Вечером проходя мимо каюты гимназиста, видел, как тот вливал какую-то жидкость в жестяную банку, от которой шел не то пар, не то дым. Не бомбу ли делает? — подумал я.

Лоскутьев молчал.

— Человек он неизвестный и подозрительный. Не покушение ли он задумывает против вашей драгоценной жизни? Дай Бог вам сто лет еще на свете здравствовать. Вам следовало бы принять меры, обезопасить себя на всякий случай.

Лоскутьев страдал манией преследования, и слова прислужника его очень обеспокоили. В его воображении уже рисовалась картина покушения.

В окно каюты гимназист бросил бомбу, и он окровавленный лежит на полу, истекая кровью.

Прерывающимся голосом он спросил Емакова:

— Что же мне делать?

— Утопиться.

Лоскутьев с глазами, налившимися кровью, со сжатыми кулаками бросился на Емакова.

— Ты, проклятый, еще смеешься надо мною?

Испуганный Емаков вскочил со стула и попятился к дверям.

— Что вы, Клим Иванович, за что осерчать изволили, мне ли, маленькому человечку, смеяться над моим благодетелем. О Господи, смею ли я!

Покорные слова Емакова немного успокоили Лоскутьева.

— Ну объясняй свои дурацкие слова, — отрывисто приказал он.

Емаков снова сел на стул.

— К тому я сказал это, Клим Иванович, что обмануть, провести надо проклятого гимназиста. Сбить его нужно со следа. Скоро будет пристань Соколки. Время ночное. Вы, Клим Иванович, сойдете там и подождете следующего парохода, на котором и приедете в Казань. А я здесь устрою так, что вас будут считать утонувшим.

Мысль Емакова по душе пришлась Лоскутьеву, он просял и похвалил своего слугу:

— Молодец ты у меня. Сделаю по-твоему. Пойди в свою каюту, приготовь место для

моего багажа, а я буду складываться.

По уходе Емакова Лоскутьев вынул из-под подушки номера газеты «Жало», купленные на пароходе книги, тщательно завернул их в бумагу и запрятал на самое дно чемодана.

— Тяжело мне, старику, будет без подушки, но как-нибудь промаюсь, — думал он. — Будьте вы прокляты, неблагодарные твари», — послал он проклятия по адресу своих сограждан.

Уложивши свои вещи, Лоскутьев отправился в каюту Емакова.

— Тащи мои вещи в свою каюту.

Емаков за два часа перенес багаж хозяина и в почтительной позе стал перед Лоскутьевым.

— Приедешь в Казань, — приказывал Лоскутьев, — останись в коммерческих номерах на Воскресенской улице, наискосок музея. Возьми два номера — для меня и для себя.

Относительно моего исчезновения — что-нибудь не напутай. Моей фамилии не говори, а рассказывай, что нечаянно утонул старик Першинов. Устроишь все по-хорошему, награжу, да и в завещании не забуду.

Сам знаешь, у меня наследников нет, кто меня будет почитать и слушать, тот и будет моим наследником.

У Емакова закружилась голова от радости.

— Головы своей не пожалею для вашей милости. Прикажи только, всех врагов уничтожу, на каторгу пойду, а сделаю вам угодное.

— Как слюнки-то у тебя потекли, как услышал про заведение, — иронически заметил Лоскутьев.

Емаков вместо ответа руку поцеловал у Лоскутьева.

Наступило молчание.

— А вот еще что пришло мне в голову, уважаемый Клим Иванович. В Казань я приеду ранее вас на целые сутки. Там меня и вас знают. Не намекнуть ли, чтобы вам сочувственный адресок поднесли.

Так и так, расскажу, что не оценили вас, благодетеля, в родном городе, не защитили, а на посмеяние газетчику отдали. Вот порицание неблагодарным от Казани выразить бы... Как вы думаете?

— Что же, это было бы хорошо, если сумеешь, сделай это для меня! — воскликнул обрадованный Лоскутьев.

— Только разрешите — все устрою. В Панаевский сад съезжу, там все собираются, купцы и чиновники. Познакомлюсь, угощу как следует, и тогда какой угодно адресок подмахнут. К вашему приезду будет готово, и в Питере такая бумажка может услугу оказать.

— Устраивай, как лучше, — разрешил Лоскутьев и, вынув из кармана кошелек, отсчитал 20 сторублевок и подал их Емакову.

Тот с благоговением взял деньги и, не считая, положил в карман.

* * *

Идея Емакова пришлась по душе Лоскутьеву. Одурачить гимназиста ему представлялось очень заманчивым. Правда, уход с парохода ночью, одному, ему был неприятен, но опасения перед возможными покушениями понудили его быстро согласиться на предложение Емакова.

«Жаль, что Варю не захватил с собою, все же было бы веселее», — размышлял наш путешественник.

А пристань Соколки была близко. Виднелись уже огоньки села, ютившегося на высоком берегу Камы.

Говорят, что в былое время здесь жили соколы, как в собственном, так и в переносном смысле. Да и поныне здешние сельчане славятся по всей Каме своим ухарством.

Высоко поднимающиеся горы дают начало массе родников, один из них с особенно вкусною и чистою водою огорожен и обсажен деревьями, здесь же поставлена икона. Это местный «Святой Ключ», служащий местом поклонения простолюдинам. Глубокий лог делит село на две неравные части. Невзрачная церковка приютилась на краю берега.

Плохенькие избы не свидетельствуют о достатке их обывателей.

Пристани устроены в начале села, над ними по берегу выстроено несколько домов с балкончиками. Последние специально устроены для пассажиров, которым приходится здесь ждать камских или вятских пароходов.

Пароход подошел к пристани. Прислуга перебросила на пристань мостки. На пароход начали входить новые пассажиры.

Емаков стоял рядом с Лоскутьевым.

Ни гимназиста, ни Пелевина видно не было.

Публика тоже вся спала.

— Ну, с Богом, Клим Иванович, ступайте на берег, а то скоро уберут мостки.

Лоскутьев перекрестился и спустился в 3-й класс. Пробираясь осторожно между спавшими пассажирами, он вышел на пристань.

Его бросило в дрожь. Поднявшись к одному из домиков, он поспешно вошел в него и прошел наверх.

Пароход дал свисток и медленно отчалил от берега.

Лоскутьев вышел на балкон и увидел на борту парохода Емакова, усиленно вглядывавшегося в пристань...

Пароход скрылся из глаз.

Лоскутьев ушел с балкона в комнату и позвонил.

Появился заспанный слуга.

— Нельзя ли подать самоварчик?

Слуга оглядел с головы до ног пассажира и, видимо, вы-

нес от осмотра невыгодное представление о ночном госте, очень нелюбезно ответил:

— Это будет стоить 50 коп.

— А когда придет следующий пароход? — спросил Лоскутьев.

— Из Казани, что ли?

— Нет, из Перми.

— Часа через три.

— Так подайте самовар, пожалуйста.

Слуга ушел.

Лоскутьев в ожидании самовара думал о своем неожиданном бегстве с парохода. В его жизни бывали и не такие приключения. Один в глухую ночь он нередко ходил пешком по болотам за 30 верст от города к своему другу Пелевину. Эти путешествия всегда оканчивались благополучно. А раз в жизни с ним случилось настоящее чудо. Весною в глухую полночь он ехал по болоту. Тьма была страшная. Лошадь ни с того ни с сего не пошла. Мелькнула мысль, что надо переждать до утра. Он терпеливо стал ожидать рассвета. Дождавшись восхода солнца, он убедился, что сбился с дороги, а впереди, в нескольких шагах от лошади, стояло небольшое озерко. Когда он попробовал палкою измерить глубину у бережка, то не мог достать дна. Волосы у него поднялись дыбом от результата исследования. Он избежал смерти чудом. В кругу своих постоянных прихлебателей он

любил вспоминать об этом чуде в своей жизни.

— А все же жаль, что Варя не со мною. Верная она у меня бабенка, не Надьке Абакиной чета.

Варю, одну из многочисленных своих любовниц, Лоскутьев очень ценил, как бессловесную рабу, исполнявшую все его прихоти и пожертвовавшую для его сладострастия своею племянницею Зиной.

Племянницу Варя взяла себе на воспитание после смерти своей сестры. Сиротке только что минуло 11 лет. Лоскутьев сначала мало обращал внимания на сиротку, но потом стал часто останавливать свои глаза на ребенке. Не прошло и года, как Зина оказалась любовницей Лоскутьева. Три года старый развратник делил свою любовь между теткой и племянницей.

Неокрепший организм девочки не выдержал, она постоянно хворала, и в 15 лет страдальца умерла, сожалея о тетке.

— Тебе, тетя, после меня будет плохое житье, старый зверь заест тебя...

Тетка, слушая племянницу, плакала и просила у умирающей прощения за ее загубленную жизнь.

А Лоскутьев ни разу не пожалел об этой принесенной в жертву его похоти молодой жизни.

Да и одна ли Зина была подобной жертвой! Десятки, сотни, а может быть, и тысячи таких жертв было на совести Лос-

кутьева... Цель его жизни была нажива и сладострастие. Вечером дома, за стаканом чая, с медом с своей пасеки, он любил хвастать перед прихлебателями о своих любовных похождениях, ввертывая чисто «лоскутьевские» словечки. А его собеседники, слушая гадкое хвастовство богача, угодливо посмеивались, восторгаясь его необыкновенным умением любить десятерых одновременно. Ероша свои покрашенные волосы руками, напоминающими бесформенные щупальцы спрута, Лоскутьев, довольный произведенным на слушателей впечатлением, рассказывал новый гадкий анекдот, потом еще и еще.

Ежедневно, изо дня в день, он посвящал своих друзей в истории своих любовных походов, а те, как заученный урок, высказывали удивление перед его юношеским удалством.

Лоскутьеву нравились восторги прихлебателей перед его необыкновенной силой, и он млел от удовольствия.

И сейчас, в 70 лет, он был не чужд новых увлечений, и предметом его старческих вожделений были исключительно маленькие девочки.

В несчастный для себя год, когда общество раскусило его внутреннее «я», он, необдуманно поступком опозорив себя навсегда, увлекся показною религиозностью.

Всю жизнь проведя во творении зла ближним, он и на

закате жизни старался всеми способами унижить людей, заподозренных в недоброжелательстве к нему.

Лоскутьев не верил в Бога, но служил молебны у себя дома, чтобы успокоить пробуждающуюся иногда совесть.

Он страшно боялся смерти, и достаточно было кому-нибудь случайно упомянуть о смерти, как Лоскутьева начинала бить лихорадка, голова болела и тряслась, он усиленно грыз напатырь и ложился в постель.

Приглашался приходской священник служить молебны о выздоровлении болящего Клима.

Болящий Клим, сидя на постели, осенял себя крестным знаменем, шепча молитву:

— Ты, Господи, простил разбойника на Кресте, прости и меня, многогрешного.

Верил или нет в это время Клим в Бога, знает его темная душа.

Очень возможно, что близость смерти инстинктивно заставила его обращаться к Творцу Вселенной, заповеди которого он нарушал всю жизнь.

Но как только болезнь проходила, он принимался снова творить зло людям, не разбираясь в средствах.

Поездка его в столицу была исканием нового зла человеку, осмелившемуся публично сорвать с него маску.

Вместо того чтобы с христианским смирением принять

обрушившуюся невзгоду и новыми благодеяниями на пользу человечества обезоружить своего врага, Лоскутьев отбирает старые жертвоприношения и едет в столицу искать себе сообщников для победы над недругом.

И мысль о торжестве не оставляет его и в домике на пристани в Сокольниках.

В ожидании чая он думает о своем враге.

— Он — злой рок моей жизни. Я мечтал о тихой, спокойной старости, о постоянных чествованиях, а он, проклятый, работу целой жизни обратил в ничто. Благодаря ему общество отвернулось от меня.

Половину жизни он отнял у меня. А что он будет писать обо мне после моей смерти, каким надгробным словом он помянет меня в своем «Жале»? Кости перевернутся у меня в гробу, и там, в могиле, мне не будет покоя, как сейчас живому.

Дверь комнаты тихо скрипнула, и в комнату кто-то неслышно вошел.

Лоскутьев ничего не заметил.

Вошедший тихо прошел к столу и сел напротив Лоскутьева.

Клим Иванович поднял глаза и увидел гимназиста, ехидно улыбавшегося.

Не помня себя, с глазами, вышедшими из орбит, он соскочил со стула, опрокинул стол и начал быстро креститься, пятясь назад:

— Чур-чур. Сгинь, нечистая сила, со мною крестная сила!

Гимназист громко захохотал.

У Лоскутьева волосы поднялись на голове, он начал терять сознание.

* * *

Мы оставили Лоскутьева в Соколках в состоянии, близком к обмороку, в обществе гимназиста, которого он думал обмануть, сойдя с парохода на берег в ночное время.

Появление гимназиста в комнате подействовало на старика ошеломляюще.

Он никак не могобразить, был это сон или действительность.

А гимназист между тем громко хохотал.

Клим Иванович громадным усилием воли старался казаться спокойным.

— Что вам от меня угодно и над чем смеетесь? — наконец проговорил обескураженный старик.

— Разве смеяться запрещено? — задал вопрос гимназист.

— Не запрещено, но каким образом вы появились здесь? Следите за мною, что ли?

— Не думал. Впрочем, в бане захотел попариться, а теперь опасно, как бы кто-нибудь меня не запарил. Вот вы, например, волком на меня смотрите, — и гимназист снова залился раскатыстым молодым смехом.

Глаза Клима Ивановича загорелись недобрым огоньком.

Он с угрожающим видом поднялся. Гимназист, следивший за его движениями, моментально сделал прыжок к двери. Смех его пропал. Во взгляде старика он увидел недоброе.

Лоскутьев глазами смерил расстояние и, сообразив, что при малейшем его движении неизвестный враг будет за дверями и, пожалуй, поднимет крик, беспомощно опустил на стул. Силы его совершенно оставили.

Гимназист заметил перемену в своем противнике, тоже сел на стул, однако, из предосторожности, около двери.

— Ну и сердитый же вы, дедушка, так посмотрели на меня люто, словно убить задумали, а я испугался и наутек, — и снова молодой здоровый смех юноши раздался в комнате.

Лоскутьев молчал и от волнения крючковатыми пальцами ерошил крашенные волосы на своей голове.

— Когда увидел вас в комнате, очень обрадовался — все же знакомый человек по пароходу, веселее ночное время проведем, — продолжал гимназист. — В Казани остановиться думаете? — задал он вопрос старика.

— Убирайтесь от меня к черту, гад!

Гимназист опять захохотал.

— Очень нелюбезно с вашей стороны. И какой же я гад? Может быть, это ваше любимое словечко, ласкательное?

Лоскутьев стал нервно вздрагивать.

— Ночь же теплая, почему вы, дедушка, дрожите?

— Что вам нужно от меня, отстаньте от меня, ради Бога, — взмолился Лоскутьев.

— Очень строгий вы, дедушка. А знаете — мне ваше лицо очень знакомо. В одном сибирском городе я видел даже ваш портрет в фотографической витрине. Там вы одеты чиновником, в мундире и при шпаге. Но вы в простой засаленной визитке куда лучше выглядите, а мундир вам совсем не к лицу — очень уж мешковато сидит. Разглядывая ваш портрет, я вспомнил даже басню Крылова «Ворона в павлиньих перьях»...

Лоскутьев в бешенстве вскочил со стула и бросился на гимназиста с поднятыми руками.

Но его насмешник был уже за дверями, и задорный хохот звонко раздавался в ночной тишине.

Слезы бешенства градом брызнули из глаз Лоскутьева, и он, обессиленный и уничтоженный, опустился на стул.

Гимназист, видя, что он в своих шутках зашел далеко, спустился по лестнице вниз и пошел гулять по берегу Камы.

Лоскутьев с боязнью смотрел на дверь, ожидая, что его мучитель снова появится в комнате.

В голове старика стоял сумбур. Появления гимназиста он все еще не мог себе объяснить.

— Уж не дьявол ли преследует меня за грехи? — мелькала мысль в его голове. — Задумал избавиться от негодника, да и избавился на свою шею.

— Откупиться разве, а не то...» — и тут мелькнула в его голове ужасная мысль. Обладая громадной физической силой, Лоскутьев в своем гневе был страшен.

Попадись ему теперь гимназист в руки, от того остался бы только кусок мяса.

Сила не раз выручала Клима Ивановича от беды. Раз поздней ночью, идя в город со своей заимки, он подвергся нападению двух бродяг, задумавших поживиться его одеждою.

Скоро управился с ними Клим Иванович...

Любил он похвастать перед приятелями своей силой и часто показывал им ладонь правой руки, где мускул обрисовывался, как веревка, и был упругий, как сталь.

При громадной силе он был, однако, и большим трусом.

С тех пор как он выбился в люди, а народная молва стала связывать его имя с трагедией в К-й тюрьме, стоившей жизни арестанту, обвинявшемуся в фабрикации фальшивых билетов, он боялся покушений на свою драгоценную жизнь. Дома ложился почивать не иначе, как удостоверившись, что все окна закрыты ставнями на болты. Двери в своем кабинете он заперил с большою тщательнос-

тью и, ложась на диван, клал под подушку два револьвера. При своих разъездах, преимущественно в столицы, где у него были знакомые сильные люди, он никогда не расставался с револьвером.

Но по странному стечению обстоятельств у него револьвера в кармане не оказалось.

— Забыл в каюте, — с сожалением решил он.

— Что от меня нужно этому проклятому гимназисту? — немного успокоившись, стал размышлять Клим Иванович. — В глаза, проклятый, смеется. Разве... Пойду посмотрю, куда он скрылся». — И наш путешественник, поднявшись со стула, направился к двери.

Опасливо он прислушивался, но была тишина.

Осторожно отворил дверь и начал спускаться с лестницы.

Теплый ветерок подул на его разгоряченное лицо.

Ночь была лунная.

Он направился к пристаням, но гимназиста там не было.

— Куда он, проклятый, девался, как бы из-за угла дубинкой по голове не хватил. И зачем только я с парохода ушел? А все дурак Емаков настоял. Доберусь до Казани, встряску окаянному дам, если бы не он, ехал бы я теперь спокойно на пароходе в уютной каюте. Не нарочно ли он меня уговорил сойти с парохода? Никому теперь нельзя верить...

И, не зная, что предпринять, Клим Иванович задумчиво глядел на волны.

— А не избавить ли себя от мучений, вечных страхов и не покончить ли с собою в Каме? — мелькнула у него мысль.

А ласковый плеск волн Камы так заманчиво манил его к себе.

* * *

Хороша Кама в тихую лунную ночь с ее зеркальной, стального цвета поверхностью, покрывающейся рябью от дуновения ветерка.

Величественное спокойствие реки нарушали лишь всплеск рыбы да глубокие вздохи Клим Ивановича, одиноко стоявшего на берегу пристани Соколок.

Случайно мелькнувшая у него мысль о самоубийстве тотчас же исчезла и заменилась другою — о необходимости борьбы и во что бы то ни стало выйти из нее победителем.

Он уже стыдился своего малодушия. Он, Лоскутьев, выдающий себя за потомка древнего служилого рода, не может исчезнуть бесследно на дне Камы, он должен еще показать всем, что он именно *Лоскутьев*, а не кто другой, и сумеет совершить что-нибудь необыкновенное.

Клим Иванович давно уже мечтал доказать свое дворянское происхождение, несмотря на то, что воевода 17 столетия был его только однофамильцем, а сам он имел предками мужич-

ков из деревни Порки, из которой мальчуганом важивал в город сено.

— Какое-то ничтожество, желторотый юнец осмелился смеяться надо мною в глаза. Скорее бы пришел пароход. Заберусь в каюту и не выйду из нее до Казани, — думал Лоскутьев.

Он с беспокойством огляделся.

Где-то недалеко молодой, сильный тенор пел: «Как по Каме-реке».

— Это он, проклятый, заливается, — и, чтобы избежать встречи с гимназистом на пустынном берегу, Лоскутьев направился в гостиницу.

В комнате на столе стоял самовар, ласково напевавший монотонную песенку.

Клим Иванович стал заваривать чай.

— Как бы его черт не принес, хотя бы спокойно выпил стакан чая, — раздумывал Лоскутьев.

С берега доносился голос певца.

Но шипение самовара, ночная тишина все же влияли успокаивающе на Клима Ивановича.

Он стал думать, каким способом склонить своего таинственного преследователя на откровенность и дознаться, почему тот не оставляет его в покое.

— Одна надежда на силу денег. Молодец, вероятно, не устоит пред четвертной, — мечтал Лоскутьев. — Он скоро вер-

нется в гостиницу, попробую переговорить с ним спокойно.

Но гимназист не появлялся, не стало слышно и его голоса.

Лоскутьев задумался над своим положением. Невеселым оно ему представлялось. Если поездка в столицу окажется безрезультатной, то в родной город стыдно будет возвратиться. Насмешек и намеков не оберешься.

— Придется раскошелиться, сухая ложка рот дерет, а деньгами, может быть, и сломя своего неумолимого врага, — соображал Лоскутьев. — И каких только средств я не перепробовал, чтобы доставить неприятностей своему врагу. Писал доносы о политической неблагонадежности, нанимал «парижан» помять бока, молил об административной высылке, советовался с адвокатами, судьями, но не получил ни одного дельного совета и указания. Словно заколдованный, проклятый.

— Вместо того чтобы теперь мне на старости лет успокоиться, отдохнуть от дел, наслаждаться почестями и уважением сограждан, на мою долю выпали обиды, неуважение и позор. И позор я сам навлек на себя. Отобрал обратно пожертвования, когда нужно было жертвовать, покладая рук и этим загладить свое преступное прошлое и заставить общество забыть его. Одно утешение, что я не один в этом положении. Слышал я, что

в одном городке бывший городской голова тоже отобрал от города пожертвованное училище и, несмотря на свои миллионы, мучается теперь сделанною им несправедливостью.

Но ему, Климу Ивановичу, возврата к почестям уже нет, он не может сломить свой характер, принести повинную и снова ступить на дорогу добра.

— Кому достанется мое богатство? — задал сам себе вопрос Лоскутьев. — Безмясовым, Реховым, Емаковым, этим паразитам, присосавшимся ко мне. Безмясов сумел уже выудить от меня шесть тысяч и, вероятно, еще мечтает запустить лапу в мой карман.

Весь ужас моего положения в том, что я не смею и не могу прогнать их от себя. Они проникли в некоторые мои тайны и могут сделать мне больше вреда, чем главный мой враг. Буду с ними ласков, пускай думают, что я ценю и дорожу ими. Как доносчики и сплетники они для меня пока незаменимы.

Есть еще один человек у меня на примете, да боюсь пригреть его, как бы не оказался змеей и не предал бы меня врагу, к которому он похаживает.

Сильный свисток приближавшегося к пристани парохода нарушил думы Лоскутьева.

Он не стал пить чай, а пошел на пристань.

*Рождественский сон самодура**

Клим Иванович Лоскутьев после неудачной поездки в столицу чувствовал себя очень плохо.

Результат поездки оказался плачевным, хлопоты опустошили кошелек и нанесли смертельный удар его самолюбию.

По приезде в родной город он никуда не показывался, боясь насмешек сограждан.

Дома он нашел большие беспорядки. Его доверенный, близкий родственник, наделал таких распоряжений, что хоть живой в гроб ложись.

Караваны с товаром занесли в степи песком, невыделан-

ная кожа сгнила в складах, а партия овса осталась зимовать где-то на берегу.

И это бы еще ничего.

Неожиданный сюрприз ему преподнес дальний родственник, объявив несостоятельность на крупную сумму.

Поступил он с Климом Ивановичем не по-родственному.

Просил Клим родственника заплатить долг ему одному, а остальным кредиторам показать «кукиш», но родственник оказался упрямым и честным:

— Получите, добрый дядюшка, что следует, наравне с другими кредиторами.

* Печатается по: Ермак. 1912. №35. С. 1—7.

И ходить даже к старику не стал.

Словно Касьян взглянул недобрим оком в этом году на Клима Ивановича.

Все у него не спорилось, все не клеилось.

Не с кем слова сказать, не с кем посоветоваться.

Постарел он, сна лишился от обид.

Долгие осенние и зимние ночи казались ему вечностью.

Из угла в угол он ходил по своему кабинету, подкармливал голубей и думал о своей беспокойной старости.

— Бог карает меня за грехи мои. Хотя бы уснуть, забыться ненадолго.

Но если короткий сон и приходил, то не на радость. Тяжелые кошмары из прошлого мучили его.

Молебны с водосвятием чуть ли не каждую неделю служил он, чтимую икону поднимал, но облегчения не чувствовал.

Благодетельный здоровый сон не приходил.

Спрашивал он приятелей — не знают ли они средства против бессонницы.

Прихлебатель Безмясов, задолжавший Лоскутьеву свыше 10 т. руб., советовал холодные обливания на ночь.

Прислужник Емаков, подписчик «Нивы», рекомендовал пропустить электрический ток сильного вольтажа от головы на спину.

А торговый посредник Кровный советовал бани с молоденькими банщицами.

Банное лечение всегда было по душе Климу Ивановичу.

Баню и нашатырь он считал универсальными средствами от всех болезней.

И он решил последовать совету посредника Кровного.

Подруге своей жизни Варе он приказал нанять молоденьких горничных, которых и обучить массажу и иному банному искусству.

— У тебя, старая, руки шероховатые, не нежные, и твое растирание тела пользы мне не принесет.

Горничные были наняты и посвящены в тайны ухода за Лоскутьевым.

Вечером в рождественский сочельник Клим Иванович отправился в баню начать курс лечения по рецепту Кровного.

Веник был распарен, вода разлита по тазам, а две молоденькие девочки скромно стояли в уголку раздевальной комнаты.

Клим Иванович разделся и, кряхтя, полез на полук.

— Наддай пару и парь, — приказал он.

Одна из девочек стала «парить» старческие кости Лоскутьева.

— Ах, хорошо, ах, хорошо! — покрякивал Клим от удовольствия.

— Будет! — послышался окрик, и девочка, вся покры-

тая потом, скромно удалилась в другую комнату.

— Подай холодной воды.

Девочка взяла ведро с холодной водой и отправилась к Климу Ивановичу.

Когда она подошла, то старик ущипнул девочку за такое место тела, что та не выдержала и со словами:

— Ах ты, старый черт, — вылила ведро холодной воды на хозяйина.

Клим Иванович холодной воды боялся как черт ладану и заревел:

— Караул — убивают!

Перепуганные девочки бросились бежать, а за ними прыгал нагой Клим Иванович и кричал:

— Убью, проклятые!

Девочки в страхе забежали в людскую, собрали свои пожитки и собрались уходить от страшного хозяйина.

Клим Иванович пробежал в кабинет и со стоном опустился на диван.

Нервы его были взвинчены, голова тряслась, сердце словно хотело выскочить из груди.

— Это нарочно, это нарочно, — шептал он. — Девка подкуплена врагами. Что, убьют ее, что ли, если ущипнул?

Старуха, его жена, достала ему белье, заварила малины в чайнике и посоветовала уснуть.

Немного успокоившись, Клим оделся, налил себе в стакан настоя малины, наскоблил ползолотника нашатыря и выпил.

Парень, неожиданный холодный душ и малина вызвали у Клима сильную испарину и большую слабость.

Он едва дошел до дивана и лег.

Но что это такое с ним?

Ему сразу сделалось легко и свободно.

— Я встану.

И едва мелькнула у него эта мысль, он уже сидел на диване.

Но странное, непонятное явление: в кабинете оказалось два Клима Ивановича. Один сидел и мыслил, а другой лежал на диване, покрытый потом.

Клим Иванович заметил эту несуразность и не мог понять, в чем дело.

Ущипнул себя Клим за руку — рука как будто и на месте, но нет никакого ощущения.

Бросился к конторке, где хранились его капиталы. Хочет отворить ящик, но не может ошупать ключ.

Подошел к портфелю с векселями. Протягивает к нему руку, думает взять, но пальцы проходят сквозь портфель.

А что лежит там — он читает сквозь переплет: вот два векселя посредника Кровного на 600 руб., а дано только 300, вот векселя судей, податных ревизоров и чиновников, исправников и друзей.

— Да что, умер я, что ли? —

И он подошел к Климу Ивановичу, лежащему на диване.

Тот не дышал.

— И на самом деле я, должно быть, умер.

Чудеса! Не заметил даже, как преставился.

— А как мои родные денежки, неужели нельзя их взять с собою, на том свете хотя бы прославился пожертвованиями.

— Умереть совсем не страшно, где только я жить-то буду? Пойду разбудю свою старуху и расскажу ей о случившемся.

Едва только он подумал об этом, как очутился в противоположной половине дома, у постели своей жены.

— Проснись, Ивановна! — крикнул он ей.

Ивановна храпела во все носовые завертки и не слышала зова своего повелителя.

Сколько ни старался Клим Иванович разбудить свою старуху, но ничего сделать не мог:

— Черт тебя побери, старую, — выругался он.

Оглянулся и обомлел.

Перед ним стоял черт, на козлиных ногах, с хвостом, глаза горели как уголья.

— Старухе твоей еще время не пришло, а тебя, Климушко, сцапаю.

Растерялся Клим от неожиданности и едва мог пролепетать:

— За что же ты меня сцапашь? Я, кажется, всю жизнь был тебе верным слугой, сколько тебе душ в ад отправил.

— Вот в том и дело, что ни одна твоя жертва ко мне не попала. Страдания, причиняемые

тобой, очищали души твоих жертв, и они выходили из тела светлыми, очищенными, а ты посмотри на себя: как есть черная голловешка...

Взглянул Клим на себя и ахнул.

Он был чернее черта.

— Вот видишь, какой ты, — сказал черт, — чернее меня самого. Приготовляйся, дружище, в ад, я тебе найду там работу по заслугам. Даю тебе срока на три дня. Так уж положено. А как опустят в могилу твое поганое тело, я явлюсь за тобой.

Испугался Клим Иванович и стал подумывать, как бы черта обмануть.

— Памятник ему, что ли, на том свете поставить? — думал он.

Черт скрылся.

Клим, не видя черта, немало успокоился.

— Пойду в кабинет, — решил он и оказался в своей любимой комнате.

Голуби, уже много лет жившие в кабинете, чувствуя прибитие своего хозяина, с зеркала разлетелись по сторонам.

— Чего, глупые, испугались? Кто теперь будет вас пшеничкой кормить? Посмотрим, верна ли народная примета, что грешника Бог простил, если его пшеничку голуби клюют. Но не напрасно ли я пшеничку разбрасывал?..

Клим Иванович взглянул на диван и едва свое тело узнал.

Щеки ввалились, нос заострился, лицо голуби запачкали.

— Бедный я, бедный, — загорюнился он, — и для чего только на белом свете жил.

— Дьяволу служил, людей жертвованиями обманывал, зло творил, — услышал он ответ.

Оглянулся и поразился.

Группа знакомых лиц, все в светлых одеждах, с радостным выражением, и все низко ему кланяются.

— На том свете совсем неплохо жить, не будь проклятого черта, и здесь бы можно прекрасно устроиться. Мои земные враги почетную встречу устроили. Ишь, как кланяются!

Из группы выделилась фигура Ельченко, низко поклонилась Климу Ивановичу и произнесла:

— Поклон до земли тебе, Клим Иванович, за то, что освободил меня от земных грехов. Не запарь ты мое тело в бане, пришлось бы мне за грехи вечное иметь мучение. Но ты бремя греховное с меня взял, да простит тебя Бог.

Вторая фигура Ячменева тоже поклонилась Климу со словами:

— Прими от меня благодарность, что разорил меня. Страдания, которые я из-за тебя вынес, очистили меня. Прости, что своею смертью причинил тебе неприятность — хорошую попку у тебя из-за моей смерти вырвали, — но это возмездие судьбы. Да будет к тебе Бог милосерд!

Третья фигура Акшарова, поклонившись в ноги Климу

Ивановичу, сказала: «Ты уволил меня без вины от службы, заставил голодать и меня, и мою семью. Страдания, вынесенные из-за тебя, смыли мои грехи, и я прошу Бога о твоём прощении».

Длинною вереницею подходили фигуры одна за другой к Климу Ивановичу, все благодарили его за сделанное зло и молились о его прощении.

Каждое слово благодарности тяжелым камнем ложилось на Клима Ивановича, жгло его и причиняло невыносимые страдания.

Совість его начала просыпаться. Но он ничего еще не понимал.

Почему его благодарят те, которым он сделал зло? Может быть, так и должно быть?

— Следовательно, я жил так, как нужно было жить. Жаль, что мало делал зла людям. Больше бы здесь почестей получил.

Фигуры скрылись.

На место их появился светозарный дух со скорбным лицом и укоризненно качал головою. А перед ним с победоносным видом стоял черт, с объемистым портфелем злых дел Клима Ивановича.

— Он мой, у тебя не записано ни одного его доброго дела, а у меня, — он вынул из портфеля груду счетов злых дел Клима Ивановича, — вот сколько! Уходи отсюда, тебе здесь делать нечего.

Светозарный дух грустно поник головою и растаял.

— Вечный, верный мне слуга, — прошипел черт и любовно взглянул на Лоскутьева.

Клима Ивановича от этого взгляда как-то сжало, и он стал совсем маленький.

На дворе рассветало. При жизни Клима Иванович в это время чай кушал.

— Дрыхнут проклятые и о самоваре для хозяина не позаботятся, — подумал он о прислуге.

В это время старушка жена вносила кипящий самовар.

Поставила его на стол и подошла к дивану, где лежал Клима Иванович.

Подошла тихо, на пальцах, боясь разбудить и радуясь, что ее Климушка спит крепким сном.

Подошла, положила руку на голову и закричала:

— Помогите! Клима Иванович Богу душу отдал.

Из другой комнаты прибежала испуганная горничная.

— Что случилось?

— Да вот, Климушко-то мой, сердечный, умер. Зажигай скорей лампаду да беги за Безмясовым.

Горничная зажгла лампаду перед иконой, накинула платок и выбежала на двор.

Дворовый караульный спал.

Едва разбудила его горничная.

Лениво потягиваясь, караульный поднялся и нехотя отворил ворота.

— Сам-то скончался, — крикнула ему на лету горничная и побежала к Безмясову.

Дом Безмясова находился в одном квартале с дворцом Лоскутьева.

Долго стучалась девица, пока ей отворили.

Заспанный Безмясов вышел к горничной.

— Сам скончался, хозяйка за вами послала.

Безмясов беспорядочно засуетился, начал одеваться, но вместо брюк ему в руки попал пиджак, и он старательно надевал на ногу рукав пиджака.

Горничная Лоскутьева указала ему на ошибку.

Наскоро одевшись, Безмясов бегом побежал к Лоскутьеву.

В доме шла бестолковая суетня.

Дворовый, пропустив горничную в ворота, бросился наверх и, убедившись в несчастье, побежал будить прислугу.

Когда Безмясов входил в кабинет к Климу Ивановичу, комната была уже полна народу. Впереди стоял конторщик Рехов и утешал хозяйку:

— Не плачьте, не горюйте, все там будем. Дай Бог царство небесное нашему благодетелю.

— Славный паренек, — подумал Клима Иванович, сидя на зеркале вместе с голубями.

— Надо тело обмыть, — повелительным тоном сказал Безмясов, — а то застынет.

Откуда-то явились бабы с ведрами горячей воды и мочалом.

Поставили среди кабинета стул, раздели и посадили на нем усопшего.

По комнате пошел удушливый запах.

Некоторые заткнули носы.

— Только что умер, а уже смердит, — проговорил Рехов.

У Клима Ивановича, наблюдавшего на зеркале за происходившим, тоже защекотало в носу.

— Слабительного забыл принять, желудок засорил, а потому и попахивает, — думал он.

Обмыли наскоро тело Клима Ивановича, расчесали крашенные волосы и понесли его в другую комнату, где и положили на стол перед иконами.

Безмясов и Рехов остались вдвоем в кабинете.

Долго стояли приятели, смотрели друг другу в глаза и засмеялись:

— Наконец-то сдох наш самодур.

Клим Иванович слышал этот возглас и подумал:

— Вот лицемеры-то! А при жизни как льстили...

Безмясов и Рехов, точно сговорившись, бросились к конторке, отворили ящик и стали торопливо выбирать оттуда золото и кредитные билеты и клали «выручку» в карман. Ящик был опустошен. Безмясов бросился к портфелю с век-

селями — отыскал все свои векселя и тоже положил их к себе в карман.

— Ах, проклятые грабители, — говорил Клим Иванович, наблюдая раздел его богатств.

Вошла в кабинет заплаканная хозяйка.

Безмясов и Рехов сделали плачевные физиономии, начали говорить что-то о похоронах.

— Надо к священникам сходить, подсвечники принести. Будь добрый, Андрей Андреевич, похлопочи.

— Сию минуту, — но не шел, пережидая, когда уйдет из кабинета Рехов. Тот не двинулся.

Безмясов не выдержал и сказал:

— Вы заприте конторку и кабинет: как бы кто не поубавил богатств Клима Ивановича.

Рехов с ненавистью взглянул на Безмясова.

— Здесь все люди свои, никто не притронется. Но все же запрю, — ответила хозяйка.

В 8 часов утра у тела Клима Ивановича служили литию.

Усопшего почтили своим присутствием городской староста Ольский, посредник Кровный, тоскливо смотревший на посинелое лицо покойника и думавший о своих векселях, главный наследник Расов и домочадцы.

Во время литии присутствующие перешептывались.

— Оставил или нет Клим Иванович завещание?

Расов обратился к хозяйке:

— Тетушка! Не знаешь: есть или нет завещание? Народ болтает, что все состояние Клим Иванович оставил на устройство общественных писсуаров в г. Оленеводске, а родному городу ничего не завещал.

— Ничего не знаю, о завещании покойник никогда не говорил со мною. Может быть, «та» знает.

— Надо на всякий случай принять меры к охране имущества: если завещания нет, то все будет принадлежать мне, — сказал Расов и торопливо поехал в полицию просить об охране наследства.

Дух Клим Ивановича, невидимый присутствующими, слышал эти разговоры и вспомнил, что на самом деле он завещания не сделал, считая это в жизни плохую приметю.

— А теперь наследник все пропьет, — с грустью думал он. — А что теперь подельывает редактор «Жала», знает ли он о моей смерти? — и, странное дело, никакого озлобления он при этом имени не почувствовал.

С быстротою молнии он очутился в кабинете своего заклятого земного врага.

Редактор сидел за письменным столом и что-то строчил.

Клим Иванович стал за его стулом и через плечо смотрел на писание.

Редактор писал: «Темноводск лишился своего гражданина. Не стало человека, десяти лет игравшего некоторую

роль в общественной жизни города и много нашумевшего своими псевдодобрыми делами. Надеждам, возлагавшимся на его завещание некоторыми нашими обывателями, едва ли суждено сбыться. Усопший принадлежал к тем суеверным людям, которые завещаний из боязни смерти не делают. Он думал только о собственном благе, но отнюдь не о благе других. Есть слухи, что покойный, осердившись на наш город, обещал завещать свои капиталы на устройство общественных писсуаров. Это самое лучшее и достойное почившего распоряжение. Наш город проживет и без лоскутьевских денег, имевших сомнительный источник».

Клим Иванович, читая эти строки, почувствовал снова ненависть к врагу и, развернувшись, изо всей силы хлопнул редактора по затылку.

— Откуда-то дует сквозняк, надо удалить, а то схватишь насморк, — проговорил редактор и встал, чтобы исследовать причину сквозняка.

Клим Иванович начал ругаться:

— Гад смердячий, и мертвого в покое не оставляет. Посмотрел бы я на тебя, какой бы ты некролог настрочил, если бы по завещанию все капиталы тебе отписал?

— Черт меня возьми! — ругнулся Клим Иванович.

Рогатый немедленно предстал пред ним.

— Рано еще тебя брать, двое суток даю тебе свободы по земле погулять, не бойся, об тебе не забуду.

Клим Иванович испугался.

— Я тебя не звал, я так, поземному выругался.

— Знаю, Климушко, знаю. Погуляй еще, погуляй, вспоминай свои дела.

Рогатый стал невидим.

Клим Иванович пожелал увидеть мячанскую управу, в которой был столько лет главным начальником.

Там его заместитель Ольский говорил с письмоводителем о его смерти.

— Завещания, кажется, никакого нет. Все капиталы пропадут, напрасно только мы пред ним кланялись и почести воздавали. Обманул старый мошенник город.

При этих словах Клим Иванович рассвирепел и со всего размаху «трах!» своего заместителя по щеке.

— Странно, откуда-то холодный ветер дунул в щеку, — проговорил Ольский.

Клим Иванович даже заплакал от огорчения и поспешил удалиться от своего обидчика.

— И в жизни обидел тем, что на мою почетную должность баллотироваться согласился, и по смерти старым мошенником обозвал.

Климу Ивановичу пришлось в голову посмотреть городское благоустройство.

Он понесся по улицам Темноводска.

Как было в его управление, так и осталось. Новая метла, видимо, плохо действовала. На городских лавках свалилась половина крыши, остатки ее повисли в воздухе, заставляя обходить обывателей опасное городское имущество на несколько сажен.

На главной торговой площади безлюдье. Лавки заколочены. Вместо торговцев и покупателей бегают голодные собаки.

— Это результат проведения шоссейной дороги, — подумал Клим. — Хлебная торговля, чем держался Темноводск, в другие города ушла.

— Ха, ха! — раскатился Клим. — Вот моим гражданам и памятка хорошая обо мне.

На пути в свой дом Клим заглянул в тайник, где он секретный архив хранил.

Мрачное подземелье с выходами... Там разложены какие-то камни, станки, формы, печка для плавки металла... С грустью взглянул Клим и пожалел: «Сколько на это все было затрачено смекалки, трудов, а достойного себе преемника не нашел».

Завернул Клим и к Пылову, которого обобрал при жизни до нитки.

Пылов сидел в своем кабинете и рассматривал фотографию Лоскутьева с его собственноручною надписью: «Вечному,

верному другу, с которым я отдышал душою».

Пылов что-то бормотал и качал головою.

Клим уловил слова Пылова.

— Сдох, проклятый обманщик, чтобы тебе в самое пекло угодить. Разорил меня. Кровь мою выпил, вампир, в аду, небось, на тебе теперь черт ездит.

Клим поморщился.

— Мертвые добрее, те за зло меня благодарили, а этот ругается.

Дома Клим увидел много народа, и все они втихомолку его поругивали.

Пахло ладаном. Запах этот ему не понравился.

— Препротивный запах, — сморщил нос Клим Иванович.

Певчие пели: «Надгробное рыдание, творяще песнь».

Ивановна в уголку утирала платочком слезы.

Варя вздохала.

— Не очень-то убиваются о моей кончине. Вот как бы денежки с собой забрать.

Из-под стола, где лежал покойник, показался черт и высунул Климу Ивановичу язык.

— Ишь, окаянный, меня караулит. Надо подумать о спасении, — и он юркнул в кабинет.

В углу, за иконой, пищала муха.

Клим заглянул туда. На большой паутине расположился паук, а в тенетах билась муха.

— Вот и спасение, — крикнул Клим. — Черт иконы боит-

ся, а я спрячусь в паука, он меня там не найдет.

И, весь съезжившись, Клим Иванович забился в брюхо паука и... потерял сознание.

На церкви, где Лоскутьев служил старостою, прозвучал колокол. Звонили к рождественской заутрене.

Колокольный звон разбудил Клима Ивановича.

Он проснулся и сел на диван.

Мутными глазами он обвел комнату.

Перед иконой горела лампада, кругом тишина.

Он недоверчиво ущипнул себя за нос. Носу стало больно.

Соскочил и заглянул под икону.

Громадный паук сидел на тенетах, а около него высосанная муха.

Клим Иванович никак не мог сообразить — мертвый он или живой.

Еще раз ущипнул себя за нос. Стало больнее.

На зеркале заворковал голубок.

Бросился к ящику, повернул ключ. Денежки на месте. Портфель с векселями цел.

Потрусил в комнату жены. Та давно уже встала и одевалась в церковь.

— Ивановна, я живой? — задал вопрос Клим Иванович своей старой подруге.

— С чего тебе, сердечному, умирать, поживешь еще. И хо-

рошо же ты спал. Пять раз я приходила в твою комнату, и ты так храпел, так храпел, мне даже страшно стало. И кого-то все ругал?..

— Слава Богу, так это был только сон, — и слезы радости и раскаяния брызнули градом из глаз Клима Ивановича.

— Страшный сон разве тебе привиделся, Климушко? — любопытствовала Ивановна.

— Лучше и не спрашивай, — проговорил Лоскутьев и отправился в кабинет. — Надо жизнь переменить. Я зло делал, а они, вишь, за меня Бога молили.

Не простой это был сон, а вещей. Бог милосерд и простит

меня, грешного. Сегодня же за нотариусом пошлю и завещание сделаю.

Половину состояния — горю на просветительные цели, а остальные деньги завещаю наследникам тех, кому я зло делал. Даже редактору «Жала» сто тысяч отпишу...

За зло воздам добром!

И от принятого решения ему стало так легко на душе, так отраднo, так светло, что он не узнал самого себя.

И, движимый радостным чувством, он стал перед иконою и запел старческим голосом:

— Христос рождается, славите...

*Новый курс самодура**

Сон на Рождество очень повлиял на психику нашего Клима Ивановича.

Он у него не выходил из головы.

— Неужели на том свете все обиженные, униженные и оскорбленные прощают своим врагам зло, которое им было причинено на земле?

Я должен теперь тоже простить моим врагам, а иначе мне не будет спасения.

Не простой то был сон, а вещей!

Исправлюсь, постараюсь загладить зло, причиненное людям.

Богатство ведь я нашл на чужом несчастье.

Люди голодали, недоедали, а я с них последнюю копейку сдирал, миллионы копил. А на что мне деньги? Не сегодня завтра умру, и всежитое для меня не будет иметь цены. Три аршина земли, вот что нужно мне, а я... грабил народ, брал двойные векселя, а жертвования, в сущности, были сплошным обманом.

В голодный год торговал хлебом. Купил пшеницу по 5 коп., а продавал по 2 руб. 50 коп. Несколько сот тысяч осталось. За уменье обирать меня недалекие граждане возвеличили, монумент на площади поставили, степенным граждани-

* Печатается по: Ермак. 1913. №1. С. 7—9.

ном назвали, в золотую книгу записали, а мне еще этого мало стало, захотел город Темноводск назвать своей фамилией, но... сорвалось.

Эти мысли проходили в голове Клима Ивановича утром в первый день Рождества.

На столе распевал веселую песенку самовар.

Ивановна, видя своего повелителя в радостном настроении, сама повеселела.

— Никогда и не видела моего Климушку таким веселым. Что это такое с ним сделалось? — думала она.

— Готов, старая, чай? Давай вместе попьем, по-праздничному.

С любовью он смотрел на свою старую безответную подругу.

У Ивановны от непривычной ласки своего Климушки навернулись на глазах слезы.

— Ты сегодня какой-то особенно добрый, Климушко, — проговорила она.

— Да, мне хорошо сегодня, старая. Сон я видел, вещий сон, и решил изменить свою жизнь.

— Расскажи, какой сон, Климушка.

Лоскутьев подробно рассказал своей подруге известный нашим читателям сон.

Старушка охала и крестилась.

Клим кончил свой рассказ и задумался.

— Что же ты думаешь, Климушка, теперь делать?

— Жизнь переменю, не буду людей обманывать, буду бедным помогать, да так, чтобы они не знали, кто им добро делает. Городу на просветительные цели оставлю весь свой капитал. Жить мне осталось немного. Одной ногой уже стою в могиле. Надо успеть хотя немного загладить все то зло, какое я сделал людям.

— Доброе дело, Климушка, задумал. Дай Бог тебе осуществить свое намерение поскорее.

Обрадованная старушка пошла в свою комнату, где ее поджидали монашки-приживалки, явившиеся поздравить с праздником.

По простоте душевной старушка рассказала им о сне Клима Ивановича, а монашки внимательно слушали, вздыхали и качали головой.

— И неужели он в паука от нечистого спрятался? — переспросила монашка Анфeya хозяйку.

— В паука, родимая, что за иконой тенета распустил, — подтвердила хозяйка.

— И как он только в нем поместился? — задала вопрос другая монашка.

Монашенкам, узнавшим о замечательном сне Клима Ивановича, не сиделось, они стремились поскорее уйти, чтобы разнести по городу сенсационную новость.

— Прощайте, благодетельница, нам пора Христа славить.

В полдень весь Темноводск уже обсуждал замечательный сон Клима Ивановича на все лады.

Говорили о Безмясове и Рехове, что они в ежовых рукавицах держат старика.

— Вережки вяют из старого, — говорили с завистью многие из именитых обывателей Темноводска.

— Если умрет скоропостижно Клим, то эти господа и в действительности все конторки у него обчистят.

— А посредник Кровный, когда услышал о сне своего благодетеля, очень возрадовался. Теперь мой долг простит, да и на разживу, может быть, тысконок пять мне отвалит. Пойду поздравить старика с праздником.

В полдень Клим Иванович приказал отворить ворота и пускать к нему всех «славельщиков».

Первыми посетил богатого старика духовенство, знавшее уже о сне Клима Ивановича.

Священник церкви, где Лоскутьев служил старостою, пропев тропарь, поздравил Клима Ивановича с праздником.

Лоскутьев, держа в руке двадцатипятирублевку, благодарил за поздравление.

— Слышал я, Клим Иванович, — говорил священник, — что сегодня ночью вы видели замечательный сон.

Лоскутьев вздрогнул. Ероша на голове волосы, он задал воп-

рос батюшке, от кого он знает о сне.

— Да весь город говорит теперь о вашем сне...

— Кто же мог рассказать о моем сне? — думал он.

Священник вопросительно смотрел на старосту.

— Видел я действительно странный сон, да мало ли что приснится другой раз, — уклончиво ответил он на вопрос своего духовника.

Безмясов и Рехов раздевались в прихожей.

При виде своих прихлебателей в памяти Клима Ивановича воскресла сцена раздела его богатств. Он недружелюбно взглянул на визитеров.

— С великим праздником Рождества Христова имеем честь поздравить вас, желаем сто лет здравствовать, не хворать и нас не забывать.

— Проходите, садитесь, гостями будете, — пригласил их Клим Иванович.

— Сон, говорят люди, вы хороший видели, уважаемый Клим Иванович, — начал Безмясов.

— Замечательный, бают, сон, — поддержал и Рехов.

Лоскутьев вскипел. Глаза стали наливаться кровью.

— Какой сон, кто вам наврал! — крикнул Клим.

— Люди говорят...

— Да, видел, как вы меня обкрадывали.

Рехов и Безмясов как ужаленные вскочили.

— Что вы, что вы, Клим Иванович? За верную службу, для праздника, нас жестоко обижаете.

Безмясов даже отер рукавом выкатившуюся слезу.

— Не нравится, а на самом деле я видел во сне, как вы оба у меня в конторке шарились, — смягчился Лоскутьев.

— И с чего это такой обидный для нас сон вам приснился? — вставил Рехов.

Вошел посредник Кровный.

— С наступающим Новым годом, благодетель, — низко кланяясь, проговорил Кровный.

— Спасибо, садись.

Кровный нервно теребил свою перчатку.

— Сейчас я от Пылова, он рассказывал, что вы сегодня видение удостоились видеть.

Лоскутьев не выдержал:

— Да что вы, проклятые, точно сговорились, все меня о сне спрашиваете!

Кровный обидчиво поднялся.

— Я не хотел обидеть вас, Клим Иванович, а думал oznакомить вас о том, что говорят о вас враги.

— У меня теперь врагов нет, а все мы люди — братья, — мечтательно проговорил Клим Иванович.

Его прихлебатели поднялись с мест и недоумевающе поглядывали друг на друга.

— Что такое с Лоскутьевым, что-то заговариваться стал, не спятил ли уж на грех?

И они подозрительно поглядели в лицо Клима Ивановича.

Клим Иванович улыбался и иронически посматривал на своих сплетников, всегда возбуждавших его против людей.

— Да, врагов у меня нет, и вы не смейте мне говорить нехорошее про людей. Если меня ругают, пускай ругают, я знать об этом не хочу.

Прихлебатели опасливо переглянулись.

— И впрямь он спятил, — пришло им на ум.

Все поднялись.

— Прощайте, уважаемый Клим Иванович.

— Прощайте, не забывайте старика.

Праздничное веселое настроение не оставляло Лоскутьева.

По уходе поздравителей он прошел в кабинет, достал конверты и стал писать адреса.

Эта работа заняла у него часа два.

Кончив работу, он взял из конторки большую пачку пятирублевок и разложил по конвертам по одной кредитке.

На третий день Рождества около 300 беднейших жителей Темноводска получили по почте конверты с пятирублевками от неизвестного благодетеля.

Когда были сданы на почту пакеты с деньгами, Клим Иванович набожно перекрестился и проговорил:

— Слава Богу, начало сделано.

Хорошее расположение духа Лоскутьева портили лишь расспросы посетителей о его необыкновенном сне.

Один посетитель был так настойчив, расспрашивая о подробностях, что нервы Лоскутьева не выдержали и стали опять пошаливать.

Накануне Нового года в церкви во время обедни Клима Иванович почувствовал головокружение и не помнил, как его в обморочном состоянии привезли домой.

В тот же день он послал за нотариусом для составления духовного завещания.

Все свое движимое и недвижимое имущество он завещал городу и наследникам обиженных им лиц.

Когда он скрепил последнюю волю собственноручно

подписью, то почувствовал такой душевный подъем, что задумал еще при жизни исполнить некоторые пункты завещания.

Свой заколоченный дом, где помещался приют выгнанных им детей, он решил немедленно пожертвовать казне для технического училища.

— После праздников оформлю это новое доброе дело, — думал он.

Добрые дела, которыми он решил скрасить свою недолгую жизнь на земле, доставили ему душевный покой и счастье.

Но где-то в тайнике души еще шевелился незаглохший червячок честолюбия:

— Гением добра буду для родного города!

Но сделался ли им Клима Иванович в действительности, читатель узнает в недалеком будущем.

Кто был Кучум?*

Татарские легенды, занесенные в летописи Сибири, говорят, что «Едигер, по смерти своей, оставил жену беременную, а знатные из татар, будучи о владении земли в несогласии и не хотя ожидать родин княгини-вдовы, послали к бухарскому хану Муртазе просить его, чтобы он одного из своих сыновей прислал к ним на княжение. По сему прошению Муртаза отпустил среднего сына Кучума со многими людьми в Сибирь, который при своем приезде принял спокойное владение, а княгиня Едигерова ушла в Бухарию и родила там Сейдяка». Миллер в своем знаменитом труде «Описание Сибирского царства», приводя эту легенду, установил только тот факт, что хан именем Кучум, Муртазаев сын, пришел на Иртыш из казачьей орды, взяв город Сибирь, Едигера и Бек-Булата убил и всю землю покорил своей власти (Оп. Сиб. цар. § 72).

Приведенные легенды, подкрепленные авторитетом знаменитого академика, были достаточными, чтобы считать Кучума киргиз-кайсаком, сверг-

нувшим династию сибирских владетельных князей.

Признавая на время вероподобность киргиз-кайсацкого происхождения Кучума, остановимся на решении вопроса: вызвала ли Кучума в Сибирь из Бухарии жажда завоеваний, врожденная всем потомкам Чингисхайдов, или он был вызван на княжение сибирскими владетелями вследствие междоусобий, или, быть может, ему принадлежит честь восстановления (а не свержения) старейших царских сибирских родов и возвращения отнятых у его предков прав на царское достоинство?

Обратимся к преданиям, занесенным в летописи Строгановскую и Есиповскую, и возобновим в памяти легендарную историю сибирских владетельных князей до покорения этой страны Ермаком. Родоначальником сибирской династии считается Он, или Ивани, владеющий юртами по реке Ишиму. Один «из простых татар» убивает Ивани, подчиняет своей власти его владения, а затем, узнав, что старший сын убитого князя Тайбуга жив, прибли-

* Практически ежегодно «Лукич» в одном из номеров, предшествующих ноябрю (в это время проходят «Словцовские чтения»), публикует один из недоступных широкому читателю текстов, принадлежащих перу Ивана Яковлевича Словцова. Не изменяем традиции и в этот раз.

Печатается по: Восточное обозрение. 1892. №39-40. С. 12-14.

жает его к себе, осыпает ласками и дает ему княжение на Туре, где Тайбуга и основывает город Чингидин (Тюмень).

Засим по летописям идет перечисление потомков Тайбуги до Сейдяка: Тайбуга был отцом Хаджи, Хаджа — Мара, Мар — отцом Адера и Абалака, Адер — Мамеда, Мамед — отцом Казыя, Казый — Едигера и Бек-Булата, и от Бек-Булата произошел Сейдяк.

Обратим пока внимание на два обстоятельства: Ивани убит своим подданным «из простых татар», и этот подданный, осыпав ласками сына убитого отца Тайбугу, дает ему княжение вдали от своего юрта. Заметим, говорю, эти обстоятельства и сличим летописную родословную татар с более достоверным источником — грамотой государя Феодора Ивановича к Кучуму — царю сибирскому 1579 года. В ней значится следующее:

«Из давних лет Сибирское Государство была вотчина прародителей наших, блаженные памяти, Великих Государей Руских Царей, как еще на Сибирском Государстве был дед твой Ибак Царь (Упака) и з Сибирские земли всякую дань давали нашим прародителем Государем Царем; а после деда твоего Ибака Царя, были на Сибирском Гдр... Князи Тайбугина роду Магмет К... после его Казый князь, а после Казыя Едигер князь, и те все князи деду нашему, блаженные памя-

ти, Великому Государю Царю, Великому князю Василью Ивановичю всеа Руси, и отцу нашему, блаженные памяти, Великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси с Сибирские земли дань давали».

Отсюда мы узнаем, что Мамет, Казый и Едигер действительно существовали и правили Сибирью один за другим, но кто такой был Ипак-царь и откуда произошел род Кучума, остаются вопросами открытыми. Миллер (Сиб. истор. § 67) писал: имени Ипака я не нашел в казанских летописях, которые у меня имеются. Разве он был не от владеющей фамилии казанских ханов, но только владелец особого удельного поколения, каких в степи между Волгою и Яиком много находилось. Абдул-Газы (Hist. Mong. et Tatar) приводит родословную Чингисхайдов в следующем порядке: Чингисхан, у него сын Джучий (тоже Чуча, Чжоцин), у него сын Шейбани, у него Бегадур, у него Джучи-Бука, у него Бадакул, у него Мунга-Тимур, у него Бик-Конды-Оглан, у него Али-Оглан, у него Хаджи-Мугамед, у него Мухмаден, у него Ибак-хан.

Родословная эта показывает, что дед Кучума Ибак-хан происходит от Шейбанидов. По другим источникам известно, что Ибак прославился значительную ролью, которую он в 1481 г. играл при убиении Ахмет-хана Золотой Орды; он дей-

ствовал тогда заодно с ногайцами. Впоследствии Ибак состоял в довольно частых сношениях с Иваном III. Наши летописи, описывая происшествие убийства Ахмет-хана, называют его и Ибаком, и Упаком, и Иваком (Соф. I лет. II Новгород. 4 лет. II). Лерберг (Исследования, служащие к объяснению древней русской истории) склоняется к тому мнению, что Упак есть измененное имя Ипака, что Упак и Ипак одно и то же лицо.

Найдя родственную преемственность, мы можем с большим вероятием допустить, что Кучум подчинил своей власти Сибирь не из одной жадности к завоеваниям, тут были причины родового мщения. Но откуда взялся Ипак, царь тюменский, как назвал его Феодор Иванович?

Миллер говорит (Сиб. ист. § 46): Упак без известной причины на шурина своего Мара (внука Тайбуги) войною напал и нашел способ его умертвить. Подчеркиваем слово «без известной причины» и продолжаем выписку из Миллеровой истории: «Махмет, сын Обдеров (внук Мара) при взятии (Упаком) Чинги-Тура в малолетстве убережен был чрез некоторых знатных татар от Упакова гонения, и когда пришел в совершенный возраст, то снискал способы к потрясению Казанского ига... так что хан Упак, пребывающий в Чинги-Туре со

всеми обретавшимися татарами, живот потерял». После покорения Чинги-Туры Махмет княжескую столицу перенес на Иртыш и построил здесь городок Искер.

Заметим, между прочим, что основание Искера, так же, как и Чинги-Туры, является как бы результатом кровавой расправы сибирских владетелей. Последующие владетели вырезают предыдущих и удаляются к северу. Чингий убивает Ивани и переводит столицу в Чингидин, Махмет убивает Ипака и удаляется в Искер. При этом наследственная перемена династий идет чрез поколение. Ипак убивает Мара, внук Мара Махмет убивает Ипака, внук Ипака Кучум убивает внука Мара Едигера и, наконец, Сейдяк выгоняет Кучума.

Если проследить ход этой наследственной распри с последнего ее фазиса, то окажется, что каждая кровавая расправа происходила из желания восстановить свои законные права на Сибирское ханство. Так, Сейдяк отвоевывает Искер от Кучума, мстя ему за смерть своего отца, Кучум убивает Едигера и Бек-Булата, мстя за смерть деда своего, царя Ипака, Махмет убивает Ипака, отвоевывая дедовские права на сибирское княжение, но Ипак убивает Мара без «известной причины». Не кроется ли здесь причина в той же родовой мести, в том же восстановлении своих законных

прав на Сибирское ханство, какую мы видели в войнах Сейдяка, Кучума и Мухамета? Не мстил ли Ипак, убивая Мара, за кровь какого-нибудь из своих предков из рода Чингисхаидов? Но тогда является другой вопрос: кто из потомков Чингисхаида царствовал в сибирских городках или одновременно с родом Тайбуги, или прежде воцарения этого рода? Род Тайбуги начинается после смерти Она, или Ивани. Мы заметили, что Ивани убит простым татаринном Чингием. Чингий захватывает Ишимский юрт, а вместе с ним и ханскую власть; потом по какому-то странному стечению обстоятельств возвышает и делает помощником себе сына убитого Ивани Тайбугу. Действительно ли Тайбуга был отцом Ивани? Многие ориенталисты, и в особенности известный академик Зернов, считают Тайбугу сыном Чингия. При этом допущении легко объясняется возведение Тайбуги на сибирское княжение, легко объясняется цель, с которою Чингий убил Ивани, и причина, почему Тайбуга назвал основанный им город Чингидином. Трудно допустить, чтобы Тайбуга новый город наименовал в честь убийцы своего отца, в особенности трудно согласить такой взгляд с понятиями азиатов, у которых родовая месть освящена обычным правом. Теперь является вопрос: кто же был Ивани, или Он?

Вельяминов-Зернов предполагает, что имя Ивани легко могло образоваться из имени Шейбани и что легендарный Он есть не что иное, как Шейбани, потомок Чингисхана.

Если так, трагическая смерть Мара будет так же, как и последующие подобные события, результатом борьбы двух княжеских династий. При этом династия, от которой происходил Ипак, дала ему право именовать себя царским титулом, на что указывает и вышеприведенная грамота Феодора Иоанновича. Ипак в грамоте именуется царем, прочих же сибирских владетелей, имеющих свою родословную, Феодор Иоаннович называл только князи.

Искажение имени Шейбани едва ли может считаться невозможным, в монгольских и татарских именах это не редкость; так, сын Чингисхана Джучий по различным источникам именуется Чучи и Чжацын; другой сын Оготай называется Угодай и Угетей, третий, Тули, переименован в Таулая. Едигер есть то же лицо, что и Ядигар и пр., что же мудреного в искажении Шейбани в Ивани, в особенности, если достоверно известно, что Шейбани назывался также Шибаном и Шыбоном.

Допустив, что коренной род сибирских владетельных князей происходит из Чингисхана, понятными становятся и причины тех неурядиц и междуусо-

бий между Шейбанидами и Чингидами, которые настолько ослабили могущество Сибирского царства, что его всецело могла забрать в свои руки горсть предприимчивых и отважных русских казаков.

Каждый пострадавший в междоусобных распрях владетельный дом удалялся на юг, в Бухару или Киргизскую степь, набирал там шайки кочевников и, подобно буре, врывается в Сибирь отвоевывать свои поработанные права. Бухарские волонтеры в случаях удачи заводили здесь торговлю и оседлость, чем и объясняется встречаемая между местным татарским населением около Тюмени примесь бухарских типов.

Соединив все приведенные данные, мы получим хронологический перечень сибирских владетелей в следующем виде: Шейбани владел Ишимским юртом, за смертью династия его на время прерывается. Род Чингия, утвердив свою власть и боясь родового мщения, отходит на север, в город Чингидин. Сын Чингия Тайбуга и внук Мар царствуют около 100 лет. Вскоре воинственный потомок ишимских Шейбанидов Ипак мстит за своих предков, убивает Мара и утверждает свое владычество в Чингидине. Через пятьдесят лет внук Мара Мамет, воспользовавшись удобным случаем, платит Ипаку кровью за кровь, но, боясь родового мщения от

прежней династии, не остается в старой столице, а переводит ее на Иртыш и строит здесь новый город Искер.

Есть много данных к предположению, что основание Искера относится приблизительно к 1495 году. После Махмета княжил сын его Казый, а после Казыя сын последнего Едигер. При Едигере немного позднее 1563 года является в сибирские юрты последний Шейбанид, могущественный Кучум, внук Ипака, вырезает потомков Чингия и подчиняет своей власти весь север Сибири до берегов Ледовитого океана. Чрез двадцать лет горсть отважной казацкой дружины, воодушевленная жаждой славы, смелыми движениями отняла у Кучума почти половину его владений. Счастливый случай доставил, однако, Кучуму возможность разбить Ермаковы дружины (5 августа 1584) и передать сибирский юрт сыну своему Алею. В том же году племянник Едигера Сейдяк вторгается в Сибирь с шайками бухарцев и выгоняет Алея. Снова водворяется династия Чингидов. Наконец, в 1588 г. московский воевода Данило Чуянов захватывает Сейдяка в плен и отвозит в Москву.

Заканчивая заметку нашу, предоставляем самому читателю решить вопрос: кто был Кучум? Можно ли считать его киргиз-кайсаком?

Сергей Николаевич Кубочкин родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Печатался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях. В 2002 году вышла книга «Тычкова, Сараи, Потаскуй...»

Постоянный автор журнала «Лукич». Один из авторов «Фальшивого Лукича» (2003).

«Полезнейшее для города учреждение» Из истории Тюменской женской гимназии*

С приходом М.Р. Клериковой в Тюменской женской прогимназии закончился период бесконечных смен начальниц. Эта 30-летняя дворянка католического вероисповедания со свидетельством домашней учительницы великолепно знала французский и немецкий языки, могла преподавать и преподавала математику и русский язык.

Шло время, к середине 1890-х гг. население города достигло 30 тысяч, выросло и число желающих отдать своих детей в прогимназию. Старое здание 4-классной прогимназии стало мало.

В 1898 г. «Сибирская торговая газета» писала: «В настоящее время, с расширением круга женского образования, невольно возникает вопрос о необходимости преобразования Тюменской женской прогимна-

зии в полную гимназию. Вопрос этот следует признать важным,

если мы вспомним, какое высочайшее значение имеет для семьи и общества образованная женщина. Без сомнения, четыре класса прогимназии нельзя считать достаточным курсом, как бы ни образцово было поставлено в нашей прогимназии дело образования».

Даже путешеводитель по Уралу, изданный в Екатеринбурге в 1899 г., в заметке, посвященной Тюмени, не обошел эту проблему вниманием: «Существующая в Тюмени женская прогимназия далеко не удовлетворяет потребности. Здание

* Окончание. Начало см.: Лукич. 2003. №1. С. 59–73.

прогимназии совершенно недостаточно для большого числа учениц. Прошедшие четыре класса гимназии должны или окончить свое образование, или поступить в гимназию в Омске или в Екатеринбурге, что для большинства, конечно, недоступно. Но и помимо этого половина девочек, детей местного населения, лишены возможности получить и то недостаточное образование, которое дает прогимназия»¹.

Во всей Тобольской губернии в это время не было ни одной женской гимназии с полным курсом. Учреждение ее в Тюмени, как городе, находящемся в отношении других городов губернии в более выгодных условиях, было совершенно необходимо. Для преобразования требовалось открыть еще четыре класса.

Попечительный совет прогимназии, рассчитывая на сочувственное отношение городской думы, вынес вопрос о преобразовании прогимназии в гимназию на обсуждение гласных. Тем более что Тюменская прогимназия была действительно всесословной, в 1896/97 учебном году обучалось 266 учениц, 193 из которых были детьми непривилегированных сословий: 115 мещан и 78 крестьян.

Слушаниям по этому вопросу было посвящено специальное заседание городской думы, состоявшееся 8 апреля 1899 г.

Председатель попечительного совета прогимназии довел до сведения гласных, что «число учениц с каждым годом возрастает и здание прогимназии, построенное для 3-классного училища, оказывается по своим размерам крайне недостаточным. В 1898/99 учебном году с августа по январь прогимназии пришлось отказать в приеме 61 ученице».

Поступивших в прогимназию ждали не самые лучшие условия: классы были переполнены учащимися так, что нарушались гигиенические требования. По нормам того времени кубическое содержание воздуха на каждую ученицу должно было составлять 0,75 куб. сажени воздуха. На деле же получалось, что «младшее отделение приготовительного класса при кубическом содержании воздуха в 19,3 саж³. имело 49 учениц, что давало на каждую ученицу 0,4 саж³. воздуха. Старшее отделение приготовительного класса давало на каждую ученицу 0,45 саж³. при объеме 25 куб. саж. на 55 учениц.

I классе — 0,5 саж³. на ученицу при 24 саж³. на 48 учениц;

II классе — 0,5 саж³. на ученицу при 25 саж³. на 50 учениц;

III классе — 0,64 саж³. на ученицу при 25 саж³. на 39 учениц;

IV классе — 0,88 саж³. на ученицу при 20,3 саж³. на 23 ученицы».

¹ Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1899. С. 233.

Лишь в четвертом классе требуемое гигиеной кубическое содержание воздуха соответствовало норме (0,75 саж³).

Кроме того, для правильной постановки обучения необходимо было устроить отдельный класс для рукоделия, комнату для столовой, где ученицы могли бы завтракать во время большой перемены, а также помещение для хранения верхней одежды учениц.

По мнению членов попечительного совета, расширение здания давало возможность открыть два профессиональных отделения. Первое, так называемое гардеробное, давало навыки шитья, кройки и шляпного мастерства. Во втором ученицы, окончившие курс прогимназии, обучались бухгалтерии, что позволяло им в дальнейшем работать бухгалтерами, кассирами или конторщицами.

Для осуществления этих планов необходима была пристройка в 7–8 комнат, но в распоряжении попечительного совета было всего 500 рублей, скопившихся из остатков от содержания прогимназии в течение ряда лет. Попечительный совет, не видя других источников финансирования, решил ограничиться на первый раз проектом, предусматривающим пристройку четырех классов в сторону уездного училища. Приблизительная смета на такую постройку составляла 10300 рублей. Недостающие деньги совет на-

деялся собрать за счет добровольных пожертвований, а также устройством в пользу прогимназии лотереи, спектаклей и концертов.

Кроме того, в связи с открытием параллельных и профессиональных классов увеличивался штат преподавателей, а следовательно, требовались дополнительные ассигнования из городского бюджета на их содержание.

Выступление в думе распорядителя Торгового дома «И.П. Колокольникова Н-ки» Степана Ивановича Колокольникова заставило присутствующих поверить в осуществление задуманного.

Он приветствовал открытие при прогимназии двух профессиональных классов: кройки и бухгалтерии, «имея в виду детей, принадлежащих родителям с достатком средним, даже ниже среднего, составляющих наибольший процент учащихся в прогимназии, открытие профессиональных классов особенно симпатично».

Однако постройка четырех комнат позволяла открыть три параллельных класса и класс рукоделия, но и то только при условии, если будет закрыто младшее отделение приготовительного класса; об отдельном классе для преподавания бухгалтерии и о необходимой столовой не могло быть и речи.

По мнению Колокольникова, закрытие приготовительного класса было нежелательно

для города, т. к. тогда пришлось бы открыть школу низшего разряда, что значительно увеличило бы городские расходы на ее содержание. От имени Торгового дома «И.П. Колокольникова наследники» Степан Иванович пожертвовал в пользу прогимназии 3000 рублей, поставив условие: «приступить к пристройке всех восьми классов, с сохранением существующего ныне притовительного в двух отделениях».

Воспользовавшись таким случаем, председатель попечительного совета Григорий Филимонович Колмогоров представил на рассмотрение городской думы новый чертеж, составленный на пристройку уже 12 комнат и в направлении уже не к уездному училищу, а к казначейству. Эта пристройка «тянула» на 40 тыс. рублей.

Председатель попечительного совета просил городскую думу не отказать в ассигновании на это дело из прибылей городского общественного банка пятнадцати тысяч рублей, отчисляя каждый год по три тысячи рублей.

Господин Колмогоров добавил, возможно, пытаясь разжалобить гласных, что «страшно тяжело приходится смотреть на такие

сцены, когда родители уходят из прогимназии с плачущими детьми, не принятыми в прогимназию единственно потому лишь, что в ней нет для них мест». Он высказал предположение, «что если городская дума ... ассигнует 15 т. рублей, то, считая имеющиеся в распоряжении прогимназии 5 тыс. рублей, пожертвованные гг. Колокольниковыми 3 тыс. рублей, недостаток выражается в 17 тысяч, каковые, есть основание предполагать, могут быть пополнены добровольной подпискою».

Гласные городской думы высказались, что «на такое полезное дело, можно надеяться, обыватели города будут жертвовать с полной готовностью».

В результате собрание думы постановило:

1. Пристройку к прогимназии каменного корпуса в 12 комнат по последнему плану признать более целесообразным и дать согласие на ассигнование

*Здание женской гимназии с пристроем.
Фото 1902 г.*

ние на это из прибылей городского банка 15 тыс. рублей, по три тысячи рублей в год, начиная с 1900 года.

2. Жертвуемые Торговым домом «И.П. Колокольникова наследники» на эту пристройку 3000 рублей принять и жертвователей за это благодарить.

3. Разрешить попечительному совету прогимназии открыть в городе добровольную подписку для сбора пожертвований на пристройку к прогимназии каменного корпуса.

Через полгода, в октябре 1899 г., была составлена смета, по которой «на каменную пристройку к зданию прогимназии предположено всего 44892 руб. 96 коп.». Пожертвований на это к тому времени было собрано 33 000 рублей.

Городская дума рекомендовала попечительному совету приступить к заготовлению строительных материалов, к поиску подрядчиков, а после утверждения проекта в Тобольском губернском управлении приступить к самой постройке.

Летом 1899 г. произошло событие, взбудоражившее Тюмень: неожиданно для многих покончил с собой муж начальницы прогимназии — нотариус Иван Иванович Клериков. Как писала газета: «его профессиональные дела принесли не только неприятности его семье, но и стали причиной самоубийства самого Ивана Ивановича.

...Мог ли ожидать Ив. Ив., что заведывание конкурсом Решетниковой поведет к таким печальным последствиям, что найдется легкомысленный человек, причем с правами на безусловную авторитетность, который позволит себе публично заявить, что он, Клериков, растратил конкурсные суммы, и эту ложь не удастся доказать на суде, а затем.... затем придется и покончить все земные счета...

Да, бывают такие совпадения: одно и то же дело главу семейства уложило преждевременно в могилу, а менее чем через месяц разорило и его наследников»²!

Уже позже Мария Раймундовна Клерикова, перебирая бумаги покойного мужа, нашла документ, которым ее муж был уполномочен кредиторами на получение вознаграждения за свои труды в размере более двух тысяч рублей. Документ этот не был приобщен к делу, что не дало возможности доказать клеветы, возведенной на него по конкурсу Решетниковой, а также опровергнуть хоть часть предьявленного к нему иска.

Вскоре после смерти мужа, 30 августа 1899 г., католичка Мария Раймундовна Клерикова перешла в православие. В возрасте 50 лет она была «присоединена к православной греко-российской церкви чрез исповедь и возложение священ-

² Сибирский листок. 1899. №67 (26 авг.)

нической руки с сохранением ее прежнего имени».

В конце 1899 г. по инициативе Марии Раймундовны было учреждено Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Тюменской женской прогимназии.

Почетными членами этого общества стали Николай Иванович Давыдовский, его дочь Софья Николаевна Васильева и Григорий Филимонович Колмогоров.

В число действительных членов общества входили: сама М.Р. Клерикова, П.А. Андреев, Г.Г. Дементьева, Ф.Ф. Колмогоров, А.С. Колмаков, С.И. и М.Н. Колокольниковы, о. И.П. Лепехин, Д.З. Ноторин, П.И. Никольский, М.К. Петухов, И.Я. Словцов и другие. Кандидатами на членство в этом обществе были Л.К. Высоцкая и А.А. Матусевич.

Число действительных членов этого общества было непостоянным: в 1900 г. их было 76, в 1901 г. — 78, в 1902-м — 65, в 1903 г. — 56.

Мария Раймундовна помогала, как говорили тогда, «недостающим» ученицам и помимо общества. Один из примеров: Таня Жукова, отец которой умер в страшную эпидемию холеры в Тюмени в 1892 г.

*Новый корпус женской гимназии.
Фото 1910-х гг.*

В 1900 г. одиннадцатилетняя Таня нашла дом, где жила начальница женской прогимназии Клерикова, пришла к ней и на вопрос: «Чего тебе, девочка?» — ответила: «Я хочу учиться».

Чем-то приглянулась строгой начальнице маленькая, бедно одетая Таня Жукова. Она была принята в прогимназию и училась отлично, долгое время считая, что учится за казенный счет. Лишь много лет спустя Татьяна Прокопьевна узнала, что Мария Раймундовна оплачивала ее обучение из собственных средств.

Выпускница Тюменской женской гимназии Татьяна Прокопьевна (в замужестве Голубева), по примеру Клериковой, к которой она до конца своих дней сохраняла благодарность, посвятила себя педагогической деятельности, всю жизнь проработав учителем русского языка и литературы. У нее учились артист Глеб Романов и певец Юрий Гуляев.

Татьяна Прокопьевна Голубева (1889–1981), пожалуй, единственная, окончившая Тюменскую женскую гимназию и посвятившая свою жизнь педагогической деятельности, была отмечена высшей наградой страны — орденом Ленина.

В одном классе гимназии с Татьяной Прокопьевной училась Ольга Ивановна Попова, впоследствии член Союза писателей, автор книги о Грибоедове.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю Марии Раймундовны, не прошли даром. Как сообщила газета, ей «пришлось перенести много горя и лишений. Она потеряла любимого человека, состояние, а затем и здоровье»³.

4 октября 1903 г. от болезни почек в возрасте 57 лет Мария Раймундовна Клерикова умерла и была похоронена на Троицком монастырском кладбище. Членами городской управы на гроб был возложен венок от имени городского общественного управления.

Очередное собрание городской думы, состоявшееся 16 октября 1903 г., почтило память покойной вставанием. На заседании был обнародован док-

лад, в котором говорилось, что «она состояла в должности начальницы около 25 лет и своими личными многолетними трудами поставила прогимназию в отличное положение, что при неусыпных заботах о прогимназии ей удалось с помощью благотворителей и города пристроить к существующему зданию прогимназии большой каменный корпус, вследствие чего это здание расширено настолько, что в будущем легко может быть обращено и в гимназию, что и составляло постоянную мечту покойной г. Клериковой».

В уважение заслуг Марии Раймундовны было предложено учредить в прогимназии несколько стипендий имени Клериковой.

На этом же заседании думы было решено «употребить все меры к возможно скорейшему

Женская гимназия, вид со стороны военного присутствия. Фото 1910-х гг.

³ Сибирская торговая газета. 1903. 5 окт.

открытию в г. Тюмени женской гимназии, что, по мнению думы, более, чем стипендии при прогимназии, послужит на память о столь заботливой начальнице прогимназии»⁴.

Для этого была направлена просьба попечительному совету женской прогимназии «ходатайствовать пред правительством об открытии в Тюмени женской гимназии в полном объеме». В текущем учебном году в прогимназии был открыт 5-й класс, следовательно, оставалось открыть еще два класса. На содержание гимназии было решено расходовать ежегодно по 2 тыс. рублей из городского бюджета.

После смерти Марии Раймундовны Клериковой должность начальницы временно исполняла преподавательница Александра Александровна Юрис. Но вскоре на эту должность была утверждена и прибыла из Петербурга новая начальница Вера Митрофановна Тихомирова.

На ее долю выпал самый беспокойный период в истории этого учебного заведения: преобразование в 1904 году прогимназии в гимназию, волнения среди учащихся в 1905 г., строительство полного корпуса гимназии.

С преобразованием прогимназии в гимназию добавились новые дисциплины, к обязательным Законом Божьему, рус-

скому языку, русской истории, географии, арифметике, чистописанию и рукоделию добавились основы геометрии, география, история и гимнастика. Увеличилась и плата за обучение, которая в 1904 г. составляла в год: подготовительный класс — 10 руб.; 1 класс — 15 руб.; 2 и 3 классы — 20 руб.; 4 класс — 30 руб.; 5, 6, 7 классы — 50 руб.; 8 класс — 60 руб.»⁵.

Девушки, награжденные при окончании гимназического курса общего учения золотыми или серебряными медалями и сверх того выслушавшие особый специальный курс дополнительного класса (в Тюменской женской гимназии это был VIII класс), приобретали звание домашних наставниц. Те же, кто не удостоился медалей, получали «одобрительный аттестат» об окончании полного общего курса в гимназии и, прослушав специальный курс в дополнительном классе, пользовались правами домашних учительниц.

Пожалуй, даже большее внимание, чем учебе, уделялось воспитанию гимназисток, их нравственному облику, развитию религиозных чувств.

Поведение воспитанниц учебных заведений контролировалось не только во время учебы, но во время отпуска или каникул. Правилами поведения определялось: «ученицы, находящиеся в отпусках, обязаны ве-

⁴ ГАТО. Ф.И-2. Оп.1. Д.532. Л.183.

⁵ Сибирская торговая газета. 1903. 7 нояб.

сти себя прилично, чтобы не ронять ни себя, ни того заведения, в котором воспитываются.

... Ученицы должны помнить, что, находясь в отпуску, они подлежат надзору каждого служащего по Министерству народного просвещения лица»⁶.

На каждого учащегося на все время обучения заводились кондукитные списки, своего рода личное дело, в котором классный наставник отмечал все добрые и не очень добрые поступки своего ученика. Некоторые замечания и наблюдения учителя могли составить довольно точный нравственный и психологический портрет ученика.

Например, проступок ученицы III класса Джапаридзе по предложению классной наставницы С.В. Дмитриевой был вынесен на обсуждение педагогического совета. Провинилась Джапаридзе в том, что, взяв у своей одноклассницы Родионовой книгу, долго ее не возвращала. Через какое-то время ученица Шустер принесла в класс точно такую же книгу. Джапа-

*В.М. Тихомирова,
начальница гимназии
(1904–1908)*

ридзе без ведома Шустер взяла ее и отдала Родионовой как ту самую, которую брала у нее.

Обман вскрылся, и ученица Джапаридзе от педагогического совета получила выговор и 3 балла за поведение, кроме того, ее предупредили, что повторение подобного проступка повлечет за собой исключение из гимназии.

Не менее строго наказывали учениц женской гимназии за появление без надобности на вокзале, а также на увеселительных вечерних мероприятиях для взрослых.

Так, за появление на маскараде в приказчиьем клубе ученицы гимназии: III класса — Филатова; IV класса — Маршалова, Селецкая, Гроссман, Петрова; V класса — Хлебникова, Осипова, Чернышечкина и Странскова; VI класса — Земацкая и Носова; VII класса — Никифорова, Гроссман, Бочкова и Андреевская; VIII класса — Успенская, Князева, Ступина, Чукомина по постановлению педагогического совета были наказаны. Кто-то получил

⁶ Из правил поведения воспитанниц женских учебных заведений, утвержденных Министерством народного просвещения. 1902 г.

выговор, кому-то был снижен балл по поведению, родителям ученицы IV класса Маршаловой было предложено взять ее из гимназии.

Поводом для увольнения ученицы из гимназии могли стать даже неблагоприятные поступки их родителей. К примеру, у матери одной из учениц VI класса жили на квартире «какие-то подозрительные девушки», и тогда еще начальницей прогимназии Клериковой было заявлено, что при подобном положении дел ее дочь не может учиться в прогимназии. После заявления матери об оставлении своего занятия девочка продолжила учебу.

На события 1905 г. в столицах Тюмень откликнулась забастовками и демонстрациями рабочих, в октябре произошли волнения среди учащихся реального училища и женской гимназии. Возникло несколько молодежных кружков.

На Царской улице 16 октября была устроена демонстрация, в которой были замечены гимназистки Штейн, Забелинская, Успенская, Альтшуллер и Князева. На следующий день они были вызваны для объяснений к жандармскому офицеру.

19 октября начальство реального училища и женской гимназии не смогло помешать ученикам реального училища прийти на молебен в женскую гимназию.

Вот тогда В.М. Тихомирова высказалась за предоставление здания гимназии для собраний учащихся. Она убедила родителей и педагогический совет во избежание возникновения кружков на окраинах города, где «гимназистки могли подвергаться не только неизвестным влияниям, а даже и опасности», предоставить помещение гимназии для собраний учащихся при условии обязательного присутствия кого-либо из учителей или родителей учениц.

Педагогический совет в эти непростые дни согласился даже на такие временные, а по тем временам просто неслыханные, меры, как отмена внешкольного надзора, отказ от балльной системы и обязательного посещения богослужений.

Именно благодаря тактичности Веры Митрофановны удалось избежать крупных беспорядков среди учащейся молодежи Тюмени, но всего через полгода после этих событий, в августе 1906 г., она получила выговор от попечителя Западно-Сибирского округа «за допущенные отступления от школьных правил».

В феврале 1907 г. произошел случай, ускоривший отставку начальницы гимназии Тихомировой. Это происшествие благодаря газетам стало широко известно. Газета писала: «...Гимназистка 4-го класса П. ушла утром в гимназию и домой не возвратилась. На дру-

гой день обеспокоенные родные обратились за содействием к полиции. На третий день П. и другая гимназистка Д. найдены были чинами полиции в гостинице «Эрмитаж» в обществе известного в Тюмени богача татарина Рычапова. П. заявила полиции, что к Рычапову пошла по собственному почину и о насилии с его стороны не может быть и речи. П. девица довольно взрослая (17-й год) и ввиду такого ее заявления ускользнула возможность привлечь Рычапова к ответственности по суду.

По представлению местной полиции генерал-губернатором сделано распоряжение по телеграфу о выселении Рычапова за пределы губернии в 24 часа. Рычапов уехал в Камышлов.

Тюмень знает Рычапова давно и данный случай не первый в его «практике». Рычапов довольно ловок, умеет устраиваться так, что к судебной ответственности привлечь его не представляется возможным. Административное взыскание для него нечувствительно. С подобным видом хулиганства может и должно бороться само общество. Гимназия ограничилась в данном случае лишь предложением П. и Д. взять документы обратно⁷.

В январе 1906 г. и ноябре 1907 г. Западно-Сибирский учебный округ провел ревизию постановки учебного процесса

в Тюменской женской гимназии, ревизор обратил внимание «на плохое знание молитв и хода и значения вечернего и утреннего богослужения ученицами II класса...». Это обстоятельство, а также опросы некоторых учениц дали повод ревизору заключить, что «ученицы редко посещают церковь и даже вовсе не бывают у всенощного бдения». По результатам ревизии попечителем Западно-Сибирского учебного округа было предложено председателю педагогического совета гимназии «принять решительные меры к устранению замеченных недостатков...».

В связи с тем, что гимназия не имела своего храма, который могли бы посещать все ученицы, а водить всех учениц в какой-либо из храмов, вследствие тесноты тюменских храмов и большого числа прихожан, являлось крайне затруднительным, председателем педагогического совета было предложено привлечь к наблюдению за посещением ученицами богослужений самих родителей.

Для этого к родителям было составлено обращение: «Педагогический совет, сознавая всю важность своего долга воспитывать в учащихся религиозные чувства и всемерно поддерживать их, постановил с нынешнего года в Тюменской женской гимназии ввести такой порядок: приглашать учениц по

⁷ Тобольский край. 1907. №5. (17 февр.).

классам посещать Знаменскую церковь под наблюдением гимназического начальства и классных дам.

В этой церкви будет отведено удобное место для учениц, впереди молящихся.

Родители, желающие взять на себя всецело заботы о посещении их детьми церкви, благоволят на отрезном купоне указать храм, в который они будут водить своих детей».

Под извещением стояли подписи председателя педагогического совета П. Ивачева, начальницы гимназии В. Тихомировой и законоучителя П. Ребрина.

Обращение было напечатано с отрывными талонами и разослано родителям учениц.

Указание родителями храма для самостоятельных наблюдений за своими детьми, по замыслу педагогического совета, нужно было для того, чтобы «войти в соглашение с настоятелями церкви об отводе особого удобного места для стояния учениц». При большом скоплении учащихся в одном и том же храме гимназическое начальство обязывалось устроить свой надзор, иначе «дети, предоставленные са-

мим себе, своею резвостью и подвижностью могут нарушить молитвенное настроение прихожан и вызывать со стороны их справедливые нарекания».

Между тем тучи над начальницей гимназии все стучались. Тихомирова была вызвана в Томск для разговора с попечителем Западно-Сибирского учебного округа.

Вскоре после ее возвращения из Томска, 23 марта 1907 г., в Тюмень пришло распоряжение министра народного просвещения с предложением подать в отставку начальнице Тюменской женской гимназии Тихомировой.

Практически немедленно собрался попечительный совет женской гимназии. Он постановил возбудить ходатайство перед министром народного просвещения об оставлении Тихомировой в Тюмени.

В стремлении защитить Тихомирову объединились попечительный совет гимназии, родители учениц, гласные Тюменской городской думы подключили депутатов Государственной думы от Тобольской губернии.

Министру была отправлена телеграмма от ро-

*Таня Жукова, ученица
женской гимназии.
Фото 1908 г.*

дителей учениц. Следом ушло ходатайство попечительного совета, а копия телеграммы — члену Государственной думы от Тобольской губернии Н.Л. Скалозубову: «Распоряжением Вашего Высокопревосходительства от 21 февраля, полученным в Тюмени 23 марта, начальнице Тюменской женской гимназии Тихомировой предложено подать в отставку, причины же тому неизвестны.

В 1905 году было волнение между гимназистками, но такое было повсеместно, учение же, благодаря тактичности начальницы гимназии Тихомировой, не прекращалось, и в настоящее время учебная жизнь идет правильно; удаление же Тихомировой, уважаемой всем обществом и учащимися как отличного педагога, дающего уроки по четырем различным предметам, и хорошего администратора, без сомнения, пагубно отразится как на учебном деле, так и на настроении учащихся.

В деятельности Тихомировой попечительный совет не усматривает ничего, чем бы можно объяснить распоряжение об отставке, а потому попечитель-

*Т. П. Голубева
(урожденная Жукова),
кавалер ордена Ленина*

ный совет просит Ваше Высокопревосходительство оставить Тихомирову начальницей здешней гимназии. Попечительному совету известно, что городской голова назначает экстренное заседание городской думы для возбуждения такого ходатайства».

Из письма депутатов Государственной думы от Тобольской губернии Скалозубова и Колокольниковца: «Попечительный совет Тюменской женской гимназии телеграммой извещает, что распоряжением от 21 февраля предложено подать в отставку начальнице этой гимназии В.М. Тихомировой, и просит употребить все старания об отмене этого распоряжения, идущего вразрез с интересами города. Не получив никаких сведений о причинах увольнения Тихомировой, мы можем из двух мыслимых мотивов — служебная несостоятельность и политическая неблагонадежность — остановиться только на втором, так как г-жа Тихомирова заслужила общепризнанную репутацию прекрасной учительницы, доброй и тактичной начальницы.

Итак, если ее удаляют, то, несомненно, за политическую неблагонадежность.

Решаемся утверждать на основании личного знакомства с начальницей гимназии, г-жой Тихомировой, что она слишком занята и заинтересована своим прямым и большим делом, чтобы заниматься политической деятельностью.

Да, несомненно, она человек с прогрессивными взглядами; несомненно, она занимает место в рядах передовой интеллигенции, но если это ей ставить в вину и на основании этого удалять с занимаемого ею поста, то с таким же правом и по таким же основаниям придется удалить из местных учебных заведений все лучшие силы.

Такой отбор и удаление лучших сил не может не отразиться на отношении общества к школе, которое, в частности в Тюмени, не жалело пока средств на улучшение положения гимназии.

Отзываясь на распоряжение об удалении г-жи Тихомировой, тюменский городской голова назначил экстренное собрание городской думы, но вр. генерал-губернатор не разрешил этого собрания.

Присоединяясь к просьбе попечительного совета Тюменской гимназии, просим г. министра народного просвещения отменить сделанное распоряжение и оставить г-жу Тихомирову начальницей гимназии»⁸.

Попечитель Западно-Сибирского учебного округа Лав-

рентьев оставался при своем мнении, в своем ответе попечительному совету Тюменской женской гимназии он писал: «...руководимое ею [Тихомировой] в воспитательном отношении учебное заведение пришло в окончательный упадок, распущенность же девиц, преимущественно же старших классов, достигла до крайних пределов, а развратное поведение некоторых из них, беспримерное в истории русского просвещения, превзошло уже всякие границы и не может не повергнуть в ужас всякого порядочного человека...».

Все же в 1907 г. тюменцам удалось отстоять Тихомирову, однако попечитель Западно-Сибирского учебного округа продолжал настаивать на ее увольнении.

В 1908 г. он писал министру народного просвещения: «...считаю своим долгом донести, что в течение одного года и восьми месяцев (с 7 декабря 1905 г. по 7 августа 1907 г.) по делу г-жи Тихомировой было сделано мною 18 представлений, из которых только на четыре последовал ответ из центрального управления Министерства народного просвещения.

...Увольнение г-жи Тихомировой я признавал своевременным уже более двух лет тому назад; остаюсь непоколебим при сем мнении и в настоящее

⁸ Сибирские вопросы, 1907. №4 (3 апр.).

время, так как распушенность Тюменской женской гимназии в нравственном отношении, что видно из моих представлений, дошла уже до таких пределов, далее коих идти решительно невозможно...».

В начале 1908 г. начальница гимназии Тихомирова заявила педагогическому совету, что имеет намерение «после экзаменов под своим руководством совершить с ученицами гимназии экскурсию в Крым». Ехать предполагалось через Екатеринбург, Челябинск, Самару. В Москве планировалось осмотреть Кремль и Третьяковскую галерею.

Начальница гимназии В.М. Тихомирова так и не успела свозить девочек-гимназисток на юг. В марте 1908 г. Вера Мит-

*А.А. Юрис,
начальница гимназии
(1908–1917)*

рофановна вынуждена была оставить свою должность и уехать из Тюмени. Как ни тяжело было расставаться с любимой начальницей коллективу преподавателей и особенно гимназисткам, сделать это все же пришлось.

Новой начальницей Тюменской женской гимназии стала Александра Александровна Юрис⁹ и занимала

эту должность до 1917 г.

Педантичная, строгая и не очень покладистая старая дева, она имела в гимназии немного своих союзников. Закончив учебный 1916/17 год, с 1 июля 1917 г. А.А. Юрис ушла в отпуск, а за день до этого в педагогический совет поступило заявление от членов попечительного совета гимназии: «Мы, члены попечительного совета, полагаем, что в настоящее вре-

⁹ А.А. Юрис (1864–19..) — начальница Тюменской женской гимназии (1908–1917). В 1885 г. после окончания Омской женской гимназии со званием домашней учительницы по арифметике получила назначение в Тюменскую женскую прогимназию. В 1886 г. утверждена в должности учительницы младших классов. 13 октября 1903 г. по представлению попечительного совета Тюменской женской прогимназии допущена к временному исполнению обязанностей начальницы прогимназии. 25 марта 1908 г. распоряжением попечителя Западно-Сибирского учебного округа ей поручено исправлять должность начальницы Тюменской женской гимназии. 30 ноября 1908 г. предложением товарища министра народного просвещения утверждена в должности начальницы Тюменской женской гимназии согласно избранию ее попечительным советом гимназии 24 октября 1908 г. 1 октября 1917 г. подала в отставку, дальнейшая судьба неизвестна.

мя, когда жизнь требует переустройства школы на новых началах, руководить делом школы должен человек широкого кругозора и педагогической инициативы.

Считаем, что А.А. Юрис не соответствует указанным требованиям, предлагаем педагогическому совету обсудить вопрос о дальнейшем ее пребывании в роли руководительницы учебно-воспитательным делом гимназии».

Под заявлением было шесть подписей, в числе которых подписи врача Купенского, Шалашниковой, Шумиловой.

Начальница Юрис уехала в отпуск, и у недовольных ею оказалось достаточно времени, чтобы склонить педагогический совет на свою сторону.

Приехавшая в сентябре к новому 1917/18 учебному году, Юрис была поставлена перед фактом: педагогический коллектив вместе с попечительным советом видеть в ней начальницу женской гимназии не желали.

1 октября 1917 г. Александра Александровна подала в отставку. Ее место заняла Ната-

лья Сергеевна Огигенина, но ненадолго.

К 1920 году, в женской гимназии, хотя еще и называвшейся так, должность начальницы была упразднена, а ее функции были переданы педагогическому совету. Вскоре гимназия опять стала просто школой, как в момент своего основания.

Более низкий статус школы перед гимназией больше отвечал духу времени, подчеркивал ее народный и демократичный стиль. Само слово «гимназия» являлось косвенным олицетворением старого режима.

«Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...». А затем в учебных заведениях было разрешено свободное посещение занятий, отстранение любого преподавателя ученическими комитетами, отмена индивидуальных оценок и многие другие нововведения. Правда, от них скоро отказались, поняв, что анархия плохая помощница в учебном процессе.

Прошло три четверти века, и в России опять появились гимназии, всегда олицетворявшие фундаментальное классическое образование.

МАНДРИКА Юрий Лукич — родился 28 марта 1952 г. в Сумской обл. (Украина). Окончил филологический факультет ТюмГУ, работал в редакциях районных, городских, областных газет. Занимался внедрением технологии настольно-издательских систем в редакционных коллективах. Несколько лет возглавлял издательство «СофтДизайн». Печатался в журналах «Полиграфия», «Журналист», «Компьютер-пресс» со статьями по газетному дизайну.

За успехи в издательском деле удостоен премии им. В.И. Муравленко, награжден грамотой губернатора, знаком «Четвертая власть».

В настоящее время возглавляет издательство.

Зигзаги на пути к биографии журналиста

Хотя иногда и поругиваюсь в адрес историков тюменской журналистики, что, мол, они не торопятся расставить все точки над «i» в описании жизни дореволюционных газет, сегодня все сильнее ощущаю, насколько это непросто. В нынешней губернской столице практически не сохранилась периодика тех лет. Архивы же мало «помнят» знаменитых в свое время земляков. Помочь им это сделать в граде Тоболеске — некому, а имеющийся тюменский потенциал не очень-то стремится в глубинку на поиск тех самых личностей, через дела которых воссоздается дух рано умершей эпохи.

...Мое знакомство с Евгением Кузнецовым началось через «Тобольские губернские ведомо-

сти» девяностых годов XIX века. Неофициальная часть «ТГВ», которую он тогда редактировал, производила впечатление некоего совершенства далеко не провинциального уровня. Это был предвестник журнала с хорошими авторами, умевшими писать очень приличные даже по нынешним временам тексты. Настолько приличные, что иногда какая-то часть современной журналистики, по сравнению с той, кажется заметками из колхозной прессы пятидесятых годов XX ст.

Я заболел им. Вначале собрал все то, что Е.К. включил в библиографию под рубрикой «Рассказы, были, стихотворения»¹.

¹ См.: Указатель литературных трудов Е.В. Кузнецова // Евгений Кузнецов. Сибирский летописец. Тюмень, 1999. С. 353–354.

Мотаясь между Москвой и Омском, копировал с помощью ксерокса, а иногда и переписывал от руки его публикации (в то время директором Тобольского музея был А. Малышкин, с которым — скорее всего, причиной тому был я — контакта не случилось), искал в архивах других городов (отнюдь не Тобольска, а Омска и Красноярска) следы его пребывания в сем мире...

Это позволило сделать главу в «Литературных фантомах» и зарисовочку о жизни Евгения Васильевича, написанную скорее на эмоциях: «Его биография — сплошное белое пятно».

Потом было несколько публикаций в «Лукиче». Сегодня, с багажом того, что найдено о Е. Кузнецове, можно смело определить жанр появившегося ранее из-под пера автора этих строк: заметки краеведа. И при этом дать самокритичное определение последнего слова: «Краевед — это тот, у кого много энтузиазма, но за душой мизер знаний». Из ранних публикаций годятся для реконструкции биографии талантливого журналиста совсем крохи...

Публикуя в этом номере материалы к биографии редактора неофициальной части «ТГВ», любезно предоставленные журналу директором Тобольского архива Татьяной Коклягиной, надо оговориться. В деле — двести и одна страница. Решили опублико-

вать самое интимное из его жизни: за что был осужден. По прочтении этого документа становится понятным, что не только за замену «без особого законного на то разрешения от высшего правительства, натуральной повинности денежным сбором» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. О. 34. Ед. хр. 710. Л. 42).

И, конечно, публикуем в этом номере аттестат о его служебной деятельности.

Но, просматривая архивное дело, сформированное документами с начала девяностых, понимаешь, что видимая часть жизни обозначена в аттестате. О духовных исканиях можно частично судить по газете, которую в свое время подписывал Евгений Васильевич «в печать!».

Осталась еще личная жизнь.

В аттестате, подписанном начальником I отделения общего Енисейского губернского управления, сказано: «Женат на Христине Петровой, православного вероисповедания» (Там же. Л. 50 об.). В это время нашему герою было 42 года. В те времена, по установившемуся мнению, браки распадалась редко. Тем более в таком возрасте. Но аттестат 1904 г. (см. С. 175 этого № журнала) говорит о женитьбе вторым браком. Что за трагедия случилась в жизни журналиста? В деле (Л. 143) сохранился лист с подписью «Губернатор»:

*«Каличинская
Чиновнику особых
поручений Кузнецову*

Вступление <во> второй законный брак Вам разрешается». Дата не указана.

Почему вдруг в середине 1893 г. из канцелярии иркутского генерал-губернатора пришел на имя тобольского губернатора запрос: «Не служит ли во вверенной Вашему управлению губернии бывший помощник Ачинского окружного исправника Кузнецов» (Там же. Л. 65 об.). И сразу же начала писать губерния. Полетели письма по прежним местам его службы. В Томск: «Нет ли в производстве Губернского правления каких-либо дел о бывшем Томском окружном исправнике титулярном советнике Евгении Кузнецове» (Там же. Л. 67). А ведь это было самое удачливое для него время в творческом плане. Но какие подводные камни мешали насладиться ему взлетом неофициальной части «ТГВ»? Что заставляло его метаться по жизни?

24 августа 1890 г. отставной коллежский асессор Е. Кузнецов пишет прошение на имя тобольского губернатора «не отказать причислить меня к Тобольскому общему губернскому управлению» (Там же. Л. 43). 26 марта 1894 г. на бумаге, оплаченной 60 копейками серебром, «по семейным обстоятельствам, не желая далее продолжать службу... про-

шу принять и сделать распоряжение об увольнении меня в отставку...» (Там же. Л. 91.) «Приказ состоялся 29 марта 94 г.». Практически через неделю (5 апреля) новое прошение: «По изменившимся обстоятельствам, желая вновь продолжить государственную службу... о предоставлении прежних должностей чиновника особых поручений... и редактора неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» (Там же. Л. 92).

В мае 1894 г. Евгений Васильевич пишет вновь прошение господину губернатору, в котором фигурируют «домашние обстоятельства». Он хочет поехать в отпуск на два месяца «в пределах Западной Сибири и Степного края» с сохранением жалованья.

Положительная резолюция включала и желание: во время отпуска Е. Кузнецова исполнять обязанности редактора неофициальной части должен был обязательно К. Голодников (Там же. Л. 103—103 об.).

Как себя чувствовал при этом Е. Кузнецов? Еще недавно Капитон Михайлович возглавлял в Омске газету «Степной листок», которая одна из первых обрушилась на неофициальную часть «Тобольских губернских ведомостей», отделившуюся от официальной. В статье «Тобольские литературшики» (Степной край. 1890. №24 (19 сент.). С. 1—2). было сказано много несправедливых слов в адрес редакции.

Обидным, наверное, было то, что «Степным листком» заправлял бывший редактор неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей». Е. Кузнецов сменил Капитона Михайловича на его посту. И вот теперь губернатор снова желал видеть предшественника Евгения Васильевича...

А вскоре из Омска на бланке «Степного генерал-губернатора» пришло письмо Н.М. Богдановичу: «Милостивый государь Николай Модестович.

...Надворный советник Кузнецов обратился ко мне с прошением о причислении его к моей канцелярии, с предоставлением какой-либо классной должности... уведомить о нравственных и служебных качествах названного чиновника, а равно и о причинах, побудивших Кузнецова к переводу на службу в Степное генерал-губернаторство...» (Там же. Л. 104).

Тобольское начальство сообщило, что «нравственные и служебные качества этого чиновника безукоризненные... сей переезд вызывается более благоприятными, по состоянию здоровья и совету врача, климатическими условиями» (Там же. Л. 105–105 об.).

Но переезд в Омск почему-то не случился.

«Состоя на службе с 1865 года и не имея далее сил продолжать таковую по разстроенному здоровью» (Там же. Л. 145) младший чиновник особых по-

**Е. В. Кузнецов
(1848–1911)**

ручений Е. В. Кузнецов просит уволить его в отставку 29 декабря 1903 г.

Мне кажется, что основные вехи биографии сегодняшней публикацией обозначены.

Но вопросов, как видим, еще немало. Где искать ответы на них? В цих-то воспоминаниях? В архивах соседних губерний?

В конечном итоге, чем занимался тобольский журналист и литератор, выйдя в отставку?

Все эти вопросы сменяет один, риторический: неужели так и не появится местный историк или филолог, кто сделает творчество Евгения Васильевича предметом своего исследования?

Одним краоведам эту задачу не решить...

Материалы к биографии Е. В. Кузнецова

*Енисейский губернский совет
Рассмотрение*

*По обвинению бывшего земского
заседателя Енисейского
округа Кузнецова в преступлении,
предусмотренном 429
ст. Ул. о нак.*

Присутствие

Июня 17 дня 1893 г.

Подписан июня 17 дня 1893 г.

№ 136

По 2 отделению

2 столу

*Енисейскому губернскому
совету
начальником 2 отделения
докладывается
о нижеследующем**

Отставной канцелярский сотрудник Лобанов в 1889 г. подал на имя г. губернатора доклад о незаконных действиях бывшего земского заседателя 1 участка Енисейского округа Кузнецова, в котором, между прочим, пишет: «В дер. Вороковской сгорела изба и с ней поселенец той же деревни Кузьма Токменюк, о чем волостным

старостой донесено по принадлежности, но тело пролежало в леднике до 1 мая с.г., и крестьяне все это время караулили его; но земский заседатель Кузнецов не сделал лично надлежащего осмотра, распорядился через старосту похоронить его. По справке енисейского исправника в делах заседателя 1 уч. оказалось, что во входящем журнале 3 декабря 1888 г. под № 1015 записаным: «Вороковского сельского старосты от 2 декабря с актом о сгоревшей избе в дер. Вороковской и в ней поселенца Токменюка», но исполнительной отметки о том, что по этому акту сделано не то и по настоятельному делу этого не значится, а по исходящему усмотрено 27 апреля 1889 г. за № 533 записанною бумага: «причту села Рождественской церкви о предании тела земле скоростижно умершего поселенца дер. Вороковской Кузьмы Никитина Токменюка, но было ли об этом произведено и куда представлено дознание, ничего по документам не видно, самого акта при делах нет, а также не значится по

* ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. О. 34. Ед. хр. 710. Лл. 69–70 об.

описям дел, о том переданных служащему в настоящее время заседателем 1 участка Покрассо. При формальном следствии бывший заседатель, а ныне и.д. чиновника особых поручений Тобольского общего губернского управления Кузнецов, опрошенный в качестве обвиняемого, показал, что дознание о пожаре в дер. Вороковской он производил, так как на основании этого дознания им дана бумага разрешить предать земле Токменюка, к следствию же им не было приступлено вследствие отсутствия признаков преступления. Где находится в настоящее время произведенное им дознание, он объяснить не может, не имея под рукою документов участка. Из копии отношения заседателя Кузнецова на имя причта (Рождественской церкви) от 27 апреля 1889 г. видно, что заседатель просит причт предать земле по обряду христианскому тело поселенца дер. Вороковой Кузьмы Никитина Токменюка, имевшего от роду более 70 лет, скоропостижно умершего, как оказалось по полицейскому исследованию, от обжогов, полученных от старости, и слепоты во время пожара избы своей.

Заключение. Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, губернский совет находит, что, как видно из отношения бывшего заседателя 1 уч. Енисейского округа Кузнецова, на имя причта Рождественской-Николаевской церкви о пожаре в с. Вороковском и сгоревшем ссыльнопоселенце Токменюке, умершем от обжогов, было произведено полицейское дознание, а потому с большою вероятностью следует предположить, что оно не было им отмечено во входящем журнале, следствие же по сему предмету Кузнецовым произведено не было, а потому он должен был подлежать преданию суду по 421 ст. Улож. о наказ., но так как от упомянутого бездействия Кузнецова, как следователя, никакого вреда не последовало, то губернский совет, руководствуясь 454 ст. 2 ч. 2 т. Учредит. признает возможным ограничиться наложением <на> Кузнецова взыскания в административном порядке, а потому полагает: сделать бывшему земскому заседателю 1 участка на основании 454 ст. 2 ч. 2 т. Учредит. и 429 ст. Улож. о наказ. строгий выговор, о чем для исполнения сообщить Тобольскому губернскому правлению. Подлинник подписали гг. члены совета: Давыдов, Аборин, Долинский и Ал. Лубенцов.

С подлинным верно:

Начальник отделения (*подпись*).

Сверял столоначальник (*подпись*).

Публикация Т.Ю. Коклягиной.

*Аттестат**

Предъявитель сего бывший младший чиновник особых поручений при тобольском губернаторе с содержанием надворный советник Евгений Васильевич Кузнецов, как видно из формулярного о его службе списка, 56 лет, вероисповедания православного, имеет ордена: св. Станислава 2 и 3 степ. и св. Анны 3 степ., серебряную медаль в память императора Александра III-го, высочайше утвержденный 13 марта 1879 г. знак Красного Креста и высочайше утвержденный 13 июля 1871 г. серебряный знак состоящего под августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы общества спасения на водах, получал в год: жалованья 500 р., столовых 500 р. и добавочных 300 р., всего 1300 р.

Происходит из духовного звания (сын священника). Имений родового и благоприобретенного не имеет. По окончании курса наук в Тобольском духовном училище обучался в Тобольской духовной семинарии до высшего отделения. В службу вступил в Тобольскую духовную консисторию канцелярским служителем 2-го разряда, тысяча восемьсот шестьдесят пятого года сентября пятнадцатого дня. Определен и.д. столоначальника консистории тысяча восемьсот шестьдесят шестого года марта двадцатого дня. Из сумм, назначенных Святейшим Синодом в пользу трудящихся по свечному сбору чиновников, два раза получал денежные вознаграждения ежегодно в 1866 и 1876 гг. Согласно прошению перемещен на службу в штат губернского правления и определен помощником столоначальника (по III отд.) тысяча восемьсот шестьдесят девятого года апреля двенадцатого дня.

Исправлял временно должность начальника газетного стола и редактора «Тобольских губернских ведомостей» с 8 апреля по 9 июня 1870 г. Определен и.д. начальника газетного стола и редактора «Тобольских губернских ведомостей» июня десятого 1869 г. За болезнью экзекутора губернского правления и смотрителя губернской типографии исправлял эту должность с 10 июня по 17 августа 1870 г. По журналу губернского правления управлял состоящею при нем библиотекою с 17 ноября 1870 г. по 14 июня

* ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. О. 34. Ед. хр. 710. Лл. 165–172 об. — Текст разбит на абзацы для облегчения восприятия текста читателем. — *Прим. издателя.*

1872 г. Исправлял должность секретаря губернского правления, без оставления занятий по другим обязанностям, с 3 марта 1871 г. по 15 января 1872 г.

По постановлению тобольского губернатора из сумм, высочайше ассигнованных в распоряжение г. генерал-губернатора Западной Сибири, получил в награду 30 руб. Указом Правительствующего Сената от 5 июня 1871 г. произведен в коллежские регистраторы со старшинством с пятнадцатого сентября тысяча восемьсот шестьдесят девятого года. Утвержден в должности начальника газетного стола и редактора «Тобольских губернских ведомостей» тысяча восемьсот семьдесят первого года октября шестнадцатого дня. По предписанию г. тобольского губернатора от 13 января 1872 г. за № 209 производил ревизию Тобольской губернской типографии, о чем и представил записку. За увольнением смотрителя губернской типографии исправлял эту должность с 8 по 28 апреля 1872 г.

По журналу Тобольского комитета православного миссионерского общества состоял делопроизводителем оногo с 30 апреля 1872 г. по 8 апреля 1874 г. По постановлению г. тобольского губернатора из сумм, высочайше ассигнованных в распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири, получил в награду 30 рублей. В следующем 1873 г. 17 апреля из тех же сумм получил в награду 25 руб. Перемещен согласно желанию столоначальником Тобольского общего губернского управления (по 2 отд.) 1873 г. мая двадцать второго. Указом Правительствующего Сената от 15 июня 1873 г. за № 71 произведен в губернские секретари со старшинством с тысяча восемьсот семьдесят второго года сентября пятнадцатого. Предложением г. генерал-губернатора Западной Сибири на имя тобольского губернатора от 1 февраля 1874 г. за № 308 и чрез опубликование в «Тобольских губернских ведомостях» за особенно ревностную службу объявлена благодарность. По журналам Тобольского комитета православного миссионерского общества 15 мая 1873 г. и 23 марта 1874 г. за безвозмездное исправление должности делопроизводителя комитета получил в награду 90 руб. Предложением того же комитета от 10 мая 1874 г. за № 216 и чрез опубликование в № 20 «Тобольских губернских ведомостей» за отлично усердную службу в продолжение 2-х лет в должности делопроизводителя комитета объявлена благодарность. По постановлению г. тобольского губернатора из сумм, высочайше ассигнованных в распоряжение г. генерал-губернатора Западной Сибири, получил в награду 30 руб.

Назначен земским заседателем 1-го уч. Тарского округа тысяча восемьсот семьдесят пятого года января пятнадцатого. Для

пользы службы перемещен земским заседателем 2 уч. Тобольского округа января семнадцатого 1875 г. По ходатайству тобольского окружного исправника с разрешения г. начальника губернии получил в награду из остатков сумм, образовавшихся от некомплекта чиновников окружного полицейского управления, 20 руб. тысяча восемьсот семьдесят пятого года декабря двадцать второго. Указом Правительствующего Сената от 25 февраля 1876 г. за № 20 произведен в коллежские секретари со старшинством с сентября пятнадцатого 1875 г. Постановлением г. тобольского губернатора из сумм, высочайше ассигнованных в распоряжение г. генерал-губернатора Западной Сибири, получил в награду 25 руб. Таковым же постановлением согласно желанию перемещен земским заседателем 1 уч. Тобольского округа тысяча восемьсот семьдесят шестого года октября двадцать седьмого дня.

По положению Тобольского губернского совета от 25–30 апреля 1876 г. за № 83, изложенному в указе Тобольского губернского правления на имя Тобольского окружного полицейского управления от 23 февраля 1877 г. за № 893, за аккуратное производство следствий и старательность в нем, найденные по ревизии г. тобольским губернатором в 1875 г. делопроизводства 2 уч. Тобольского округа, объявлена благодарность тысяча восемьсот семьдесят седьмого года февраля двадцать третьего дня.

За отлично усердную службу и особые труды всемилоостивейше пожалован орденом св. Станислава 3 степени марта 4-го 1877 г. По постановлению Тобольского окружного правления, состоявшего под августейшим покровительством Ее Императорского Высочества Государыни Цесаревны бывшего общества подания помощи при кораблекрушениях и утопающим, а ныне состоящего под августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы общества спасания на водах, состоял секретарем этого правления с 27 мая 1877 г. по 1 мая 1881 г. Постановлением общего собрания членов Тобольского округа общества подания помощи при кораблекрушениях и утопающим от 11 ноября 1878 г. за особые полезные труды по делопроизводству Тобольского окружного правления этого общества объявлена благодарность.

Назначен начальником 1-го отделения Тобольского общего губернского управления тысяча восемьсот восьмидесятого года марта двадцать третьего. По постановлению г. тобольского губернатора из сумм, высочайше ассигнованных в распоряжение г. генерал-губернатора Западной Сибири, получил в награду 100 руб. тысяча восемьсот восьмидесятого года апреля шестнадцато-

го дня. Таковым же постановлением командирован состоять при губернаторе по случаю отъезда его превосходительства по делам службы в г. Тюмень, в каковой командировке находился с 9 по 14 июня 1880 г. По постановлению Главного управления общества попечения о раненых и больных воинах от 27 августа 1880 г. удостоен высочайше установленного 13 марта 1879 г. знака Красного Креста, в чем и выдано свидетельство от 15 декабря за № 25190. Поручен надзор за состоящими в г. Тобольске типографиями, литографиями, а также заведениями, производящими и продающими принадлежности тиснения, и за книжную торговлю тысяча восемьсот восемьдесят первого года февраля 1-го дня. Постановлением г. тобольского губернатора из сумм, высочайше ассигнованных в распоряжение г. генерал-губернатора Западной Сибири, получил в награду 110 руб. апреля 6-го 1881 г. По постановлению Тобольского окружного правления состоящего под августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы общества спасания на водах и безвозмездное более 4-х лет исполнение должности секретаря этого правления присвоено право на ношение высочайше утвержденного 13 июля 1871 г. серебряного знака этого общества тысяча восемьсот восемьдесят первого года мая четырнадцатого.

Указом Правительствующего Сената от 19 мая 1881 г. за № 59 произведен в титулярные советники со старшинством с тысяча восемьсот семьдесят восьмого года сентября пятнадцатого. Для пользы службы назначен томским окружным исправником тысяча восемьсот восемьдесят первого года мая двадцать второго дня. Положением Томского губернского совета назначен членом особого по крестьянским делам присутствия с оставлением в должности исправника июня тридцатого 1881. За отлично усердную службу и особые труды всемилостивейше пожалован орденом св. Анны 3 степени тысяча восемьсот восемьдесят второго года февраля двадцать шестого. Постановлением высочайше утвержденного строительного комитета для возведения здания Сибирского университета, за представленные в дар для музея университета разные археологические предметы объявлена благодарность комитета мая третьего дня 1882 г. Постановлением г. томского губернатора за деятельное участие по открытию училищ в Нарымском крае объявлена искренняя благодарность июня десятого 1882 г.

Согласно прошению причислен к Томскому общему губернскому управлению сентября одиннадцатого 1882 г. Согласно прошению принят на службу по Енисейской губернии с причислением к общему губернскому управлению тысяча восемьсот во-

семьдесят второго года ноября двадцать четвертого. Назначен чиновником особых поручений Енисейского общего губернского управления без содержания декабря двадцатого 1882 г. Командирован в г. Томск для приема вещей, заготовленных для новобранцев призыва 1882 г. и о выполнении поручения по возвращении из командировки донес г. губернатору рапортом от 4 января 1883 г. за № 2. Поручен разбор и приведение в известность состоящих в депозите г. губернатора по Красноярскому губернскому казначейству разных сумм в количестве 80258 р. 51¹/₄ коп., об окончании какового поручения донес его превосходительству рапортом от 18 февраля 1883 г. за № 3. Назначен чиновником особых поручений общего губернского управления с содержанием тысяча восемьсот восемьдесят третьего года февраля двадцать шестого. Назначен помощником ачинского окружного исправника апреля двадцать третьего 1883 г. По предписанию г. губернатора от 8 июля 1883 г. за № 8955 производил следствие о покраже из пост-пакета, следовавшего с московской почтой, на станции Суловской Мариинского округа почтальоном Фальковым 5279 р. 73 к.

Указом Правительствующего Сената от 14 июля 1883 г. за № 79 произведен в коллежские асессоры со старшинством с тысяча восемьсот восемьдесят первого года сентября пятнадцатого. Постановлением г. енисейского губернатора перемещен для пользы службы помощником енисейского окружного исправника тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года февраля десятого. Исправлял должность енисейского окружного исправника с 11 апреля по 2 июля 1885 г. Согласно прошению причислен к Енисейскому общему губернскому управлению тысяча восемьсот восемьдесят пятого года июля 2-го. Согласно желанию зачислен в штат общего губернского управления и командирован к временному исправлению должности земского заседателя 4 уч. Красноярского округа с производством содержания этой должности, присвоенного тысяча восемьсот восемьдесят пятого года октября восемнадцатого. Постановлением г. губернатора командирован для пользы службы к заведованию 2-м участком того же округа как более трудным тысяча восемьсот восемьдесят пятого года ноября двадцать девятого. Согласно прошению уволен в отставку тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года мая тридцатого. Принят вновь на службу по Енисейской губернии и назначен чиновником особых поручений при общем губернском управлении без содержания, с откомандированием к исправлению должности земского заседателя 2-го уч. Каинского округа июня двадцать второго 1888 г. Постановлением и. д. енисейско-

го губернатора командирован к временному и.д. земского заседателя 1 уч. Енисейского округа августа семнадцатого 1888 г. Утвержден в этой должности тысяча восемьсот восемьдесят девятого года января тридцатого. Причислен к Енисейскому общему губернскому управлению тысяча восемьсот восемьдесят девятого года августа тридцать первого. За истечением определенного 153 ст. III т. Уст. о служб. правит. изд. 1876 г. четырехмесячного срока причисления и неполучением назначения уволен в отставку тысяча восемьсот девяностого года февраля тринадцатого.

Определен согласно прошению в штат Тобольского общего губернского управления с откомандированием для занятий в канцелярии губернского совета по крестьянским делам октября девятого 1890 г. Тобольским губернским статистическим комитетом в заседании 23 декабря 1890 г. избран действительным членом комитета, в чем выдан диплом от 10 января 1891 г. за № 9 тысяча восемьсот девяностого года декабря двадцать третьего.

Назначен редактором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» тысяча восемьсот девяносто первого года июля первого. Определен и.д. чиновника особых поручений Тобольского общего губернского управления с оставлением в должности редактора тысяча восемьсот девяносто второго года января первого. Правлением комитета Тобольского губернского музея, состоящего под августейшим покровительством Государя Наследника Цесаревича, в заседании 12 января 1892 г. избран членом-соревнователем комитета, в чем выдан диплом от 29 марта 1892 г. за № 36 тысяча восемьсот девяносто второго года января двенадцатого. Командирован в помощь председателю Тобольского губернского правления при ревизии последним делопроизводства губернского правления января двадцать третьего 1892 г. Отозван к месту своего служения апреля первого 1892 г.

Предписанием тобольского губернатора от 28 апреля 1892 г. за № 1416 командирован в г. Туринск для производства дознания о причинах пожара, истребившего 26 апреля здание Туринской почтово-телеграфной конторы со всею корреспонденциею и имуществом, каковое дознание по окончании и представил при рапорте от 22 мая за № 39 тысяча восемьсот девяносто второго года апреля двадцать восьмого. Предписанием того же губернатора от 10 июня 1892 г. за № 18 командирован для производства внезапной ревизии Тобольского и Тюменского сиротских судов, о последствиях которой донесено его превосходительству рапортами от 10 июля и 7 ноября за №№ 69 и 93 июня десятого 1892 г. По предписанию г. управлявшего губернией 30 июня 1892 г. за

№ 2250 присутствовал в качестве депутата при сдаче на строящейся тобольско-самаровской колесной дороге инженером Просянниковым казенного имущества июня тридцатого 1892 г. По предписанию г. тобольского губернатора от 23 июля 1892 г. за № 597 участвовал в комиссии по освидетельствованию в селе Вагайском Тобольского округа муки, доставленной по подряду тарским купцом Севастьяновым для населения Ишимского округа тысяча восемьсот девяносто второго года июля двадцать третьего. По предписанию того же губернатора от 1 августа 1892 г. за № 618 участвовал в комиссии по освидетельствованию в Ларихинской волости Ишимского округа табунов лошадей, купленных по распоряжению Особого комитета, состоящего под августейшим председательством Государя Наследника Цесаревича, для пострадавших от неурожая округов Тобольской губернии, о выполнении коего и донес его превосходительству рапортом от 16 августа за № 73 августа первого 1892 г.

Советом состоящего при Императорском Казанском университете общества археологии, истории и этнографии в заседании 21 декабря 1892 г. избран действительным членом общества (сообщ. Совета от 22 декабря 1892 г. за № 621) тысяча восемьсот девяносто второго года декабря двадцать первого.

Предложением г. и. д. тобольского губернатора от 26 декабря 1892 г. за № 8026 командирован в Березовский край для производства дознания о злоупотреблениях по хлебной торговле, об исполнении поручения, при котором было законфисковано 12375 пуд. муки негодной к употреблению, донесено его превосходительству рапортом от 23 января 1893 г. за № 16 декабря двадцать шестого 1892 г. Из сумм, всемилостивейше пожалованных в распоряжение тобольского губернатора за награды чиновникам, получил в награду в 1893 г. 50 руб. По указу Тобольского губернского правления от 20 мая 1893 г. за № 3865 производил дознание о лихоимстве ишимского окружного врача Короткевича тысяча восемьсот девяносто третьего года мая двадцатого. Назначен членом Тобольского окружного по воинской повинности присутствия августа двенадцатого 1893 г.

Согласно прошению уволен в отставку тысяча восемьсот девяносто четвертого года марта двадцать девятого. Согласно прошению определен чиновником особых поручений с содержанием и редактором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» тысяча восемьсот девяносто четвертого года апреля 5-го. Поручено заведование согласно высочайше утвержденным 6 апреля 1865 г. Правилам по делам печати за находящимися в Тобольске типографиями и литографиями, а равно заведениями,

производящими и продающими принадлежности тиснения, и книжною торговлею августа двадцатого 1894 г.

По приговору Енисейского губернского суда 7/15 марта 1891 г. за то, что во время исправления должности земского заседателя 1 уч. Енисейского округа, исполняя возложенное на него поручение о взыскании повинностей натурою, без особого разрешения высшего правительства позволил себе заменить натуральную повинность денежным сбором и, кроме того, приступил к производству следствий по порученным ему уголовным делам несвоевременно, присужден был на основании 1 п. 544 ст. Улож. удалению от службы по суду со взысканием 147 р. 50 к. убытков. В 1894 г. Государь Император согласно Положению комитета для рассмотрения представлений к высочайшим наградам в 25 день октября всемилостивейше соизволил на несчитание вышеозначенной бытности под судом препятствием к получению наград и других по службе преимуществ, кроме знака отличия беспорочной службы и ордена св. Владимира за выслугу лет.

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 24 марта 1895 г. за № 12 произведен за выслугу лет в надворные советники со старшинством с тысяча восемьсот девяносто четвертого года октября двадцать пятого. По случаю введения в Тобольской губернии высочайше утвержденных 1 июня 1895 г. штатов губернского управления оставлен за штатом с правами и преимуществами, указанными в прил. к 177 ст. III т. Уст. о служб. прав. изд. 1876 г. с тысяча восемьсот девяносто пятого года ноября первого. Приказом г. тобольского губернатора от 31 декабря 1896 г. за № 159 поручено исполнение обязанностей редактора неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей», какие обязанности и исполнял в течение 1897 г. до времени прекращения отдельного издания газеты тысяча восемьсот девяносто седьмого года декабря тридцать первого. На основании приказа г. тобольского губернатора от 12 июля 1897 г. за № 88 исправлял в течение 4-х месяцев должность секретаря Тобольского губернского статистического комитета по случаю отпуска секретаря комитета Луговского тысяча восемьсот девяносто седьмого года июля пятнадцатого.

На основании высочайшего повеления 30 января 1897 г. пожалован высочайше учрежденной за труды по первой всеобщей переписи населения 1897 г. темно-бронзовой медали для ношения на груди на ленте из государственных цветов, в чем от министра внутренних дел выдано свидетельство 3 октября 1897 г. за № 088415 октября третьего 1897 г. Назначен старшим чиновником особых поручений при тобольском гу-

бернаторе без содержания ноября первого 1897 г. Поручено наблюдение за находящимися в г. Тобольске типографиями, литографиями, книжными лавками, библиотеками и т. п. заведениями тысяча восемьсот девяносто седьмого года ноября восемнадцатого. Предложениями г. тобольского губернатора от 27 ноября 1897 г. и 13 июня 1898 г. за № 14042 и 5840 был командирован в качестве члена в торговую подвижную комиссию по отдаче в содержание почтовых станций на трактах Тобольской губернии на трехлетие с 1899 г., в каковых командировках находился с 21 января по 8 марта и с 1 июля по 6 сентября 1898 г. По распоряжениям начальника Главного управления почт и телеграфов с разрешения г. министра внутренних дел получил по исполнению означенных выше командировок в подъемное пособие из кредита по 8 ст. 1 почтово-телеграфной сметы 245 р. (27 авг. 1898 г. 125 р. и 14 дек. т. г. 120 р.). Получил серебряную медаль на александровской ленте в память императора Александра III 1898 г. Свидетельством тобольского губернатора от 15 мая 1898 г. за № 157 предоставлено право рассмотрения архивных описей и пользования архивными делами с научными целями в архивах Тобольском губернском и городских и окружных полицейских управлений и волостных правлений Тобольской губернии тысяча восемьсот девяносто восьмого года мая пятнадцатого. Предложением того же губернатора от 22 мая 1898 г. за № 167 на основании отзыва тобольского епархиального архиерея (№ 1697) предоставлено право пользования с теми же целями архивными делами Тобольской епархии. Приказом г. тобольского губернатора от 31 августа 1898 г. за № 99 поручено исполнение обязанностей вакантной должности секретаря Тобольского губернского статистического комитета с оставлением в должности старшего чиновника особых поручений тысяча восемьсот девяносто восьмого года сентября первого.

Письмом совета общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете от 19 февраля 1899 г. за № 653 за доставление обществу трудов своих по истории Сибири объявлена искренняя признательность девятнадцатого февраля тысяча восемьсот девяносто девятого года. Приказом г. тобольского губернатора от 9 марта 1899 г. за № 289 командирован в г. Курган для производства дознания о непринятии местною полицией и акцизным надзором мер по прекращению беспатентной виноторговли, дознание представлено его превосходительству при рапорте от 24 марта за № 10 тысяча восемьсот девяносто девятого года марта девятого.

По поручению Его Императорского Высочества августейшего председателя Русского генеалогического общества великого князя Георгия Михайловича письмом правления общества от 11 апреля 1899 г. за № 252 уведомлен, что 27 марта того года избран в члены-сотрудники общества 27 марта тысяча восемьсот девяносто девятого года.

Предложением г. тобольского губернатора от 28 апреля 1899 г. за № 455 командирован в г. Ялуторовск для производства дознания о беспорядках по денежной отчетности Ялуторовского полицейского управления и других учреждений за время службы окружного исправника фон Зигер-Корна, произведенное дознание о растрате фон Зигер-Корном казенных и общественных сумм 6447 р. 3 $\frac{1}{4}$ к. и неправильных расходах тех же сумм 1482 р. 70 к. (в семи томах) представлено в Тобольское губернское управление при донесении от 26 января 1900 г. за № 355 тысяча восемьсот девяносто девятого года апреля двадцать восьмого. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 19 мая 1899 г. за № 34 (по ведомству Министерства внутренних дел) произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с тысяча восемьсот девяносто восьмого года октября двадцать пятого. Командирован в путевую канцелярию при поездке губернатора в Туринский уезд по делам службы тысяча восемьсот девяносто девятого года августа шестнадцатого.

Во 2-й день декабря 1899 г. за отлично усердную и ревностную службу и особые труды всемилостивейше пожалован орденом св. Станислава 2 степени декабря второго 1899 г. Предложением г. тобольского губернатора от 12 июня 1900 г. за № 3259 командирован в г. Тюмень для производства дознания о причинах истребления пожаром здания тюменской пожарной команды, дознание представлено его превосходительству при рапорте от 26 июня за № 365. Распоряжением г. тобольского губернатора от 14 октября 1900 г. на основании циркуляра г. министра внутренних дел от 22 мая 1900 г. за № 3059 назначен в число лиц комиссии по разбору и уничтожению старых дел архива губернского управления тысяча девятисотого года октября четырнадцатого.

Из сумм, ассигнованных Министерством внутренних дел, на основании высочайше утвержденного в 12-й день апреля 1899 г. журнала комитета о службе чинов гражданского ведомства, получил в награду 60 руб. Предписанием г. начальника губернии от 18 октября 1900 г. за № 9515 командирован в качестве члена в торговую подвижную комиссию по отдаче в содержание почтовых станций на трактах Тобольск—Березов и Самарово—Сургут на трехлетие с 1902 г., в каковой командировке находился с 23

января по 22 февраля 1901 г. Приказом г. тобольского губернатора от 23 января 1901 г. за № 8 назначен младшим чиновником особых поручений с содержанием, с освобождением от и. д. секретаря губернского статистического комитета с 1 февраля того же года. Предписанием г. тобольского губернатора от 3 февраля 1901 г. (№ 106) командирован в село Обдорское Березовского уезда для производства дознания о неправильных действиях станового пристава Матиясевича при секвестре вина у крестьянина Филинова, в командировке находился с 23 февраля по 8 марта и произведенное дознание представил его превосходительству при рапорте от 12 марта за № 370 тысяча девятьсот первого года февраля третьего.

Высочайшим приказом 7 марта 1901 г. утвержден в звании директора Тобольского губернского комитета попечительного о тюрьмах общества (74 ст. Уст. о сод. под стр. изд. 1890 г.) тысяча девятьсот первого года марта седьмого. По распоряжению г. тобольского губернатора получил в пособие из свободных остатков сумм типографии Тобольского губернского управления 60 руб. марта десятого 1901 г. Предписанием и. д. тобольского губернатора от 13 марта № 3052 командирован совместно с врачом инспектором в Тюкалинский уезд для ближайшего ознакомления местных органов с указаниями его превосходительства по организации врачебно-санитарной и продовольственной помощи населению, пострадавшему от неурожая 1900 г., сведения об исполнении поручения представлены его превосходительству в телеграммах от 20 марта (№№ 156 и 163) и рапортах 29 и 30 марта (№№ 376—378) тысяча девятьсот первого года марта тринадцатого.

По предписанию и. д. тобольского губернатора 1 апреля 1901 г. № 184 по случаю командировки секретаря губернского статистического комитета Ушарова исполнял обязанности секретаря комитета с 1 апреля по 6 мая. По резолюциям тобольского губернатора ... мая командирован в г. Тюмень для производства дознаний: а) о нанесении увечий чинами тюменской полиции арестанту Зашиловскому и б) о злоупотреблениях по службе полицейского надзирателя Дубинина, каковые дознания представил в Тобольское губернское управление при рапортах от 6 и 22 июня за №№ 404 и 408. По предложению Тобольского губернского управления от 24 мая 1901 г. за № 432 производил дознание о злоупотреблениях по службе бывшего полицейского пристава 3 ч. г. Тобольска Вишневского, каковое дознание представлено г. тобольскому губернатору 24 мая 1901 года. Приказом тобольского губернатора от 26 июня 1901 г. за № 80 командирован в

качестве члена в состав подвижной торговой комиссии по сдаче в содержание почтовых станций Тобольской губернии на трехлетие с 1902 г., из каковой командировки возвратился 7 октября.

По распоряжению г. тобольского губернатора от 8 ноября 1901 г. возложено заведование делопроизводством и бухгалтериею по церковно-школьным сооружениям Тобольской губернии на средства фонда имени императора Александра III, какое продолжалось до увольнения в отставку. По предложению того же управления 20 мая 1902 г. (№ 16977) производил дознание о распутной жизни пристава 1 уч. Ишимского уезда Улыбина, каковое дознание представлено г. тобольскому губернатору от 1 июня того же года за № 419. По предложению того же управления от 22 июня 1902 г. (№ 21313) производил дознание по жалобе полицейского надзирателя г. Тары Дробышевского на притеснения его исправником Гибедо, каковое дознание представлено г. тобольскому губернатору при рапорте от 5 июля того же года за № 429. По словесному приказанию г. тобольского губернатора производил дознание о нетрезвой жизни помощника пристава 3 ч. г. Тобольска Блинова и представил таковое его превосходительству при рапорте от 1 сентября того же года за № 433. По секретному предложению г. тобольского губернатора от 27 октября 1902 г. (№ 40) поручен осмотр существующих в г. Кургане библиотек, читален и т.п. заведений, действующих по правилам 175 ст. Уст. о ценз. и печати, и 7 постановленных по сему предмету актов представил его превосходительству при рапорте 15 ноября того же года за № 435. По журналу Тобольского губернского управления 30 апреля 1903 г. поручено производство дознания по жалобе крестьянина Богатырева на нанесение отцу его тобольским исправником Нагайбаковым побоев. Дознание представлено в управление 10 мая за № 445. Командирован на два месяца в помощь чиновнику канцелярии комитета министров коллежскому асессору Тарасову для оказания содействия при осмотре им в Тобольской губернии церквей и школ, сооружаемых на средства фонда имени императора Александра III, тысяча девятьсот третьего года августа двадцать третьего. По распоряжению и. д. тобольского губернатора производил дознание по жалобам на полицейского надзирателя Кублицкого, каковое и представил 10 декабря 1903 г. за № 481.

Уволен от службы согласно прошению по болезни тысяча девятьсот четвертого года января девятого. В походах против неприятеля не был, приговором Енисейского губернского суда, изложенным в сообщении того суда г. енисейскому губернатору от 7 мая 1891 г. за № 3451, состоявшимся по совокупности, оп-

ределено: «бывшего земского заседателя 1 уч. Енисейского округа коллежского асессора Евгения Васильева Кузнецова, подвергнутого приговором Енисейского губернского суда 7 марта 1890 г., состоявшимся за допущенную им замену натуральной повинности особым денежным сбором на основании 1 ч. 544 ст. Улож., удалению от службы по суду со взысканием 147 руб. 50 к. убытков, по совокупности с приговором того же губернского суда 15 марта 1890 г. состоявшимся, коим означенный Кузнецов за неначатие по нерадению следствия по уголовным делам, при имении к тому достаточных оснований, за невысылку первой почтой дела, следующего к немедленному отправлению, подвергнуть на основании 1 ч. 429 ст. 6 п. 416, 152 ст. Улож. девятимесячному вычету из времени его службы, этому последнему наказанию не подвергать». Из предложения г. министра внутренних дел от 5 ноября 1894 г. за № 15500 видно, что Государь Император согласно Положению комитета для рассмотрения представлений к высочайшим наградам в 25 день октября всемилостивейше соизволил на несчитание Кузнецову бытности его под судом препятствием к получению наград и других по службе преимуществ, кроме знака отличия беспорочной службы и ордена св. Владимира за выслугу лет.

В отпусках был: в 1894 г. на один месяц и 18 дней и в 1885 г. на 28 дней, в срок являлся. В отставке был с 30 мая по 22 июня 1888 г., с 13 февраля по 9 октября 1890 г. и с 29 марта по 5 апреля 1894 г.

Женат вторым браком на Иулиании Федоровой, православного вероисповедания, от первого брака имеет сына Николая, родившегося 9 сентября 1873 г. В удостоверение сего и выдан сей аттестат из Тобольского губернского управления за надлежащей подписью и приложением казенной печати. Документ этот гербовым сбором оплачен.

Марта 4 дня тысяча девятьсот четвертого года.

Губернатор
Старший советник

Публикация Т.Ю. Коклягиной.

Кто были первые строители Тюмени (Генеалогическая заметка)*

История постройки за Уралом после погрома Ермака водами из Москвы Василием Сукиным и Иваном Мясным первого русского города в Сибири известна из сибирских летописей и «Описания» Миллера. Быть может, в планы любопытного академика входили и родословия строителей сибирских городов, но ему, как известно, всякие занятия генеалогией были запрещены, и строго объявлялось, чтобы «ни в какия родословныя исследования, даже и партикулярных людей, без особливаго на то указу, не вступать»¹. То было жестокое время, в оправдание которого теперь можно сказать разве то, что приведенное распоряжение относится к 1748 году, т.е. более чем полтора века назад. Зато благодаря безграничному режиму старинных чудодеев мы и доньше о некоторых боярских родах и множестве родов дво-

рянских не знаем ровно ничего или знаем очень мало, довольствуясь лишь случайными отрывками.

То же самое приходится сказать и о родах строителей Тюмени Сукина и Мясного, происхождению которых посвящается настоящая заметка.

Род Сукиных, называвшихся иногда Сукавыми, — существуют указания — восходит к концу XV века. Однако происхождение Сукиных, как говорит В.О. Ключевский, неизвестно по старым родословным. Но известно, что Иванец и Семен Ивановы, по-видимому, отец и брат боярина и канцелярия Федора Ивановича Сукина, были дети боярские в конце княжения Ивана III. Федор Иванович Сукин не раз ездил при Грозном в Литву с дипломатическими поручениями, а другой брат его, Борис, служил дьяком, потом печатником и судьей Разбойного приказа, нося, по-видимому,

* Печатается по рукописи, хранящейся в РГАЛИ. Ф. 1235. О. 1. Ед. хр. 161. Лл. 15–20. — Вывезена из Тобольска в 30-е гг. XX в. И.С. Абрамовым и продана в фонды рукописного отдела Государственного литературного музея (ныне РГАЛИ). — *Прим. издателя.*

¹ Русск. Стар. 1896. Т. 87 (сент.). С. 626.

чин думного дворянина: в сборном акте 1566 г. он «у бояра в суде», чем был прежде А. Адашев.

По тем же сведениям Елка Сукин при Иване III служил дьяком дворцовым, а какой-то Салтан Сукин в 1547 г. был пошлинником в Опочке²; Михаил Сукин (в монашестве Мисаил) в 1533 г. участвовал при пострижении в монашество вел. князя Василия Ивановича и находился при кончине его, а в 1560 г. принимал участие в суде Адашева и Сильвестра³.

По другим источникам мы знаем, что у Федора Ивановича Сукина была дочь Степанида, состоявшая в замужестве за одним из знатнейших вельмож и ближним родственником царицы Анастасии Романовой кн. Иваном Петровичем Яковлевым-Хироном из рода Кашкиных, а у Бориса Ивановича Сукина сын Василий, строитель Тюмени, и дочь Прасковья, бывшая замужем за князем Данилом Борисови-

чем Приемковым-Ростовским⁴.

Приведенные сведения хотя и отрывочны, но с точностью определяют общее происхождение Сукиных от детей боярских, что подтверждает и одна из рукописей Публичной библиотеки. Там при описании переезда в Вильну княжны Елены Иоанновны, просватанной в 1495 г. за литовского князя Александра Казимировича, определенно сказано: «а с нею пошли бояре князь Семен Ряполовской, да Михайло Русалка... а детей боярских... Семен Конодырь Иванов сын Сукава»⁵.

Таким образом, строитель Тюмени Василий Борисович Сукин был сын известного в свое время дьяка, печатника и судьи Разбойного приказа Бориса Ивановича Сукина, племянник не менее известного царского казначея Федора Ивановича Сукина и внук ясельничего Ивана Ивановича Сукина; родословная же его может быть представлена в таком виде:

² Боярская дума Древн. Руси. М., 1882. С. 400. Указаны: Сб. Р. Ист. общ. Т. 35. С. 123, 164 и 340. Пол. собр. лп. Т. IV. 308. Акты Истор. I. С. 211 и др. Опочка — уез. город Псковской губ.

³ Карамзин. VII, 103 (пр. 321 и 331); IX, 6 (пр. 37).

⁴ Лихачев Н. Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков. Изв. генеал. общ. В. I. 1900. С. 117–119. Степанида Федоровна похоронена у западной стены Новоспасского монастыря; надгробный памятник ее замечателен тем, что на нем сверху висит двуглавый орел с опущенными крыльями, без корон. Мартынов А. Русская достопамятность. Т. 4. М., 1883. С. 49.

⁵ Бычков А.Ф. Описание рукописей Публичн. библиотеки. Ч. I. СПб., 1882. С. 299–301.

Иванец, ясельничий из боярских детей

Семен Конодырь

Федор, казначей

Борис, дьяк-печатник

Степанида

Прасковья, Василий

Брак Степаниды Федоровны, сродной сестры Василия Борисовича, не был, однако, счастливым: муж ее И.П. Яковлев-Хирон во время опалы в 1571 г. был засечен⁶. Зато родство с князьями Ростовского дома, к числу которых принадлежали Приимковы-Ростовские, не могло не влиять на возвышение Сукиных в тогдашней московской знати⁷.

Известно, что численное преобладание в боярской думе XVII в. оставалось за членами родовитых фамилий, но многие из этих фамилий, если не большинство, были младшие ветви тех, которые господствовали в боярском совете XVI века. По книгам Разрядного приказа можно представить себе обычную служебную карьеру родовитого человека XVII в. Лет 10 его берут во дворец: он стольничает у царицы. Достигнув 15 лет, «недоросль» становится служителем «новиком». Его берут с царицой половины и определяют в царский чин, или штат, назначают или в стольни-

ки, или в спальники к царю, спят у него «в комнате», раздевать и раздевать его. Камерпаж государыни превращается в камерпажа государя. Эта служба в государевой комнате на весь век дает ему почетное звание ближнего, или комнатного, человека. Из спальников его жалуют, смотря по степени его знатности, в дворяне московские, или стольники. Но были жалобы, что царь многих возводит «не по разуму их, но по великой породе, а многие из них грамоте не учатся и не студерованные». Между тем приток в думу дельцов с иной, не боярской подготовкой к делам с каждым десятилетием XVII в. усиливался. Эти люди проникали туда преимущественно чрез финансовое и дипломатическое ведомства, и некоторые из них достигали боярства⁸. Таким был и Федор Иванович Сукин и другие.

На службе в Сибири, или при строительстве Тюмени, Василий Борисович так же, как и товарищ его Иван Мясной, пос-

⁶ Карамзин. IX. С. 110.

⁷ Парасковья Борисовна, умершая в 1582 г., была второй супругой Д.Б. Ростовского; сам же Д.Б. скончался в 1604 г. Изв. Генеал. об. I, 117. Это был отец тюменского воеводы Алекс. Данилов. Приимкова-Ростовского (1601–1602). Из этой же ветви рода кн. Ростовских был и томский воевода Иван Наумович Приимков-Ростовский.

⁸ Боярская дума. С. 397, 400, 402 и др.

ле 1586 г. оставался недолго, так как Тюмень достраивалась другими воеводами.

С возвращением в Москву карьера Василия Борисовича пошла быстрее даже предков его. Так, в июне 1599 г. он был послан царем Борисом в Швецию с пленниками для размена. В 1604 г. он был уже думным дворянином и начальником большого прихода, департамента неокладных сборов в Министерстве финансов⁹. Затем мы встречаем Василия Борисовича в числе деятелей Смутного времени: в 1608—1610 гг. он, будучи воеводой в войсках с князем Прозоровским, разбил под Коломною пана Хмелевского, в 1609 г. вблизи Москвы потерпел и сам поражение, будучи разбит отрядом разбойника Салкова, из отряда Лжедмитрия¹⁰. В 1610 г. думный дворянин Сукин был назначен в число послов к Сигизмунду, чтобы вручить хартию Владислава избрания и участвовать в боях с мятежниками¹¹.

Многие из Сукиных служили в стольниках и бывали воеводами. Александр Яковлевич Сукин (1764—1837), генерал от инфантерии и генерал-адъю-

тант, был членом Государственного Совета, сенатором и комендантом Петербургской крепости.

Род Сукиных внесен в VI ч. родословной книги Новгородской и Ярославской губерний.

О роде Ивана Мясного, второго строителя Тюмени, мы не можем сказать более того, что говорят энциклопедические словари.

Мясные, или Мясново, — дворянский род, происходит от Семена Федоровича Ковылы-Вислова, выехавшего из Литвы к великому князю Василию Дмитриевичу в Москву, а оттуда к вел. князю Олегу Рязанскому. Сын его Семен был боярином при Василии Темном, а правнук Иван и сын последнего Федор Иванович Сунбул (родоначальник Сунбуловых) — боярами в Рязани. Потомок того же Семена Ковылы-Вислова в восьмом колене, Иван Федорович Сумин по прозвищу Мясной, был родоначальником Мясных¹².

Род Мясных внесен в VI ч. родослов. книги губ. Тульской, Тамбовской, Харьковской и Рязанской.

Кузнецов-Тобольский.

⁹ Карамзин. XI, пр. 51.

¹⁰ Карамзин. XII. С. 81 и 104.

¹¹ Карамзин. XII. С. 148 (пр. 435).

¹² Брокгауз и Ефрон. Энцикл. слов. XX. СПб., 1897. С. 344; XXXII. 1901. С. 74.

Что раньше? Курица или яйцо?

С философией у меня всегда было худо. Университетский диамат стоил мне нескольких пересдач ради художочной удовлетворительной отметки в зачетке. И, может быть, автор этих строк никогда бы не возвратился к философскому вопросу, если бы...

Этим Бы стала книга Е. Галкиной¹ «Поставиша град Тюмень...»². Перелистав шикарно иллюстрированную книгу, наткнулся на явные ошибки. Удивило, что Словоцов был назначен директором Александровского реального училища в 1897 г. (С. 66, 68). Да, в дате представлены местами цифры «7» и «9». А поскольку это случилось дважды, понимаешь, что при корректуре привели дату к единообразию. Не зная, когда на са-

мом деле это случилось, и не заботясь о собственном знании. Вопрос возник сам собой: «Ошибка начинает тиражироваться или уже откуда-то слизана?».

Что перед нами? Курица или яйцо, из которого обязательно проклюнется цыпленок?

Мы уже останавливались в одном из номеров журнала на разборе книги Е. Коноваловой «Книгоиздание Тобольской губернии»³, в которой содержится масса ошибок. Но неиссякаемое желание цитировать вышеназванное издание сродни страсти наркомана:

¹ Думаю, что она вряд ли даже однофамилица художника Галкина, статья о творчестве которого помещена на С. 96–107 данного журнала. Единственное, что их объединяет, на мой взгляд, это термин — наивное искусство. Уж больно наивное представление у авторессы о прошлом города. А учитывая, что тексты в книге в основном принадлежат другим авторам, то Е. Галкина скорее составитель, нежели автор. И место для ее имени — отнюдь не в верхней части книги.

² Е. Галкина. «Поставиша град Тюмень...». Тюмень: Изд-во «Лаконика», 2003. 160 с. — Мы не будем останавливаться на достоинствах и просчетах книги. Нам обещана рецензия к следующему номеру. Так что читайте «Лукич». Ч. 3.

³ Ю. Мандрика. Иногда я напоминаю себе «Фиалку» // Лукич. 2002. Ч. 3. С. 147–156.

«Типична в своем трагизме судьба крупнейшего издателя Тюмени А.М. Афромеева. Его газету «Ермак» в 1917 обвинили в выступлении против Временного правительства и закрыли, самого А.М. Афромеева выслали из Тюмени. Через некоторое время он возобновил издание, но в марте 1918 газету обвинили теперь уже в критике «крайне левых течений революционной демократии» [Коновалова 2002: 73] и снова закрыли. В 1920 году Афромеев, лишившись своего дела, умер вдалеке от родного города»⁴.

Весь абзац взят из статьи заведующей кафедрой отделения журналистики Тюменского государственного университета, занимающейся и историей печати. То, что автор имеет смутное представление о кончине «Ермака» — это еще полбеды. Хуже того, О. Петрова не умеет еще и читать. Ибо у Е. Коноваловой написано нечто совсем иное, да к тому же и не совсем правда.

«Ермак» был продан товариществу «Свободное слово» в апреле 1917 г., поэтому никак не мог быть закрыт в 1918 г.

Кстати, в «Календаре дат и событий из истории печати

Тюменской области»⁵, изданном в виде еженедельника, на развороте 1–7 декабря 2003 г. также напечатано: «В 1911 г. началось издание газеты «Сибирский торговый посредник». Газета издавалась 2 раза в день большим и малым форматом⁶. В дальнейшем газета переименовывалась и называлась: «Ермак», «Свободное слово».

Поэтому когда О. Петрова вторит Е. Коноваловой: «Свободное слово», ранее «Ермак»⁷, она как теоретик не готова ответить на следующий вопрос: «Если газета перешла от одного хозяина к другому, изменив при этом название и коллектив сотрудников, то является ли новое издание потомком предыдущего? Если «да», то почему?».

Вот здесь и разберись, какой курице принадлежат яйца.

Все просто: Афромеев продал типографию, но не газету. В последнем номере «Ермака» читателей-подписчиков поставили в известность, что вместо «Ермака» они будут получать «Свободное слово». Очевидно, таково было условие сделки. Да и новой газете имеющийся уже подписчик не был лишним...

⁴ О. Петрова. Проблема периодизации истории журналистики Тюменского региона: 1917–1991 // Город как культурное пространство. Тюмень, 2003. С. 169.

⁵ Издан Тюменским издательским домом. Автор проекта, составитель и редактор И. Кнапик.

⁶ Ой, неправда ваша! См. подробнее: Ю. Мандрика. Пять лет жизни города в газетных подшивках // Лукич. 2002. Ч. 2. С. 3–8.

⁷ О. Петрова. Проблема периодизации истории журналистики Тюменского региона: 1917–1991 // Город как культурное пространство. Тюмень, 2003. С. 174.

Кстати, О. Петрова допускает достаточно много неточностей. Ее утверждение, что в 1917 г. между двумя революциями существовали ведомственные многотиражки (С. 168), некорректно. Само понятие «многотиражная пресса» появилось в Стране Советов почти одновременно с такой реалией, как стенная газета. И когда оказалось, что для большого предприятия мало одного экземпляра, стенную газету начали тиражировать, называя «многотиражкой».

Не совсем точно мнение, что в «Нарьяна Нгэрм» (sic! — именно так пишется по-ненецки название газеты «Красный Север»)»⁸ «печатались материалы на ненецком языке».

Первые два года издание было русскоязычным. В 1933 г. было «лишь 0,8 процента грамотных ненцев и ханты к общему количеству туземного населения округа»⁹. В таких условиях газета на ненецком вряд ли была бы востребована. И лишь с 1933 г. на страницах ямальской газеты стали появляться заметки на ненецком и хантыйском. При этом подача материала была различной: дублирующей, дублирующе-параллельной и оригинальной...

Чтобы говорить о периодизации, не зная истории вопро-

са, как мне кажется, надо сильно обнаглеть... Или быть просто студентом...

Но первоисточник сотворен. Сколько человек, верящих в силу печатного слова, воспользуются текстом недобросовестного автора? Вот это страшно, а отнюдь не «просто» безграмотность последнего.

* * *

Вышел очередной, 16-й выпуск «Ежегодника Тюменского областного краеведческого музея». Издание поменяло не только свое лицо с бумвинильного с фольгой на многокрасочное, но и название. «Землю тюменскую» читать теперь будем. На дорогой бумаге (правда с едва видимым оттиском шрифта), с цветными иллюстрациями (хотя современную архитектуру торгового центра в Красноярске никакие краски не улучшат)... Можно было бы сказать: «Время перемен». Да вот язык не поворачивается. Уж сильно многие тексты вторичны. Иногда это просто пересказ прочитанного в других книгах, а отнюдь не разыскания в архивах или в собственном музее.

Очень любопытна для автора этих строк публикация Е. Бушарова «Страницы биографии ссыльного журналиста П.А. Рогозинского (1843–1922 гг.)».

⁸ О. Петрова пишет «Нарьяна Нгрэм» (Там же. С. 172).

⁹ Нарьяна нгэрм. 1933. №23.

¹⁰ См.: Ю. Мандрика. Структура двуязычного издания: На материале газеты «Нарьяна Нгэрм» // Идеологическое обновление многонациональной советской прессы: вопросы теории и практики. Уфа, 1989. С. 56–57.

В одном из предыдущих номеров журнала мы сделали подборку материалов под рубрикой «Материалы к биографии П.А. Рогозинского»¹¹. Они небезынтересны сегодня, когда пересматриваются советские идеологемы и мифы. И здесь как нельзя более кстати первоисточник. Таким и является публикация в «Кронштадтском вестнике».

Непонятен пассаж Е. Бушарова: «Сравнительный анализ публикаций и архивных материалов...»¹². Это некая попытка всю информацию скрестить и получить среднее арифметическое. Но, сравнивая публикации В. Копылова и «Кронштадтского вестника», ничего нового получить нельзя: источники по степени достоверности разные. Более того, мичуринский метод позволил сделать немотивированный вывод о ссылке кронштадтского журналиста в Ялуторовск: «Скорее, именно разоблачительная статья Рогозинского явилась причиной, вследствие которой началась работа по выявлению преступлений». И далее просто чудное подтверждение предыдущей мысли: «К сожалению, найти эту разоблачительную статью исследователям биографии П. Рогозинского пока не удалось» (Там же. С. 221).

Встречаемся нечаянно. Задаю еще один риторический

вопрос: «А ты, Женя, искал ее? Ты хотя бы «Кронштадтский листок» листал? Или снова перед «Лукичом» поставлена задача поехать, найти и т.д.».

Излагая биографию П. Рогозинского, автор так и не смог четко сформулировать: когда же работал П. Рогозинский редактором «Кронштадтского вестника». Правда, ответ на этот вопрос уже существует в справочнике Н. Лисовского «Библиография русской периодической печати: 1703–1900». Не знать о книге Лисовского может только дилетант! Система доказательств в статье заставляет усомниться в необходимости публикации ее в «Ежегоднике ТОКМ»...

Не будем убиваться по поводу дурацкой стилистики статьи. Но некоторые фразы срывают наповал: «Ю.Л. Мандрика был первым, кто после революции опубликовал в журнале очерк...» (Там же. С. 218). Простите, но ни одного ни другого Лукича до революции не было...

* * *

Философы Ларины объяснили, что проблема курицы и яйца достаточно сложна. Ибо они существуют почти одновременно.

Моя знакомая возразила: «Нет, раньше, конечно, курица, — и, подумав немного, добавила. — Я даже знаю эту курицу!»

¹⁰ Материалы к биографии П.А. Рогозинского // Лукич. 2002. Ч. 4. С. 67–106.

¹¹ Е. Бушаров. Страницы биографии ссыльного журналиста П.А. Рогозинского (1843–1922 гг.) // Земля тюменская: Вып. 16. Тюмень, 2003. С. 218.

Н.М. Чукмалдин и тюменское старообрядчество

Не правда ли, история иногда предстает перед нами в виде мозаики, невероятного, подчас причудливого нагромождения событий, действий, эмоций, фамилий, дат, чисел, личностей и пр., которые порой, кажется, совершенно невозможно сложить в более или менее удобоваримую картину. Это касается не только малоизвестных или малоизвестных событий и личностей, но и значимых, пусть даже на локальном уровне, персонажей. Ну кому из тюменцев, например, не знакомо имя Николая Мартемьяновича (да простят меня читатели и уважаемый Ю.Л. Мандрика, но я буду пользоваться «просторечной», но более привычной формой написания отчества) Чукмалдина? Кажется, только ленивый о нем что-нибудь не написал. Как оказалось, лень бывает разная. Исследовательская заключается в том, что порой мы довольствуемся тем, что есть под рукой, не удосуживаясь проверить сведения источника или выяснить те или иные «темные» моменты. Поэтому когда возникает проблема, требующая подробных знаний о том

или ином событии или человеке, то на самом деле оказывается, мы мало что знаем о нем конкретного. Следуя по пути наименьшего сопротивления, мы воспроизводим из одной публикации в другую общеизвестные банальности, мифы и, того хуже, недостоверные сведения и довольны — так написано в источнике!

Примерно это и произошло с персоной Н.М. Чукмалдина. Его жизнь, благотворительную деятельность, публицистику мы воспринимаем как изначальную данность, устойчивую и неизменную. Но стоило только пытливому и непоседливому «Ю.Л. Мандр и К^е» затеять празднование круглой даты со дня рождения известного тюменца, как оказалось, что многое, очень многое в его биографии для нас «темный лес». Мы осмотрим только одну «поляну» — отношения Н.М. Чукмалдина и местного старообрядчества. В жизни Н.М. Чукмалдина оно занимало очень важное место. Самые теплые и светлые детские воспоминания Николая Мартемьяновича связаны с первым учителем Артемием Степановичем

Скрыпой. Несмотря на то что в своих воспоминаниях Н.М. неоднократно оговаривает свою «мирскую», «никонианскую» принадлежность, тем не менее, следует признать, что старообрядческие морально-этические нормы оказали решающее влияние на формирование его личности. Трепетное отношение к прошлому, историческим и культурным памятникам, полное неприятие алкоголизма и курения, всемерная забота о просвещении земляков, взаимопомощь — все это черты, характерные для старообрядческой буржуазии середины—второй половины XIX и начала XX веков.

Имя Николая Мартемьяновича Чукмалдина тесно связано с историей Тюменского областного краеведческого музея и его книжного собрания, имеющего в своем распоряжении экземпляры редчайших изданий Ш. Фиоля, Ф. Скорины, И. Федорова, Московского печатного двора XVI—XVII вв.

Факт покупки у И.Я. Слоцова естественно-исторической коллекции и передачи ее в музей Александровского реального училища общеизвестен и хрестоматиен. Хотя, как показали недавние исследования Ю.Л. Мандрики, С.Н. Кубочкина, В.А. Чупина, хрестомати-

ный факт покоится на некоторых мифических основаниях. Во всяком случае, стало известно, что незадолго до смерти мецената еще велись переговоры об условиях передачи коллекций¹.

Туманом овевая история коллекции и особенно книжной части. Когда она поступила в музей, какова история появления книг в собрании Чукмалдина, в каком количестве и составе она была передана — до сих пор неизвестно. В каталог музея реального училища, опубликованный в начале XX в., книги не внесены, поскольку являлись частью библиотечного фонда. В советское же время библиотека училища была распределена между различными учреждениями — музеем, архивом, педагогическим институтом и библиотекой. Часть коллекции затем погибла, в том числе часть, находившаяся в библиотеке института/университета².

С книжным собранием областного музея в свое время работал Н.Н. Покровский. В 1975 г. он опубликовал краткую охранный опись. В 80-х — начале 90-х гг. XX в. часть собрания описали сотрудники Лаборатории археографических исследований УрГУ. Первая же попытка выделить собственно чукмалдинское книжное собрание была

¹ Мандрика Ю.Л. О московском периоде Чукмалдина // Лукич. 2001. №4. С.17, 216. Любопытного читателя могу отослать к 4 номеру «Лукича», почти полностью посвященному известному земляку.

² Чупин В.А. Книги из собрания Чукмалдина // Там же. С.18–41

сделана В.А. Чупиным. В 2001 г. он опубликовал список из примерно пятисот книг, имеющих опознавательные знаки — экзелибрисы или оттиски штампов библиотеки Н.М. Чукмалдина. В это краткое описание вошли книги из собраний краеведческого музея, университета и областной научной библиотеки³. Поскольку описание создано преимущественно на основе учетных документов, то оно оказалось неполным.

В настоящее время сотрудниками Тюменского областного краеведческого музея ведется работа по составлению каталога чукмалдинских предметов из фондов музея. Просмотр книжного собрания *de visu* показал, что список действительно не полон, как и предполагал В. Чупин. Поскольку обработка коллекции еще не завершена, то говорить о конечных результатах преждевременно, но предварительные работы позволяют пролить свет на некоторые неизвестные факты из жизни известного купца, предпринимателя, мецената, путешественника, журналиста и писателя.

Один из известных, но неисследованных фактов, который тесно связан со становлением личности Николая Мар-

темьяновича и всей его дальнейшей жизнью, — отношения со старообрядцами. След, который оставило старообрядчество в судьбе Чукмалдина, в достаточной мере не выяснен, но, несомненно, глубок. Чукмалдинский биограф начала XX в. П.М. Головачев, который, очевидно, имел возможность работать с архивом купца⁴, писал, что «весь духовный строй семьи Ч. сложился под непосредственным влиянием той атмосферы старообрядчества, которым была пропитана вся духовная жизнь Кулаковой. ...В зрелом возрасте и преклонных летах Н.М. Чукмалдин всегда интересовался миром старообрядчества, был в сношениях со многими представителями этого мира»⁵.

Самые теплые страницы своих воспоминаний Николай Мартемьянович посвятил своему детству, родителям и первому учителю, наставнику общины старообрядцев филипповского согласия деревни Кулаковой Артемию Степановичу Лазареву по прозвищу Скрыпа.

Надо полагать, что Николай Мартемьянович поддерживал связи не только с Артемием Степановичем (до самой кончины последнего в 60-х гг. XIX в., об этом есть прямые упоми-

³ Чупин В.А. Книги из собрания Чукмалдина // Лукич. 2001. №4. С.18–41

⁴ В частности, например, говоря о литературных дарованиях Чукмалдина, он упоминает в биографии о рукописи сказки о Глинышке и Бабе-Яге. См.: Чукмалдин Н. Мои воспоминания. Тюмень, 1997. С. 365

⁵ Чукмалдин Н. Мои воспоминания. С. 346–347.

нения в мемуарах Чукмалдина), но и с другими представителями тюменского старообрядчества, в частности, с известным книжником и авторитетным наставником Варсонофием Ивановичем Макаровым.

Сейчас в нашем распоряжении нет прямых и неопровержимых доказательств существования таких связей, но некоторые факты позволяют косвенно о них судить.

Так, в сборнике смешанного состава второй половины XIX в. из чукмалдинской коллекции сотрудницей Тюменского краеведческого музея М.Э. Волковой было обнаружено письмо, адресованное Николаю Мартемьяновичу. Письмо писано гражданской скорописью, на 14 листах в восьмую долю листа и датировано 10 мая 1880 г. Год указан арабскими цифрами, но по летоисчислению от сотворения мира (7388). На л. 14 другим почерком неверно указана дата 1878 г. Письмо содержит критический разбор статьи ано-

нимного автора в газете «Русские ведомости» за январь 1880 г. о женском вопросе в расколе⁶. Как оказалось, копия этого письма есть в сборнике №14/74 из известного комплекса старообрядческого книжника В.И. Макарова, хранящегося в собрании Института истории СО РАН.

В собрании института находятся три тома из указанного комплекса, и они описаны О.К. Беляевой, Т.В. Панич, Л.В. Титовой⁷. В 1988 г. авторы описания высказали предположение о существовании и четвертого тома в этом комплексе. Это предположение подтвердилось. Как сообщил немного позднее Н.Н. Покровский, том исчез незадолго до того, как новосибирские археографы сумели заполучить в свои руки первые три тома⁸. А осенью 1993 г. в фонды Тюменского областного краеведческого музея поступил рукописный сборник в тысячу листов, который и оказался тем самым недостающим четвертым томом⁹.

⁶ Письмо о расколе. Женский вопрос в расколе // Русские ведомости. 1880. №10 (11 янв.). С. 1–5; №12 (13 янв.) С. 1–5.

⁷ Беляева О.К., Панич Т.В., Титова Л.В. Описание тюменских старообрядческих сборников из рукописных собраний ИИФиФ СО АН СССР и УрГУ // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 156–268.

⁸ Покровский Н.Н. За страницами «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1992. №8. С. 79

⁹ О нем см.: Темплинг В.Я. О четвертом томе из рукописного комплекса старообрядческого книжника В.И. Макарова // История церкви: изучение и преподавание. Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 220–224; «Начах писать сии статьи в пользу душеспасительную чтущим...» (старообрядческий книжник В.И. Макаров) // Вестник ТЮмГУ. 1999. №2. С. 162–167.

В письме имеется указание на то, что оно написано по просьбе «родительницы», т.е. матери, Чукмалдина Мелании Егоровны, проживавшей в то время в Тюмени. Судя по всему, именно через материнскую линию и поддерживались отношения с тюменскими старообрядцами. Родственники Чукмалдина, известные тюменские купцы и предприниматели-кожевники Решетниковы, были старообрядцами. Они содержали богатую моленную и поддерживали связи с московскими центрами старообрядчества¹⁰.

Письмо не подписано, но, судя по всему, автором является Варсонофий Иванович Макаров. Об этом говорят следующие обстоятельства. Во-первых, наличие в тексте устойчивых оборотов уничижительного свойства, так характерных для писем Макарова, типа «нижайший в человецех», «отчасти грубосложным складом», «хуждший и грешнейший». Во-вторых, на листе 14 фраза «Покорнейший ваш слуга и всегдашний вашей милости доброжелатель» заканчивается строчными инициалами «В.М.», которые можно предположительно расшифровать как Варсонофий Макаров.

Авторы Описания новосибирских сборников полагают,

что письмо принадлежит руке Ивана Родионовича Легостаева¹¹. Однако эту версию следует оспорить. Письмо в сборнике 14/74 — копия, и копия неполная. В ней воспроизведен текст с листов 1—13, он слегка отредактирован и здесь отсутствует текст с листов 13 об.—14 музейного сборника. Адресат указан инициалами «Н.М.», которые расшифрованы, но, очевидно, уже позднее, другими почерком и чернилами над строкой. Заключительные фразы в копии скорее говорят о том, что письмо является частью какого-то компилятивного сочинения, точнее говоря, второго «беседословия» Ивана Родионовича Легостаева. Копия заканчивается такими словами: «заканчиваю слово, прославляю в троице единого Бога. Басням еретическим не внимаю, но от себя отреваю, аминь. 7388 г.»¹². Письмо из Тюменского музея заканчивается сетованиями автора на недостаток времени, из-за чего он не смог все обстоятельно и подробно изложить. Он также обращается к адресату с просьбой непременно дать ответ и рассудить, кто прав, автор статьи в «Русских ведомостях» или он — автор письма?

В пользу того, что копия была включена в «беседосло-

¹⁰ Чукмалдин Н. Указ. соч. С. 89, 106, 108.

¹¹ Беляева О.К., Панич Т.В., Титова Л.В. Указ. соч. С. 212

¹² Собрание ИИ СО РАН №14/74. Л. 121 об.—122.

вие», говорит также то обстоятельство, что письмо как бы вклинивается между вторым и третьим «беседословиями» Легостаева.

В Описании второе беседословие квалифицируется как «выписки из писем Ивана Родионовича Легостаева о «единой и непорочной вере», хотя пометы на верхнем поле листов 116 об., 117 поясняют: «Иван Лего[стаев] бе[седа] сл[ово] 2». На листе 122 сразу после заключительных пассажей об «окончании слова» и «прославлении в троице единого Бога» идет текст третьего беседословия: «Ивана Родионовича от 3-го Беседословия...». Таким образом, мы склонны считать, что автором письма из сборника Тюменского музея, часть которого помещена в сборнике 14/74 собрания ИИ СО РАН, является Варсонофий Иванович Макаров.

О вероятных связях Н.М. Чукмалдина и В.И. Макарова может свидетельствовать и то, что родители и сам Николай Мартемьянович тесно были связаны с Артемием Степановичем Скрыпой-Лазаревым, который возглавлял филипповскую общину д. Кулаковой¹³,

а В.И. Макарова комментаторы недавних публикаций сочинений книжника называют «известным тюменским наставником филипповского согласия»¹⁴.

О личности Варсонофия Ивановича известно немного. В письмах и других документах он называет себя тюменским мещанином. Во второй половине XIX в. он возглавлял старопоморские общины сначала Тюмени и, вероятно, близлежащих деревень¹⁵, затем, после того как в 90-х годах переехал на Урал, в Таватуге. В.И. Макаров принадлежал к уникальному типу народных книжников-старообрядцев, которые очень бережно относились к литературному наследию и не оставляли без внимания события современной им жизни. Он принимал активное участие в полемике, которая постоянно велась как внутри старообрядчества, между согласиями и толками, так и между старообрядчеством и священниками-миссионерами.

Макаров имел очень обширные связи¹⁶, что вообще было характерно для старообрядцев, и, несомненно, был знаком с

¹³ Чукмалдин Н. Мои воспоминания. С. 111.

¹⁴ Духовная литература староверов востока России. Новосибирск, 1999. С. 737.

¹⁵ Белобородов С.А. Поморцы и старопоморцы Ялуторовского уезда Тобольской губернии XIX—начала XX вв. // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 249–250.

¹⁶ Духовная литература... С. 717–718. Свои письма он адресовал в Курган, Москву, Барнаул и даже в Амбурский скит, что находился на территории современной Архангельской области.

самим Лазаревым. Одно из ранних произведений (в данном случае мы имеем в виду работы опубликованные) — статьи старообрядческого собора, состоявшегося в д. Пашенка, приписываемые Варсонофию Ивановичу, — датируется 1877 г.¹⁷ Это значит, что к этому времени он уже обладал значительным авторитетом среди местного старообрядчества и, очевидно, что период его становления пришелся на 50–60-е гг. XIX в. Таким образом, он имел реальную возможность общения с Артемием Степановичем, тем более что Кулакова находится всего в 30 километрах от Тюмени.

С большой долей вероятности можно также утверждать, что Макаров, возможно, пользовался библиотекой кулаковского наставника или его литературными опусами. Например, в новосибирском сборнике текст на лл. 430 об. — 437 сопровождается пометой «ис цветника Артемия Степановича лист 1». В тюменском сборнике также присутствуют пометы о выписках из цветника Артемия Степановича (л. 733), а на лл. 732–733 об. помещена постатейная роспись цветника, которая соотносится с текстом из сборника новосибирского.

В коллекции Чукмалдина есть еще две книги, которые, возможно, были связаны с Ар-

темием Степановичем. Это Стихарник на крюках (нотированный сборник духовных стихов) середины XIX в.¹⁸ В 1872 г. он принадлежал жителю села Кулакова Александру Егоровичу Лысову о чем свидетельствует запись на л. 2 об. В этом сборнике дважды встречается имя Артемия Степановича в записях на листах 49 об. и 50: «Милостивому государю Артемию Степановичу посылаю все-нижайшую [два слова неразб.]» и «Милостивому государю родимому дедушке Артемию Степановичу посылаю составьте».

Вторая рукопись — Сборник смешанного состава второй половины XVIII — начала XIX вв. Прямых упоминаний имени Скрыпы здесь нет, но принадлежала она все тому же кулаковскому жителю А.Е. Лысову. Возможно, что это тот самый «цветничек Артемия Степановича», выписки из которого встречаются в сборниках В.И. Макарова.

Таким образом, вполне вероятно, что отношения и связи между Н.М. Чукмалдиным, А.С. Лазаревым-Скрыпой и В.И. Макаровым были реальны. Дальнейший поиск архива Чукмалдина, изучение его книжной коллекции и рукописных комплексов Макарова, возможно, дадут новые доказательства этого.

¹⁷ Духовная литература... С. 737.

¹⁸ ТОКМ. ОФ-5057.

Тайбуга, чужой в стране чужих (Версия)

Есть на земле территории, история населённости которых людьми насчитывает тысячи лет. Менялись племена, глаза жителей меняли разрез, а волосы — цвет. Менялся жизненный уклад, менялось государственное устройство, но эти территории не пустовали.

Мистического в этом мало. Люди селились там, где природа предлагала им благоприятные условия. Доступ к источникам воды, богатые леса, здоровый воздух. Тот, кто первым пришёл на место, положил начало поселению своего народа, заслуживает памяти. Но память держится, к сожалению, пока существует народность, существует основанное поселение, государство. Новые народы, пришедшие на смену, редко заботятся о памяти бывших хозяев земли.

Тюмень была основана Сукиным, Мясным и Чулковым летом 1586 года от Рождества Христова. Это общеизвестный факт. Но кто первым из саргатского племени пришёл на Туру, основав мысовские поселения? Кому первому из южных манси приглянулись холмы, на которых сейчас располагается тюменский Загородный сад? Саргатские племена растворились в Великом переселении, манси, теснимые им, ушли на север, изменив уклад хозяйства,

уклад жизни. Личности их первопроходцев, градооснователей растворились в потоке истории.

Тюмень была основана на месте татарского города Чимги-Тура. Письменных памятников об основателе этого города не найдено. Сохранились лишь предания татарского народа. В своё время эти сведения были оценены Г.Ф. Миллером (1705–1783) и Н.А. Абрамовым (1812–1870). Историки XVIII–XIX веков вынесли свой строгий вердикт: предания плохо согласуются друг с другом и с известными историческими данными, отражают, скорее всего, исключительно местные исторические процессы. Неужели и предпоследняя страничка истории нашего края уходит в никуда? Был ли он — Тайбуга, основатель Чимги-Туры? Был ли он местным князьком или представителем высшего звена монгольской знати? Произошло ли с ним всё то, о чём говорят древние сказания? Попробуем ещё раз сопоставить имеющиеся факты.

1. Неясное происхождение

Краткую историю ханов, правивших в Сибири, составленную на основе Сибирской летописи Ремезова, а также Сибирской летописи, хранив-

шейся в Тобольской семинарии, даёт Н.А. Абрамов в своей статье «Город Тюмень».

«Первое, главное татарское владение в Сибири было на реке Ишиме, в городе Кизил-Тура... Об имени первого там хана в летописях не упоминается», — так он излагает содержание известных ему сибирских летописей. В дальнейшем Абрамов приводит список ханов, последовательно владевших Кизил-Турой, коих набирается 15 (включая первого безымянного), причем только в семи случаях говорится о переходе правления от отца к сыну, а в одном — от брата к брату.

Отец Тайбуги, Он-Сом, был братом 15-го хана Кизил-Туры Мунчака. О времени жизни Тайбуги Н.А. Абрамов заключает следующее: «Принимая в соображение, сколько было после Тайбуги ханов до покорения Сибири, можно примерно полагать, что Тайбуга ханствовал в конце XIV столетия».

Г.Ф. Миллер, исследуя татарские сказания, пришёл к мнению, что Он-Сом был небольшим татарским князем в Сибири во время правления Чингисхана. А последний при завоевании Сибири просто передал местную власть его потомкам. Так родилась легенда о «местном» происхождении Тайбугидов, повторенная впоследствии другими историками.

Но вряд ли правление Сибирию было предоставлено

Чингисханом (или его наследниками) бывшим правителям той земли. До монголов на территории Приишимья находились племена, схватка пришельцев с которыми была продолжительной и ожесточённой.

Дело в том, что в начале XIII столетия на территории Юго-Западной Сибири кочевали восточные половцы (они же кыпчаки), пришедшие туда ещё в XI веке (Л.Н. Гумилёв «От Руси до России», стр. 68; «В поисках вымышленного царства», стр. 82). Этот народ, вступая в союзы с врагами монголо-татар, оказывал последним сопротивление в течение 13 лет (1216–1229 гг.). Типичные европеоиды со светлыми волосами и глазами (Л.Н. Гумилёв. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 219), они вряд ли могли считаться сибирскими татарами за своих предков.

Итак, предки сибирских татар пришли в долины Ишима в 20-х годах XIII века, основав первый город — Кизил-Туру. Кто были их правители? На курултае 1229 года, после смерти Чингисхана, великим ханом был выбран его сын Угедей. Тогда же среди правящего рода были распределены области его улуса. Большая Орда, правое крыло улуса, западные земли (монголы, рассматривая земли, руководствовались взглядом с севера на юг) достались потомкам Джучи, старшего сына Чингисхана (Джучи погиб в 1227 году, незадолго перед

смертью отца). Ханом улуса Джучи был выбран Батый, непосредственно управлявший также правым крылом своего улуса, Золотой Ордой.

Левым крылом улуса Джучи управлял старший сын Джучи — Орду-Ичэн. Его земли включали территории современного Казахстана, Юго-Западную Сибирь. Столицей этой территории, впоследствии отделившейся Ак-Орды, стал город Сыгнак на Сырдарье.

Северные земли своего улуса Орду-Ичэн отдал во владение ещё одного своего брата, Шейбана. Ему была дана во владение область Курал (Урал?), а из родовых владений — четыре рода: кучичи (ку-кижи-лебединцы?), найман, карлык (карлуки?) и буйрак (байырку?). Именно в шейбанидский улус и входили территории долин Ишима и Тобола, Кулундинские и Барабинские степи. Таким образом, первый город в Сибири (Сибирью ранее именовали более ограниченную территорию, нежели сейчас, см. В.О. Ключевский «Сказания иностранцев о Московском государстве», стр. 23) мог быть основан именно Шейбаном.

К сожалению, учитывая прерывистость вертикальной преемственности, нельзя говорить о восьми поколениях, отражённых в перечне Абрамова. Нельзя говорить и о принадлежности всех предшественников Тайбуги, правивших улу-

сом, в состав которого входила Сибирь, к роду Шейбанидов. В 1230-х годах область Ак-Орды, включавшая Сибирь, находилась под правлением Орды-Ичэна, старшего сына Джучи. Этот правитель, необычайно выделяясь по своим моральным качествам среди всех предшествующих и последующих Чингизидов, не только отказался от трона Джучи (улус Джучи включал в себя Ак-Орду), но и выделил из своего государства улусы для своих братьев Шейбана и Туга-Тимура. С этого времени перечень владельцев различных территорий Ак-Орды представлял собой смесь трёх родословных деревьев Джучидов, потомков Орды, Шейбана и Туга-Тимура. Достаточно вспомнить, что историки до сих пор не могут точно указать, к какому роду относятся такие властители, как Урус-хан и Чегра.

Однако, учитывая некоторое сходство имён на родословных древах, можно попытаться идентифицировать Тайбугу именно на родословном древе Шейбанидов. По татарским преданиям сын Тайбуги именовался Ходжа и был ханом Тюмени. Принимая во внимание расчёты Н.А. Абрамова, можно предполагать время правления Ходжи в первой половине XIV века. Именно в 1421 году на престол Тюмени был возведён шейбанид Хаджи-Мухаммед. По родословной Шейбанидов дедом Хаджи-Мухаммеда яв-

лялся шейбанид Бек-Хованди (в другом прочтении Бек-он-ди). Данное предположение, основанное, впрочем, лишь на сходстве имени, было высказано и современником Миллера Гебардтом (*Миллер. С. 33*).

Отцом Хаджи-Мухаммеда, сыном Бек-он-ди, был Али. Именно он и являлся, в этом случае, Тайбугой. Гипотеза, объясняющая разницу имен нашего героя, будет изложена позднее. Кстати, перевод имени Тайбуга как «необъезженный жеребец», предлагаемый в некоторых сочинениях (*В. Софронов. Искер — город из прошлого*), не полон. Точнее, «конь, слишком длительное время задержавшийся в состоянии жеребца». Более похоже на прозвище, тем более что соответствует жизни нашего героя. На мой взгляд, можно проводить также аналогии с тюркскими словами «тайши» — «царевич» и «бага» — «герой, могучий».

Прощаясь в повествовании с Кизил-Турой, можно высказать предположение о районе её местонахождения. В последнее время её яростно ищут возле устья Ишима. Но в преданиях сказано, что Он-Сом удалился от своего брата, властителя Кизил-Туры, к Иртышу, где основал своё ханство. Исходя из этого можно предположить местоположение столицы шейбанидского улуса в верхнем течении Ишима. И не случайно ли в верховьях одного из притоков Ишима, Селеты, находится ста-

ринное поселение Кзыл-ту (Кокчетавская область Казахстана). Основание столицы улуса в зоне лесостепей, нежели в лесах, более вероятно для монголо-татар XIII века.

Город же Он-Сом на Иртыше мог находиться в окрестностях современной Тары. Именно там Ермак обнаружил татар, так же, как и жители Чимги-Туры, носящих имя «турали».

II. Сомнительное наследство

Итак, возвращаясь к преданиям, Мунчак стал пятнадцатым ханом Кизил-Туры, а его брат Он-Сом удалился к Иртышу, основав там новый улус, покорил ближайшие племена остяков и вогулов, вёл торговлю и был очень богат. Но... пришёл некий Чингий, бунтовщик из простых людей, который убил Он-Сому и завладел его царством. Во время нападения Тайбуга был спасён дворецким Чингия Мурат-бием и увезён в отдалённые места.

Попробуем разобраться в данном трагическом повествовании. Личность Чингия интересовала всех историков, разбиравших данный вопрос. Однако Погодинский летописец (по мнению некоторых исследователей, — летопись, основанная на наиболее ранних писаниях о завоевании Сибири — «казацких сказках») абсолютно точно отвечает на этот вопрос:

«...в Русском государстве в некоторое время наименовался Темир-Аксаком». Вот так, ни более ни менее, Тимур — завоеватель Сибири. Тимур действительно был «из простых людей» рода Барлас, нецарского рода! Но войска Тимура действительно были в Сибири!

Рассмотрим историю Ак-Орды второй половины XIV века. В 1359 году в Золотой Орде началась Великая замятня. За 20 лет на троне перебивалось 25 ханов. Причем права на престол Джучи пытались в своё время предъявлять и Шейбаниды (Хидырь, Темир-Ходжа, 1361 год). В Ак-Орде же наблюдалось иное. В 1361 году к власти пришёл Урус-хан (по одним сведениям, из рода Орды-Ичэна, по другим — из племени Тука-Тимура, ещё одного сына Джучи). Он укрепил власть на территории улуса, подавив возникающий сепаратизм, и, пользуясь ситуацией, начал захватывать сопредельные территории охваченного смутой соседнего крыла. Ак-Орда отделилась от Золотой Орды. В 1372 году Урус-хан, завоевав столицу Золотой Орды Сарай, даже объявил себя ханом всего улуса Джучи. Но ненадолго, в том же 1372 году Сарай был отбит ханом Мамаем. В том же 1372 году от Урус-хана бежал Тохтамыш, сын убитого властителем Ак-Орды правителя Мангышлака. Бежал он на юг, к Тимуру, правителю Мавеннахра. Тимур, в 1370 году объединивший Среднюю Азию,

территорию Джагатайского улуса, был, как упоминалось, из простого монгольского рода Барлас. Для признания своей власти он был вынужден держать при себе истинных наследников Чингисхана, признавая их «де-юре» правителями своего государства. Таким же образом и Тохтамыш стал претендентом Тимура на трон Ак-Орды. С 1372 по 1377 годы следуют безуспешные попытки Тохтамыша во главе войск «железного хромца» покорить державу Урус-хана. И лишь смерть последнего и бесталанность его наследников позволяют ему овладеть Ак-Ордой. Весной 1377 года он захватывает столицу государства Сыгнак и за следующий год подчиняет себе всю территорию. Как говорится в «Анониме Искандера», он «...обманывал правителей отдалённых пограничных областей, пока заполучил их; тех из них, кого он нашёл удобным оставить при себе, удержал, тех, которых нашёл пригодными для охраны этих границ, вернул обратно, а тех, которые не соответствовали его пользе, уничтожил».

В последнем походе за Тохтамышем «присматривали» три военачальника Тимура: Алибек-конгурат, Урук-Тимур и Ак-буга-бахрин из Синей Орды. Они были гарантией покорности Тохтамыша воле Тимура. Алибек-конгурат стал, к тому же, старшим эмиром Тохтамыша. «Гарантии» хватило на пять лет. За это время новый прави-

тель Ак-Орды привёл в повиновение подвластные улусы и совершил то, что не удалось Урус-хану: воспользовавшись разгромом Мамай в Куликовской битве, напал на Золотую Орду и объединил улус Джучи в 1381 году. К тому времени умерли (сами ли?) Урук-Тимур и Ак-буга-бахрин, а Али-бек-конгурат уже не являлся старшим эмиром (но был жив, что подтверждается упоминанием о нём в послании Тимура Тохтамышу в 1391 году).

Вышеописанные события и были, собственно, первым свидетельством появления в Сибири гулямов Тимура. Посланные им войска покоряли для Тохтамыша улусы Ак-Орды. Возможно, именно в то время и происходили события, упомянутые в татарских сказаниях. Он-Сом пал от руки Тохтамыша, ставленника «безродного разбойника» Тимура. Ну а кто был храбрым дворецким, в тайне от своего правителя спасшим Тайбугу? Возможно, это был именно Али-бек-конгурат, обладавший собственной властью, в определённой степени неподконтрольный Тохтамышу, в интересах которого было бы устранение всех мятежных родов. Малолетний царевич из рода Шейбанидов был увезён в отдалённые места не из человеколюбия. Он в своё время мог быть использован как дополнительная карта в политической игре (что в конце концов и случилось).

III. Причудливое образование

Подчинению Тимуром Ак-Орды препятствовала одна деталь. Тимур был ревностным мусульманином, его гулямы были выходцами из мусульманского населения оазисов Средней Азии. В то же время, население шейбанидского улуса не знало ислама. По мнению Л.Н. Гумилёва, это и послужило одной из причин выступления Тохтамыша против знаменитого эмира (*Л.Н. Гумилёв. От Руси до России. С. 166*). Население Западной Сибири, как татары, так и соседние остяки и вогулы, поклонявшиеся своим духам и предкам, восстали против мусульманской интервенции.

Потенциальный претендент на трон Шейбанидов должен был устранить это препятствие. Его воспитали в традициях Корана, впоследствии он повёл шейхов в поход на свою родину. Но это потом...

Так где же то отдалённое место, где укрывался Тайбуга, где он вырос и возмужал?

Позволю себе высказать догадку. Хрупкую догадку. И одновременно рассмотреть ещё один интересный факт истории.

Слово «Тюмень» было исследовано вдоль и поперёк. До сих пор не найдено его точного перевода с какого-либо языка. Чимги-туру Тюменью не называли. Можно было бы предположить, что название не отно-

сится к татарскому языку, что его дали русские в 1586 году. Но они-то откуда его взяли?

А дело в том, что в XVI веке слово «Тюмень» было на слуху у русских людей. В 1552–1559 годах множество мелких княжеств Северного Кавказа, ошеломлённых удачным нападением Москвы на Казанское и Астраханское ханства, попросились под руку московского государя. В их числе было и Тюменское княжество. Но, прося покровительства московского государя, данное княжество жестоко беспокоило другие народы Северного Кавказа, и в 1560 году российское войско под началом воеводы Черемисина взяло Тюмень, поставив там «своего» князя Агиша. В 1575–1600 годах его сыновья Роман и Василий состояли на службе у Российского государства.

Где находилось Тюменское княжество?

В «Кратком описании рек и озёр в Российской империи» сказано, что Тюменский град стоял на устье Тюменки, протока Терека. Там же в 1560 году и был поставлен Тюменский острог, просуществовавший до 1586 года (Старый Терский городок стоял неподалеку от впадения в Терек реки Сунжи, Новый Терский городок — вблизи Тюмени).

Терский город был основан Иваном Грозным для защиты своего тестя Темрюка, князя пятигорских черкес, князя Малой Кабарги.

Ещё во второй половине XIII века эти места были знакомы шейбанидской династии. Там на протяжении нескольких десятков лет нёс службу по охране «железных ворот Дербента» внук Шейбана Токдай.

Можно было бы предположить, что слово «Тюмень» было принесено русскими. Тем более что в число строителей Тюмени, по сибирским летописям, входил и соратник Ермака Черкас Александров (по предположению Д.И. Копылова, руководил отрядом «иноземцев» в дружине Ермака)... Но в 1526 году Герберштейн описал живущих к востоку от Перми тюменских татар. Во время взятия Казани в 1553 году постоянно упоминаются её восточные Тюменские ворота. Ну а если вспомнить топоним «Тога-Тура-Тюмень» в районе бассейна Оби — Иртыша на карте братьев Пицигано 1367 года, то становится ясно, что городок Тюмень существовал задолго до прихода русских отрядов. В XIII–XIV веках на берегах Туры не было татарского населения. По исследованиям археологов, это был район расселения южных манси. Татары шейбанидского улуса предпочитали степи, их основным занятием было скотоводство. Первые татары пришли сюда с Тайбугой. Они отличались от соседей. Миллер пишет, что тюменских и тобольских татар звали «Турали» за то, что они селились в городках, были в отличие от ос-

тальных оседлым народом (Миллер, стр. 36). Тюменские татары отличаются от других сибирских татар антропологически (у тех ярко выражено сходство с ханты и манси) и особенностями быта. Профилирующим у тюменских татар являлось земледелие, в то время как у других (барабинских, томских) — скотоводство, рыболовство и охота. Уникальным было и коверточничество тюменских татар (З.П. Соколова. Путешествие в Югру).

Кстати, в те же годы, когда Тюмень Каспийская искала покровительства московского царя, Тюмень Великая также приняла русское подданство (1555 год). Тротательное согласие.

Так не назвались ли новые хозяева земли по имени своей покинутой родины? Тайбуга, сменив веру, опираться на своих соплеменников. Неужели тюменские татары — это потомки кабардинцев? Кабарда, берега Терека — неужели это и есть те места, где рос наш герой в ожидании своего звёздного часа?

Более прозаически выглядит ещё одно предположение о местонахождении юного Тайбуги. В 1407 году Пулад-хан выдвинул свои войска на киргизов, проживавших тогда по верхнему течению Оби. Но Шейбаниды отказались участвовать в этом походе, аргументируя свое решение тем, что во времена правления Тимура киргизы предоставляли им убежище.

IV. Скандальная жизнь

Так когда же наступил звёздный час Тайбуги?

С 1383 года Тохтамыш вступает в прямое единоборство с Тимуром — он пытается отвоевать у него Хорезм, в 1385–1386 годах, ступив на территорию, подконтрольную Тимуру, тем самым посягает на его единовластие, в 1387–1388 годах пытается вновь завоевать Мавераннахр. Любому терпению есть предел. В 1389 году Тимур идёт на Ак-Орду, «вслед за весной» пересекая степи Казахстана (это был единственный способ провести большое войско через их безбрежные пространства. Степь покрывается весной травой с юга на север, этот быстро исчезающий «мостик» и использовал Тимур). На севере он дошёл до Иртыша, несколько его отрядов переправились через реку, но не рискнули углубляться в тайгу. Видимо, в дальнейшем Тимур жалел, что не довёл до конца свой северный поход. Улусы Тохтамыша в Западной Сибири, поставлявшие ему новых воинов, остались нетронутыми.

В 1391 году Тимур преследует Тохтамыша, настигает его на Кондурче, притоке Волги, и наносит ему поражение. Но правитель Золотой Орды скрывается на севере своих владений. За три года он восстанавливает свою армию и в 1394 году вновь вступает в Закавказье.

зь. В апреле 1395 года Тохтамыш терпит сокрушительный разгром в битве на Тереке и опять спасается от Тимура, уходя на север, к Булгару.

В том же году к северо-востоку от театра боевых действий произошло примечательное событие, отмеченное в документах, хранящихся в тюменских мечетях. В 797 году по мусульманскому летосчислению (27.10.1394 — 15.10.1395) в Бухаре, во времена хана Абу-ль-лейса, с благословения основателя Ордена мистиков «Накшбандия» ишана ходжи Багауль-хакк-уа-д-дина 366 конных шейхов направились к хану Шейбани с целью принести истинную веру на берега сибирских рек. Хан присоединился к ним с 1700 своими всадниками и лично направился к Иртышу. Это был кровавый поход. Как говорится в арабской рукописи, «...язычников и татар они истребили несметное количество, сражаясь так, что по берегам Иртыша не осталось ни оврага, ни речки, где бы они не бились, и тем язычникам не дали даже возможности бежать (буквально: лицо земли сделалось тесным)». Из числа воинов Шейбани пало 1448 человек. Хан Шейбани с оставшимися 252 героями отправился в Среднюю Орду и стал называться Вали-ханом (священным ханом). Из 366 шейхов 300 погибли, 3 остались в Сибири, остальные 63 вернулись в Бухару. (И. Гарифуллин.

Очерки истории татарского населения Тюменской области. С. 39—40; О религиозных войнах учеников шейха Багауддина / Пер. с араб. Н.В. Катанова).

Как охарактеризовать данный поход? Было ли распространение ислама его единственной целью? Надо сказать, что ишан ходжа Багауль-хакк-уа-д-дин ко времени похода скончался (ещё в 1389 году). Поход можно рассматривать как исполнение его завещания. К тому же момент выдался уж больно подходящий для замысла Тимура: выбить почву у Тохтамыша, встревожить его тыл. Разумеется, в результате похода ислам не закрепился в Сибири. Это подтверждается и тем, как Кучум через 160 лет после описываемых событий также с кровью прививал его своим подданным. Отряд храбрецов был практически истреблён, но цель была достигнута. Хан Золотой Орды уже не так надеялся на свои северные владения. Через три года бесплодной борьбы за утраченные владения он уходит на запад, вступая в союз с литовским князем Витовтом.

Но кто же был Шейбанихан, упоминаемый в документах? Следуя версии, это и был выросший Тайбуга. Карта легла на стол. Как говорят татарские сказания, Тайбуга, возглавив войска Чингия, прошёл с огнём и мечом по Иртышу и Оби, приводя в повиновение местные племена.

Кстати, здесь наш герой и приобретает своё второе имя — Вали-хан (или, по традициям Шейбанидов, — Али-хан).

После успешных походов Тайбуга обращается с просьбой к Чингию «иметь особый двор», как писал Миллер, и выбирает реку Туру. Чингий благословляет его, и царевич строит город Чимги-Туру. Исходя из предлагаемой версии, это и послужило причиной ухода Тохтамыша в литовские пределы. Кольцо вокруг него быстро смыкалось. Так получилось, что наш герой после продолжительной диверсионной войны со своим двором (читай народом) основался на берегах Туры приблизительно в 1398 году.

Кроме того, оказывается, что основание Чимги-Туры санкционировал Тимур. А город, по татарским преданиям, назван в его честь, в честь второго Чингисхана Вселенной. Тимуроград словом. Так появилась Тюмень — местность с центром Чимги-Турой.

В лихачёвской редакции Есиповской летописи (оригинальном варианте, сочетающем в себе элементы Есиповской и Строгановской летописей) говорится также, что Тайбуга был женат на дочери Чингия. Возможно ли это? Впрочем, похоже, это единственное упоминание о данном факте.

Что было дальше? Тохтамыш в союзе с Витовтом вновь потерпел поражение на Ворск-

ле в 1399 году. Вновь бежал за Урал. В истории сказано, что он сражался в Сибири с Шадибеком. С 1400-го по 1404 год произошло 16 сражений. Но с кем? И кто сражался за Тохтамыша? А сражались за него те татары шейбанидского улуса, которые не приняли своего вернувшегося принца-ренегата. Тохтамышев улус, по историческим сведениям, был основан в верховьях Оби, между Чулымом и Томью. Но с кем он сражался так отчаянно? Пребывание Шадибека на крайних восточных границах своего улуса в течение четырех лет при начавшейся войне Тимура с Эдигеем, при нестабильности русско-литовских отношений, при неустойчивости его только что приобретённого трона является весьма недостоверным. Но здесь, в Сибири, согласно версии, у Тохтамыша находился его старый враг Тайбуга.

В январе 1405 года Тохтамыш чуть не взял реванш, вновь примирившись с Тимуром. Тому был необходим союзник в борьбе с вышедшим из повиновения Эдигеем. Тимур обещал, вернувшись из похода на Китай, помочь Тохтамышу в возвращении трона Золотой Орды. Но Тимур скончался в феврале 1405 года. Вскоре пал в сражении Тохтамыш. Как говорится в летописях, «под Тюменью». Можно предполагать, что Тайбуга отомстил убийце отца.

V. Счастливая участь

Как складывалась судьба Тайбуги далее? В преданиях говорится, что он жил в Чимги-Туре в полном покое до глубокой старости. Вряд ли это полностью соответствовало реальности, но отчасти так могло быть. Видимо, Тайбуга сразу сошёлся с Эдигеем, воевавшим с сыновьями убитого им Тохтамыша. Только защита сильного патрона могла обеспечить ему спокойную старость.

Тем временем Эдигей пытался объединить Орду. В 1306 году он завоевал Хорезм, воспользовавшись смертью Тимура. В 1307 году сменил на троне Золотой Орды Шадибека, посадив на него Булат-Темира. Хан шейбанидского улуса, попав в стан кровных врагов Эдигея, поневоле поддерживал его. Для того чтобы привести в повиновение остальную часть монголо-татарского государства, ему следовало поставить своего человека на трон Ак-Орды. И в 1408 году был «извлечён на свет» Чегра, царевич из рода Орда-Ичен, ещё одна укрываемая до времени карта. До этого он содержался при дворе Абу-Бакра, сына Мираншаха, в Иране. Когда он встретил Эдигея в Поволжье, ими совместно был предпринят поход в Сибирь. Захватив территорию Ак-Орды и передав властные полномочия Чегре, Эдигей пошёл на Москву, продолжая

объединение Орды под своей властью. Но в 1411 году удача изменила Эдигею, новый ставленник на троне Золотой Орды, его зять Тимур-хан, решил добиться самостоятельности и сверг Эдигея, который бежал в Хорезм. Но, видимо, Тимур-хан был слишком легковесной фигурой для самостоятельной политической игры. Сначала погнавшись за Эдигеем, он потерял трон (его занял сын Тохтамыша Джелал-эд-дин, поддерживаемый Витовтом), а затем был убит собственным подчинённым. Джелал-эд-дин, оказавшись на престоле, также выслал отряд на поимку Эдигея, но в 1412 году также был свергнут новым ханом Керим-Берды, который в свою очередь отбивался от Кепек-хана. Два хана, сцепившись за престол, на время оставили в покое Эдигея, но в 1414 году Шахрух, сын и наследник Тимура, отвоевал Хорезм. Эдигей был вынужден обосноваться в Крыму. Тут и пригодился Чегра, с его помощью Эдигей свалил Кепека, поборовшего-таки Керим-Берды. Чегра оставался на троне Золотой Орды в течение двух лет, это были последние годы удачи Эдигея. В 1416 году на престоле появился Джабар-Берды, сын Тохтамыша, в 1419 году его сменил Улуг-Мухаммед. Эдигей уже не влиял на ситуацию, а в 1420 году знаменитый эмир погиб в битве на Яике с Керимом-Берды.

Тайбуга вынужден был поддерживать Эдигея до гибели последнего в 1420 году, его сын Хаджи-Мухаммед сражался в войсках эмира (видимо, со времени сидения последнего в Хорезме). Это позволяло хану Чимги-Туры пользоваться поддержкой могучего покровителя. А в 1421 году Хаджи-Мухаммед был возведён сыном Эдигея Мансуром на трон Ак-Орды. В 1423 году его изгоняет царевич Борак из рода Орду-Ичена, и

Хаджи-Мухаммед удаляется в Чимги-Туру, которая становится новой столицей шейбанидского улуса. К этому времени Тайбуга был уже мёртв. Кто знает, что послужило причиной его смерти? Возможно, действительно старость. Если учесть, что в 1377 году он был малолетним, то в 1420 году ему было около 45 лет или более. Порядочный возраст по тем временам.

Всё это только версия...

Сибирские присловья

На появление присловий — прозвищ тех или иных населённых пунктов и их жителей — оказывают влияние несколько факторов. Это рельеф местности (горки, курганы, болота, озера), стихийные бедствия или происшествия (частые наводнения, ураганы, пожары), характер и облик жителей (скупые, щедрые, рябые, рыжие), их занятия, некие «легендарные» личности, некогда в них проживавшие.

В литературе часто встречаются прозвища жителей городов Европейской России и значительно реже прозвища жителей сибирских городов, поэтому уделим внимание присловьям сибирским.

Из-за богатства Сибири в России она называлась «Золотым дном» и «Сибирью немшею» (т.е. небедной). Россияне прозвали сибиряков «чевошники»

за что заслужили прозвище «лапотников» и «чернолапотников» (в Сибири в лаптях не ходили, в ходу у населения была кожаная обувь — «чирки» и «бродни»). Переселенцы из России XIX — начала XX вв. были прозваны русскими старожилками (что пришли в Сибирь вслед за Ермаком) «варнаками» и «чалдонами». В Восточной Сибири «чалдонами» также именовали родившихся от брака абorigенов и русских. О влиянии переселенческой политики на умы сибиряков говорила следующая поговорка: «Русь навалила, нас совсем задавила».

Прозвища жителей сибирских городов мы находим у С.В. Максимова. Хотелось бы привести некоторые из них.

Ишимцы за грех фабрикации фальшивых денежных знаков были прозваны «блинника-

ми» (от названия фальшивых денег «блины»).

Жители города Тары в старину назывались «*коловичами*». Это прозвище закрепилось за ними после упорства в расколе и бунта 1721 г., когда Петр Великий велел их сажать на кол.

Туринцы (жители Туринска) за тайную сидку вина были прозваны «*самосадниками*». Курганцы прозывались «*конокрадами*».

Енисейцев звали «*сквозниками*» и «*гроболазами*». По поводу последнего рассказывают следующее. Плыла по Енисею барка, остановилась она у города. На барке стоял гроб с покойником. Енисейцы приняли гроб за ящик с товарами и, когда заснул ночной караульный, украли гроб с барки.

Охотские обыватели назывались «*кочемазники*», а про жителей Красноярска енисейцами был придуман целый стих, в старину известный каждому ребенку:

Красноярцы

Сердцем яры:

Любят очень они честь,

Хоть на них козлиная шерсть.

Оттого они не сильны,

Что отцы их были ссыльны.

Подробнее других сибирских городов хочется остановиться на столице Сибири Тобольске. В XVII–XVIII вв. город был одним из крупнейших и значился на всех иноземных картах того времени. У современников он заслужил прозвище «*Чудного*» и «*Богоспасаемо-*

го» (в окрестностях находилось три монастыря, а в самом городе в к. XIX в. было 28 церквей). В наше время от стариков на Среднем Урале можно услышать прозвище Тобольска — «*город-Царь*». Подтверждение этому можно найти, если подъезжать к городу по современной трассе Тюмень—Ханты-Мансийск. Среди плоской равнины вдруг возникают горы (высокий обрывистый берег Иртыша), а на горах видение белого кремля с высокой Софийской колокольной.

Из нескольких прозвищ тоболяков заслуживает особого внимания следующее — «*квасники*» («*Пожар квасом тушили*»). 29 мая 1677 года в городе случился большой пожар. Молния зажгла одновременно шатры церковей Знаменского монастыря и три церкви на горе. Монастырь сгорел полностью, огонь перешел на город. Из-за отсутствия воды кремль пытались тушить квасом из соседней квасной.

Жители окрестных деревень и сел также имели свои прозвища. Крестьяне села Кугаевского назывались «*гробовщиками*», т.к. со всей волости сюда привозили хоронить умерших. Жители деревни Брянцевой из-за жизни в лесу были прозваны «*колдунами*». Жители д. Редикольцевой (Редикорцевой) из-за частых наводнений — «*кородами*» («*вас топит, вы с голоду кору едите...*»).

Крестьяне д. Костериной назывались «борцами». Во время праздников деревенские парни боролись на поясах. Лучшие борцы были в деревне Костериной. Побороть «костерянина» считалось очень престижным.

Жители д. Голошубиной прозывались «шамайскими». Рассказывают, что в старину жил здесь некий татарин Шамай, от него и деревня раньше писалась как Шамаева.

Деревни Новоселова, Ларионова, Македонова, Зольникова и Кузьмина из-за высокого берега р. Таймы звались «диким яром», а их жители — «яровицной». Жители д. Малокугаево прозывались «ёжиками».

Жители деревень Тычинской, Мысовой и Сельковой из-за наводнений были известны под одним прозвищем «зайцы»

(«как зайцы на острове...»). Их соседи — крестьяне д. Пановой — звались «ершами».

С названием села Абалакского связано одно понятие — «абалакская верста». Рассказывают, будто бы верстовые столбы до Абалака были поставлены таким образом, что отмеряли расстояние меньшее, чем на самом деле. По другой версии это прозвище появилось в старину, когда из Тобольска до села Абалакского ходили пешком. Интересно то, что 8 июля (ст. стиль) из Абалака в Тобольск приносилась особо чтимая чудотворная икона. Несли ее на руках, хотя икона была больших размеров, а выполненные в 1856 г. золотая риза и серебряная под золотом рама имели вес соответственно 6 и 5,2 кг.

Лицом к океану

Эссе

Один мой знакомый, самодельный кинорежиссер и оператор, по приглашению всеильного тогда ВЦСПС принял участие во всесоюзном конкурсе самодельных кинофильмов в Одессе под девизом «Наше море». Отборочная комиссия при регистрации заявки удивленно вскинула брови: «Откуда в Тюмени море?». На что представитель Тюмени с достоинством возразил: «Наше море не меньше Черного и зовется Карское. Хотя Тюмень

стоит спиной к Казахстану, зато лицом к океану. Недаром на гербе нашего города барка. А на гербе вашего что?». Комиссия возражений искать не стала.

Когда эта история стала известна мне, я задумался над его словами. Действительно, на старинном гербе Тюмени изображена лодка. В знак того, что отсюда начинается великое плавание по сибирским рекам на север и восток, в Ледовитый океан, Китай и Бухару. И плавали наши предприимчивые

предки на веслах и под парусом, сплавляли тяжелые барки по течению, а против вела бечевой. Здесь, на пологом берегу Туры, был склепан котельщиками первый сибирский пароход «Основа». Его сипловатый гудок возвестил на всю неоглядную Сибирь, что бурлацкой лямке пришел конец и наступает век пара.

Так что на самом деле Тюмень — город если не приморский, то прибрежный и портовый. Одни названия улиц чего стоят и говорят сами за себя. Например, Морская, Флотская, Охотская, Карская, Балтийская, Беломорская, Портовая, Рейдовая.

Естественно, что имеются на карте города улицы Мурманская, Ямальская, Таймырская, Камчатская, Сахалинская и переулки Кольский и Тихоокеанский.

Если так, то понятно, почему и названия крупнейших портов увековечены в названиях наших улиц: Рижская, Севастопольская, Ленинградская, Одесская, Таллинская, Магаданская, Астраханская и Тобольская.

История освоения Севморпути тоже не преминула отразиться на названиях: Челюскинцев, Папанинцев, Шмидта. Имена героических кораблей носят улицы, названные в память ледоколов «Седов», «Малыгин», «Ермак» и знаменитого броненосца «Потемкин».

Вообще с судостроением и судоремонтом у нашего города очень многое связано. А пото-

му мы гордимся названиями улиц — Судостроителей, Судоремонтная, Корабельный проезд, Котельщиков. Именами знаменитых судостроителей названы улицы Макарова, Кулибина, Ползунова. И по имени преподавателя Кронштадтских минных классов улица Попова.

Имена знаменитых флотоводцев носят улицы Ушакова и Нахимова. Есть еще улицы капитана Плахина и погибшего на броненосце «Петропавловск» художника Верещагина. Герои матросы тоже не забыты тюменцами. Именами героя гражданской войны Павла Хохрякова и героя Советского Союза Марии Цукановой названы улицы.

Главная дорога к морю — река. Потому и дана высочайше на герб Тюмени лодка, что отсюда начинается плавание по всем сибирским рекам к океану и даже до Байкала. Наверное, поэтому на карте города мы найдем улицы Водников, Пароходскую, Причальную, Пристанскую, Береговую и названную по имени пароходства Госпаровскую. Словно реки текут улицы Речная, Обская, Иртышская, Невская, Бийская, Амурская, Кубанская, Цимлянская, Кондинская, Ангарская, Днепровская, Жигулевская, Камская, Туринская, Пышминская, Енисейский переулок.

А еще есть Набережная, Мостовая, Дамбовская, Большая Заречная, Озерная и Зозерная, Воронинская гавань.

Наверное, это не все и что-нибудь пропущено. Однако тюменцы не забывают и гордятся тем, что в годы войны в городе серийно выпускали торпедные катера, а в мирные дни строили танкеры и плавучие гиганты — электростанции «Северное сияние».

Нет, не случайно на гербе нашего города лодка с золотой мачтой, и не потому ли на берегу Туры возникла лодочная станция, о которой стоит поговорить подробно, поскольку собирались в ней замечательные личности — последние в двадцатом веке речные романтики.

С молоком матери впитавшие традиции судостроения и судоходства горожане и сами строили лодки, и покупали готовые. В результате этого стихийного процесса оказалось, что берега Туры буквально завалены лодками и что городу без лодочной станции и стоянки уже не обойтись. Тем временем партия требовала расширения сферы услуг для населения, которое должно было не только трудиться, но и культурно отдыхать, чтобы восстанавливать силы опять-таки для работы. По этой причине образовали лодочную станцию и по сложившейся традиции заботиться о гражданах отвели под нее не самое лучшее место берега — напротив зловонного устья Тюменки, что повыше деревянного моста. Это чудо деревянной архитектуры верой

и правдой служило горожанам, пережило пару пожаров, одну реконструкцию и украшало бы речной пейзаж еще неизвестное количество лет, если бы однажды среди белого дня не рухнуло на речную гладь так величаво и степенно, что никто из оказавшихся в это время на мосту не пострадал, в том числе и пассажиры микроавтобуса. Но это уже другая история.

Речной рейд протянулся по Туре километров на восемнадцать — от музея до Антипино. Через реку четыре моста и одна понтонная переправа. А на берегах — причалы, причалы, ремонтные базы флота, речной порт, два завода — судостроительный и судоремонтный. В годы зарождения самоходного флота каждый тюменский купец волен был на время постройки парохода основать свою верфь: арендовать у города участок берега, закупить материалы и судовое оборудование, нанять рабочих и специалистов, да и строить пароход по своему вкусу. Не сразу заказы на постройку флота перешли к специализированному Жабынскому заводу, что получил свое имя от близлежащего переката.

Потребности сибирского флота в якорях и якорных цепях удовлетворялись Верхотурским заводом, который ковал великолепные якоря и цепи для малых и больших судов. Один из таких якорей с характерной «уральской» стреловидной ла-

пой стоит возле монастыря Петра и Павла как памятник уральским умельцам и тюменским речникам.

Туринский элеватор своим появлением возле реки обязан флоту и почти полному отсутствию в послевоенные годы автомобильных дорог, необходимых для вывоза урожая из глубинки. Мелкосидящие суда специально созданного для этого Управления малых рек ходили тогда за зерном к ссыпным пунктам на Тавде, Тоболе, Исети, Ишиме и даже Пышме, не говоря уже о Туре, и доставляли его на туринский элеватор. Это сейчас, с появлением мощного автотранспорта и развитой сети автодорог, первоначальное его предназначение забылось и изменилось.

Вернемся же к гербу нашего города. В верхней его части красные знамена и барабаны, повторяющие герб Тобольска. Это должно было означать, что Тюмень административно входит в Тобольскую губернию. Кстати, в те периоды, когда Тюмень подчинялась Оренбургу и Омску, на гербе Тюмени оставалась только лодка с золотой мачтой, которая означала, что от Тюмени начинается великое плавание по сибирским рекам.

До нас дошла книга «Дневные записки путешествия Ивана Лепехина, совершенного в 1771 году». Академик Лепехин приводит в ней красочное и подробное описание Ирбитской

ярмарки: «...Надобно знать все пути, по которым с разных сторон товары привозятся. Китайские товары с Кяхты везут или сухим путем или водою. Водяной путь также от самой границы начинается. Сперва плывут рекою Селенгою до Байкала, из Байкала проходят рекою Ангарою, из Ангары выходят в Енисей, по которому спускаются до Енисейска, где, перебравшись через волок, плывут по реке Кеть к Оби... а по Иртышу подымаются вверх до Тобольска». От Тобольска суда поднимались по Тоболу и Туре до Тюмени, где грузы переваливались на груженой транспорт.

Из XVIII века до нас дошел прелюбопытнейший экземпляр путеводителя: «Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей и какие по ним города и урочища и на каком оныя расстояния, изданная Николаем Новиковым в 1773 году в Санкт-Петербурге». Очень нужная это была книга для путешественника по России, в которой хороших дорог испокон веку не бывало, а для торговых, военных дел и перевозки грузов годились только развитые водные пути.

В ней на странице 223 сказано: «А в Тобол реку за триста тридцать верст от устья Тобола пала Тура река. А река Тура течет из горы, из Камени, против града Соли Камской во-

семьдесят верст. А от Соли Камской, от Великия Тюмени за пятьсот пятьдесят верст. А от Тюмени сто двадцать верст пала Тура в реку Тобол».

Что касается расстояния по водному пути от Тюмени до устья Туры, то и сегодня оно примерно такое же, если мерить верстами.

Значение «Великой Тюмени» для сибирского судоходства не переоценить. Вот потому на ее гербе лодка с золотой мачтой. Вопрос только, почему акцент сделан на золотую мачту, причем без паруса? На гербах других городов с изображением судна паруса присутствуют, а на тюменском нет, хотя мачта и золотая. Должен был существовать глубокий смысл в изображении. При тщательном рассмотрении герба можно обнаружить на нем изображение ветра, который у яхтсменов называется вымпельным: флаги развеваются в правильном направлении, т.е. ветер

дует с кормы. Но ни малейшего намека на парус на изображении герба нет. И это может быть объяснимо особенностями раннего сибирского торгового судоходства, когда по малым рекам с извилистым фарватером суда проводились при помощи бечевы — каната, который привязывался именно к мачте. Такое крепление каната позволяло бурлакам легче миновать прибрежные препятствия: карчи, отмели и яры, а судну давало возможность маневрировать.

Так что бурлаки жили не только на одной Волге, но и на Туре и Иртыше тоже.

Лодка на гербе нашего города чрезвычайно символична. Она напоминает горожанам, что все мы плывем по жизни в одной лодке, которую не нужно раскачивать и перегружать. И тогда, если всем грести слаженно, а руль доверить мудрому кормчему, можно доплыть к желанному берегу.

Лучшие хозяева — хлеборобы

Сельские священники в прошлом помимо исполнения своих непосредственных обязанностей, как известно, вынуждены были заниматься «крестьянскими здельями» (трусами), в частности земледелием и огородничеством. Известный писатель-публицист А.Н. Энгельгард в своих «Двенадцати письмах из деревни»

отмечал, что «никто так хорошо не знает быт простого народа во всех его тонкостях, как попы... после крестьян никто так хорошо не знает местного практического хозяйства, как попы. Попы — наши лучшие практические хозяева, они даже выше крестьян стоят в этом отношении, и от них-то можно научиться практике хозяйства в

данной местности. Хозяйство для попов составляет главную статью дохода. И чем же будет жить причетник, даже дьякон, на что он будет воспитывать детей, которых у него всегда множество, если он не будет хороший сельский хозяин»¹.

Это наблюдение видного общественного деятеля XIX века можно распространить и на сельское приходское духовенство Тобольской губернии. Подтверждением этому служат опубликованные, а также выявленные в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области документы. Примечательно, что наши священники были пионерами в распространении земледелия в северных районах Тобольского края. Так, в 1851–1855 годах опыты хлебопашества проводил близ Сургута благочинный Василий Кайдалов, а в селе Юганском дьячок Алексей Силин и священник Иоанн (Иван) Яковлевич Тверитин.

В ходе поисков о первом из них удалось узнать, что «Василий Александрович Кайдалов, священнический сын, обучался в Тобольской семинарии, с окончанием курса наук богословия, философии, словесности, церковной истории, математики, физики, языкам: еврейскому, греческому, латинскому и немецкому, уволен из оной 1842 года

июля 25 дня с аттестатом первого разряда; рукоположен во священника Ялуторовского округа к село Зимовье Вагайской Богородицкой церкви 1843 года апреля 3 дня преосвященным епископом Владимиром; 1849 года мая 27 дня перемещен Березовского округа к Сургутской Троицкой церкви местным священником»². Вблизи города В.А. Кайдалов расчистил небольшой земельный участок и производил посевы зерновых в самых незначительных размерах. Правда, его опыты оказались кратковременными. «По многочисленности обязанностей благочинного, отлучаясь в весеннее, самое важное для посева хлеба время для обозрения церквей и не имея способного к обработке земли человека, вынужден был дальнейшие свои занятия хлебопашеством прекратить». О результатах его начинаний сведений пока не обнаружено, но по имеющимся данным он удостоился благодарности от Русского географического общества³.

Алексей Иванович Силин, согласно клировой книге, родился около 1800 г. в дьяческой семье. В 1823 г. был определен дьяком к Юганской церкви. Получил, по-видимому, домашнее образование. В клировой ведомости о нем отмечено, что «в семинарии не обучался»⁴.

¹ *Энгельгард А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1987. С. 85–86.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 196. Л. 41 об.

³ См.: Сибирский листок. 1891. № 11 (7 февр.). С. 2.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 162. Л. 44 об.

В 1857–1859 годах А.И. Си-лин с сыном Ефимом (припи-санным к мещанскому сосло-вию Сургута) подготовили для посева земельный участок.

«По настоящее время сами собою они, — свидетельствовал в 1859 г. И.Я. Тверитин, — успе-ли расчистить одну десятину, которая поступила в нынешнем году под посев озимой ржи. Кроме того, у них по направ-лению пашни еще развалено много лесу, чтоб он подгнивал для расчистки в будущее лето, ибо приступать к разработке нового корня, подсеченного в то же лето, очень трудно и безуспешно». Известно, что Алексей и Ефрем Силины расчистили две десятины 230 кв. саж. паш-ни, но, к сожалению, в делах местного архива не удалось найти сведений о результатах их земледельческих начинаний⁵.

О пономарском сыне И.Я. Тверитине известно, что он в 1821 году был определен к Сур-

гутской Троицкой церкви поно-марем, затем дьяконом, а в 1837 году священником в с. Юганс-кое⁶. Позже И.Я. Тверитин вспо-минал: «27-ой год наступил тому, как я находясь при село Юганское Богоявленской церк-ви в звании священника, не пе-ременяя беднейшего места и презирая встречающимися не-удобствами, проживаю при по-мощи государственного вспомо-ществования дополнительными трудами...»⁷. Этими дополни-тельными трудами юганского священника стали земледельчес-кие занятия. В 1854 году И.Я. Тверитин посеял на своем ого-роде небольшое количество яч-меня. Через год расчистил от деревьев и кустарника участок размером в полдесятины, засе-ял его разными зерновыми куль-турами: ячменем, рожью, овсом и пшеницей. Опыт был удачен⁸.

Хлебопашеством И.Я. Тве-ритин занимался до 1875 года. Рожь у него давала урожаи от

⁵ См.: Югра. 1992. № 11. С. 31–32. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 21. Л. 1397.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 196. Л. 47 об.; Д. 262. Л. 90 об.—95; Д. 345. Л. 89 об.—90.

⁷ Югра. 1992. № 11. С. 34.

⁸ Согласно клировой ведомости 1889 г. за И.Я. Тверитиным в с. Юганском числилось имущества: «два деревянных дома с таковым же флигелем, пять амбаров под одной кровлей, баня и скотский двор. Кроме сего имеет в том же селе высочайше дарованную землю для хлебопашества в количе-стве шестнадцати десятин 1496 [квадратных] сажен, часть этой земли уже сняло водою» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 345. Л. 90).

Запись на плане с. Юганского, составленном в 1865 г., гласит: «Первая обра-ботанная в здешнем месте пашня местным священником Иоанном Тве-ритиным в количестве 8 дес. [кв.] саж. с 1855 года. Приготовляемого места под пашню из-под елового и пихтового вырубленного дровяного леса тем же священником в количестве 6 дес. 350 саж...» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Оп. 21. Д. 1397).

сам-8,5 до сам-12 и даже сам-20. Помимо того он выращивал картофель. Весной 1859 года в парнике высеял картофельные семена, в середине июля высадил на грядки. Опыт оказался удачным, так как на другой год юганский земледелец произвел посадку клубнями, полученными самим от первого посева семян. И.Я. Тверитин завел у себя ветрянную мукомольную мельницу, построил гумно и овин для просушки и обмолота хлебов. Помогал инородцам в неурожайные и голодные годы. Так, в 1860 году продал остякам (ханты) по низким ценам до 400 пудов муки и зерна, а в 1869 году раздавал хлеб бесплатно.

И.Я. Тверитин был избран членом-корреспондентом Казанского экономического общества, а Вольное экономическое общество наградило его большой серебряной медалью⁹.

Умер И.Я. Тверитин 6 июня 1890 года¹⁰.

К плеяде лучших хозяйев-хлеборобов следует отнести священника из села Черемшанское Ишимского уезда Петра Александровича Кузнецова. К сожалению, о его земледельческих занятиях нет сведений, но известно, что он обобщил народ-

ные знания о хлебопашестве. В 1907 году в приложении к «Тобольским епархиальным ведомостям» была напечатана его обстоятельная статья «Добрые советы земледельцу»¹¹.

Поиск биографических данных о нем затруднялся тем, что с 4 октября 1907 года в Черемшанском служил уже новый священник. Обращение к клировым ведомостям за 1905 и 1906 годы позволило выявить некоторые сведения о П.А. Кузнецове. Родился он в семье псаломщика около 1869 года, ибо в 1905 году ему исполнилось 36 лет. Окончил курс Тобольской духовной семинарии по второму разряду, после чего был определен сначала псаломщиком в с. Щучинское к единоверческой церкви, затем священником Богородице-Введенской церкви Тюкалинского уезда. В 1895 г. он был переведен согласно прошению в с. Вагайское Тобольского уезда. По-видимому, здесь он принял участие в качестве переписчика в проведении I Всероссийской переписи, так как в числе его наград была медаль «бронзовая на ленте из государственных цветов со свидетельством за № 073740-м 1897 года июля 1 дня».

⁹ Подробнее о И.Я. Тверитине см.: С. М-м. Попытка водворения хлебопашества в Сургутском крае // Сургутский листок. 1891. № 23 (24 марта). С. 2. Белоножко Ю. Попытки земледельческого освоения Тобольской губернии XIX в. // Югра. 1992. № 3. Белоножко Ю. Священник-хлебороб И.Я. Тверитин. Шадринск, 1993.

¹⁰ См.: Сибирский листок. 1891. № 23 (24 марта). С. 2.

¹¹ Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1907. №№ 4, 6.

Позже он служил в разных храмах Ишимского и Курганского уездов, 13 июня 1902 года преосвященным Антонием согласно прошению был переведен к село-Черемшанской Иоанно-Предтеченской церкви Ишимского уезда. Помимо своих непосредственных обязанностей П.А. Кузнецов безвозмездно десять лет преподавал в церковно-приходских школах закон божий («законоучительствовал») и полтора года состоял заведующим в Батировском министерском училище... 2 июля 1902 года был назначен депутатом в Ишимском комитете попечителей о народной трезвости. Поведения он был «весьма хорошего». Награждался набедренником (20 декабря 1896 года) и скуфьею (23 марта 1904 года)¹².

Человеком он, несомненно, был наблюдательным, склонным к исследовательской работе. Подтверждением этому явилась его статья «Добрые советы земледельцу», в которой были использованы личные наблюдения и сведения, полученные из церковных летописей. Задача и цель статьи — помочь крестьянину улучшить агротехническое состояние хлебопашества. Для того, чтобы быть профессиональным, хорошим земледельцем, необходимо, по мысли П.А. Кузнецова, «исполнить следующее: 1) прежде всего оглянься на себя, 2) научись обрабатывать землю, 3) старатель-

но смотри за семенами и 4) знай время посева».

Эти пожелания определили содержание работы сельского священника.

Важнейшей заботой крестьянской семьи, обеспечивающей ее благосостояние, была подготовка земли к севу. Хлеборобы знали, что кормит хорошо обработанная пашня — нивка. Труд пахаря честен и Богу угоден — такова основная идея статьи. Автор отметил преимущества плуга перед традиционными земледельческими орудиями (пермянкой и колесянкой). При вспашке плугом «вся бывшая трава на поле скрывается под тяжестью земли, где быстро согревается, сгорая сама и сожигая корни». В результате «образуется зола, дающая земле удобрения и защиту от засухи; под золою всегда сыро...».

П.А. Кузнецов определил наиболее оптимальные сроки пахоты. Он рекомендовал: «Вспашку начинать тогда, когда поле покрылось травой и эта трава не менее четверти высоты. Пахать плугом на полтора вершка глубины, гоны должны быть с востока на закат, но никак не на полдник, по склону же увала пахота производится на пересек скату». Речь в этом случае идет о паре, хотя автор сторонник более перспективной плодопеременной системы. Священник писал: «Гораздо было бы лучше, если бы у вас

¹² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 478. Л. 54 об.—55 об.; Д. 487. Л. 59 об.

не был его (пара). Спашите же этот пар в мае, засейте его корнеплодами или другими какими-либо широколиственными растениями, как-то: бобы, горох, морковь, репа, редька, картофель и т.п., вы получите вознаграждение за свой труд, и земля та через посев не теряет силы плодородия»¹³.

Другой заботой земледельца являлись семена. «Семенные зерна, — советовал П.А. Кузнецов, — должны собираться с той полосы, которая с полдневной стороны защищена лесом. Жать ее не должны начинать прежде, чем та полоса поспеет настоящим образом, убирать ее нужно тогда, когда начинает осыпаться». Земледельцами, достойными подражания, для сельского священника были рачительные хлебопашцы с. Благодатное Тюкалинского уезда, которые для избежания потерь доброго семенного зерна при уборке сплелов прибегали к простому способу. Они готовили «ладонь» — «ровную, гладкую, как пол» площадку (снимали верхний почвенный слой и набивали глиной). На нее свозились с поля и сбрасывались снопы. «От удара снопа о землю спелое зерно вылетает на ладонь», тем самым его «сберегают для посева». Потом семена хранились в кладовой. Она не должна иметь щелей, крыть ее надо соломой, «так как через нее скорее, по мнению П.А. Кузне-

цова, улечиваются водяные пары, а в самом помещении кладовой необходимо ставить тару с солью (от 3 до 10 пудов), тогда бывающая отпотеть не садится на хлеб, но на соль».

Особое значение придавал П.А. Кузнецов срокам сева. Приведя отдельные народные приметы, автор писал: «Но я посоветую вам начинать посев, когда появятся первые цветки, подснежники (ветренники) и березовая мочка начнет развеваться. Тогда все дурные травы на полосе отрастают и после боронования погибают. При этом следует ежегодно заранее просматривать пасхалию и особенное внимание обращать на круги солнечные и лунные».

Здесь необходимо сделать пояснение. В русской метрологии промежутки в 19 и 28 лет называются соответственно лунным и солнечным циклами. А порядковый номер года в промежутках этих циклов называется кругом луны или кругом солнца. «Через каждые 57 лет, — указывал сельский священник, — эти круги началом своим совпадают. В такой период известные озера на два-три года высыхают, и на тех местах образуют огороды или пашни. При начале нового круга солнечного или лунного в первую треть, сообразуясь с годами другого светила, урожай бывает лучше, потому что обильнее перепадает

¹³ Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1907. № 4. С. 29—32.

ют дожди, во вторую треть от скудости дождей — слабее, а в третий период — угрожает засухой от 3 до 7 лет. Так, например, известный год стоит под 7 кругом лунным; во второй трети, а под солнечным 21 — в третьем периоде; влияние луны на землю слабее солнца, а солнце в третьем периоде и потому не может благотворно влиять на землю, а потому произведенный без рассуждения посев не окажется удовлетворительным. Поэтому-то и необходимо прежде чем готовить пар, а не сеять — справиться, каков будет следующий год». Исходя из этих положений, П.А. Кузнецов пришел к выводу о взаимосвязи урожайности с кругами луны и солнца.

«Если года под годами 1—9 солнечного круга и 1—6 лунного, можешь готовить поля на солнцепеке, если под 10—19 солнечными и 7—19 лунными — полосы прячь от солнцепе-

ка, а если под 20—28 солнечными и 7—19 лунными, посевные полосы готовь тогда на берегу рек или озер, или среди леса, чтобы на те полосы могло садиться более ночной росы и она не могла испаряться от солнечных лучей».

Для наглядности П.А. Кузнецов привел таблицу о качестве урожая с 1882 по 1940 гг., в которой бросается в глаза, что ее автор, сельский священник из с. Черемшанского Ишимского уезда еще в 1907 году предсказал «засуху и голодовку» 1910—1912 годов, «плохой и еще плоше» урожаи 1920—1921 годов и «засуху и голодовку» 1939—1940 годов¹⁴.

Статья, по-видимому, оказалась незамеченной властью и общественностью, а затем была забыта. Так же, как ее автор, о дальнейшем жизненном пути которого пока не удалось найти сведений.

Кто же был «на часах»

в ночь убийства Распутина во дворе Юсуповского дворца?

Трудно писать, даже фрагментарно, о человеке, жизнеописание которого дошло до нас, главным образом, фольклорно либо в форме злобного шельмования продажных шелкоперов «желтой прессы». Образ бабника и пьяницы тиражируется в

умах читателей вот уже почти столет. Современные вещуны-сказители пересказывают небывлицы, маститые популисты от культуры даже пишут об этом трактаты, другие же «участники» той роковой ночи 17 декабря 1916 года шокируют современного чи-

¹⁴ Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1907. № 6. С. 46—48.

тателя «сенсационными подробностями», к числу которых относится имя неизвестного молодого человека «на часах», бывшего во дворе особняка князя Ф.Ф. Юсупова-младшего.

В начале 1999 года две газеты: «Санкт-Петербургские ведомости» (6 февраля) и «Красная звезда» (13 марта) — опубликовали броские заметки сотрудника Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Станислава Бернева, вызвавшие новую волну повышенного интереса к личности Распутина. В этих публикациях были приведены материалы допроса бывшего крестьянина Орловской губернии Федора Семеновича Житкова, арестованного в марте 1931 года сотрудниками полномочного представителя ОГПУ в Ленинградском военном округе. Любопытна здесь такая деталь. Это представительство размещалось на улице Гороховой, 64, в том самом доме, где в 1914–1916 годах находилась «столичная резиденция» Григория Распутина. Материалы протоколов также касались биографии «великого старца», точнее, его смерти. Житков, работая официантом 99-й лавки «Ленсельпрома», был арестован по уголовному делу бывших офицеров, обвинявшихся в контрреволюционном заговоре. Дело в том, что Федор Семенович с 1913 года служил буфетчиком офицерского собрания лейб-гвардии Пав-

ловского полка у великого князя Дмитрия Павловича Романова, двоюродного брата Николая II и непосредственного участника противораспутинского заговора. Во время службы в полку пользовался большим доверием великого князя, исполняя его поручения по части тайной передачи писем княгине Орловой, муж которой флигель-адъютант, генерал-лейтенант, начальник военно-походной канцелярии императора В.Н. Орлов был уволен с должности в 1915 году под влиянием Распутина.

В протоколе допроса Ф.С. Житкова упоминается масса подробностей его биографии и те самые откровения о сопричастности к вышеупомянутым событиям 1916 года: «...по существу дела показано: В 1895 году я был призван на военную службу и назначен рядовым в лейб-гвардии конный полк, в котором прослужил пять лет, и по окончании поступил к графине Клеймихель Марии Эдуардовне на должность официанта, у которой прослужил два года...

...В 1906 году поступил по протекции Клеймихель и жены убитого графа Келлер буфетчиком к князю Белосельскому-Белозерскому, у которого служил семь лет и был уволен за дерзкое отношение к князю...

...Обратился с просьбой к княгине Белосельской об устройстве меня на службу, которая рекомендовала в полк к князю Дмитрию Павловичу.

Последним был назначен буфетчиком офицерского собрания полка...

...В 1916 году получил с фронта телеграмму от зав. хозяйством полка полковника фон-Валя о привозе туда полкового вина в количестве 30 ящичков, что я и сделал, поехав сам... По распитии привезенных мною вин я возвратился в Петроград. После короткого промежутка за мной приехал сам князь Дмитрий Павлович и в один из ближайших дней позвал меня служить обед у князя Юсупова, за что вперед получил 100 руб., хотя всегда давалось 10 руб. На обеде присутствовали Юсупов с женой, Пуришкевич, Дмитрий Павлович, князь, жена полковника Мятлова и какая-то молодая красивая баронесса, и Распутин Григорий Иванович. После обеда все, за исключением Пуришкевича, пошли гулять в сад. Спустя минут двадцать прибежал князь Юсупов со словами к Пуришкевичу «идет и поет, должно быть, святой человек, что и эта доза не взяла», слова были сказаны про Распутина, тогда Пуришкевич крикнул: бейте на лестнице, и, вырвав револьвер у Юсупова, побежали на лестницу, после чего я слышал выстрелы, а потом зов князя Дмитрия Павловича меня, чтобы помочь, на что я сразу же побежал и увидел Распутина, лежащего на площадке лестницы, а под аркой двора стояла машина, после чего я, Пуришкевич, князь Дмитрий Павлович

положили его в машину и все поехали на Крестовский остров, около первого моста на остров остановили машину, я взял труп Распутина за плечи, а не за ноги, и понесли к проруби и бросили сами же, не поворачивая машины, поехали по Елагину острову, проехали на Каменный остров, выехав на улицу Красных Зорь (тогда Каменноостровский проспект. — А.Ч.), во время следования Пуришкевич и князь Дмитрий Павлович говорили, чтобы я молчал, так как меня за это вздернут, кроме сего Пуришкевич мне говорил, что это первая пуля революции. Меня они довели до Конно-Гвардейского бульвара, где я жил, сами же уехали дальше, и после этого случая из всех присутствующих на вечере я не встречал и не знаю, куда они скрылись...» (Из протокола допроса, проведенного в ПП ОГПУ ЛВО 6 марта 1931 г.).

Прочитав эти показания, многие, наверное, обратили внимание на три прокола «участника» события. Первый, конечно же, о присутствии на вечере жены Феликса Юсупова Ирины Александровны, которая отдыхала в Крыму. Очевидно, от волнения он также забыл отчество Григория Распутина и то, что в машине были доктор С.С. Лазоверт и еще один молодой человек.

Откроем страницу 103 воспоминаний князя Ф.Ф. Юсупова «Конец Распутина», изданных в Париже в 1927 году:

«...Завернув труп в сукно, они положили его в автомобиль и уехали на Петровский остров. Там с моста тело Распутина было сброшено в воду.

...Вместе с моим камердинером (выделено мной. — А.Ч.) мы уничтожили следы крови, которые могли выдать происшедшие события...

...Я поехал завтракать к великому князю Дмитрию Павловичу. В общих чертах он мне рассказал, как они увозили труп Распутина. Вернувшись в закрытом автомобиле на Мойку и найдя меня в невменяемом состоянии, великий князь сначала хотел остаться и привести меня в чувство. Но медлить было нельзя — близился рассвет. Тело Распутина, плотно завернутое в сукно и туго перевязанное веревкой (!!), положили в автомобиль. Великий князь сел за шофера, рядом с ним Сухотин (поручик и активный помощник в содеянном. — А.Ч.), а внутри доктор Лазоверт и мой камердинер (!! — А.Ч.)...».

Из воспоминаний Юсупова-младшего видно, что, кроме его камердинера, со стороны великого князя не было никакого «официанта». Возможно, Юсупов просто упустил эту деталь в своих воспоминаниях, написанных спустя десять лет после кошмарной ночи. Можно допустить, что Федор Житков все же был на этом вечере — в качестве официанта, но не более. Ибо в воспоминаниях

В.М. Пуришкевича нет и намека на то, что они, после того как похоронили труп Распутина в водах декабрьской Невы, поехали на Конно-Гвардейский бульвар, чтобы доставить «бесценного официанта» к подъезду его дома.

Обратимся еще к одному историческому источнику, появившемуся именно в России шестью годами раньше «сенсации» С. Бернева. В 1993 году в журнале «Нева» (№ 8. С. 309—316) в публикации И. Запаладова «Конец «Святого черта» всплыло имя того самого камердинера Юсупова-младшего из воспоминаний сына троюродного брата Феликса Сергея Васильевича Федорова-Эльстона.

Вот что рассказывал тогда 43-летний отпрыск барона Сергея Васильевича: «На часах» в ту ночь... находился еще один «военный» — мой отец. Он действительно помогал своим родственникам (каждый из участников заговора так или иначе был связан кровными узами с семьей Романовых) в осуществлении задуманного... Но когда в 1958—1959 годах я узнал от отца подробности покушения, я был очень расстроен и огорчен. Как так! Мой такой тихий, спокойный, интеллигентный родитель, окончивший некогда кадетский корпус, учившийся в Оксфорде, при советской власти заведовавший ювелирным магазином, и вдруг такое сенсационное сообщение!..

В 1916 году отец учился на курсах прапорщиков и готовился стать адъютантом Феликса Юсупова, который в то время имел уже высокое звание и готовился к отправке в действующую армию.

Свою первую «боевую» операцию отцу пришлось выполнять «под командованием» Феликса в его собственном дворце. На его долю выпала нелегкая обязанность — вывозить тело убитого «старца». Отец снял с окна широкую и плотную портьеру, отыскал прочную веревку и тщательно «упаковал» труп. Надо сказать, «старец» был мертв, о чем свидетельствовал и доктор. Так что никакого «доубивания» и «пролития крови» на Елагином мосту быть не могло. То, что подробно рассказывал отец, во многом не совпадает с тем, что приводят в воспоминаниях современники, в частности М.Г. Палеолог, С.П. Белецкий, С.М. Труфанов, не говоря уже о современных исследователях вроде того же М.М. Сафонова...

...В Распутине каждый из них (участников заговора. — А.Ч.) видел не личного врага, а врага Родины, грязного растлителя доверчивых людей...»

Нам понятна позиция отпрыска баронского рода 53-летнего работника одного известного питерского предприятия Алексея Сергеевича Федорова, племянника Феликса Юсупова, члена Санкт-Петербургского дворянского собрания. Было бы,

однако, неверно думать, что истинный характер и смысл преступления был скрыт от современников. Еще в далеком семнадцатом году Феликс Юсупов получил угрожающее письмо, в котором прямо заявлялось: «...Крестьяне и теперь уже стремятся выяснить виновность крестьянина Григория Распутина, убитого в Вашем доме вопреки всем обычаям гостеприимства. Многие вожди крестьянства высказываются в том смысле, что в лице Распутина символически выброшено все русское крестьянство под мост, посему находят желательным всестороннее освещение этого дела...»

Смысл и характер убийства был очевиден в свое время даже для простых мужиков. Они воспринимают его как ритуальное убийство, цель которого заключалась именно в разобщении на мистическом уровне единения царя и народа. Сожжение частей одежды убитого, раздробление височной части черепа, утопление или выбрасывание на снег — все эти детали преступления также наводят на мысль о том, что это было ритуальное убийство, следы которого также ярко проявились в уничтожении царской семьи. Факт сожжения останков Распутина, облетевший всю петроградскую печать, был использован как стереотипный в то время прием — негодование масс.

В истории Григория Распутина страшно не то, что его уби-

ли. Убивать пророков, как известно, дело обычное не только у нас. Страшно то, что это был образ если не библейский, то, по крайней мере, былинного склада. Только ограниченный человек может думать, будто Распутин выдвинулся благодаря своей половой потенции. И сегодня эта линия распутинщины особо инсинуируется в средствах СМИ. Так, московский журнал «Деловая жизнь» (1997. № 1. С. 68–69) подает совершенно неестественную сцену во дворце Юсуповых на Мойке в ночь убийства. Общеизвестно, что князь Феликс-младший имел гомосексуальные склонности и неоднократно пытался сблизиться с Распутиным. «На званом юсуповском ужине, — пишет журнал, — когда Распутин стал терять сознание от начинающего действия яда, Юсупов вначале изнасиловал его, а затем выстрелил в него четыре раза из пистолета. Затем Распутина кастрировали. Его отрезанный половой член нашел позже слуга. Он передал его служанке, которая, по последним данным, живет в Париже».

«Последними данными» послужила откровенно порнографически иллюстрированная информация в журнале «Интим-Калейдоскоп» (СПб., 1998. № 6(8). С. 6), согласно которой одна русская эмигрантка, проживая в парижском рай-

оне Сен-Дени, хранила в полированном деревянном ящике 45x15 см пенис Распутина длиной около 30 сантиметров, покоившийся в подложке из бархата.

Клеветническая кампания против Григория Ефимовича велась подло, с попранием всех моральных и этических норм, и это не считалось у масонов противоестественным, ибо они имеют право на клевету, ложь и фальсификацию ради интересов своей организации.

Но закончить эти заметки мне хочется строками из книги Ф.Н. Козлова «Распутин, которого мы потеряли» (СПб., 2001. С. 115–116): «Что дошло до нас от Распутина? Грязные анекдоты, пьяная отрывка, блевотина... Так я еще раз спрашиваю — где же тут причины, которые могли бы конкретно обосновать его **возвышение**? Я их не вижу. Но я... догадываюсь о них! Мое авторское мнение таково: ни в какие другие времена «фаворит», подобный Распутину, не мог бы появиться при русском дворе, такого человека не пустила бы на свой порог даже Анна Иоанновна, обожавшая всякие уродства природы...»

Я, наверное, не совсем понимаю причины возвышения Распутина еще и потому, что стараюсь рассуждать здраво. Чтобы понять эти причины, очевидно, надо быть ненормальным...».

Эхо «Окрика...»¹

В 2001–2002 гг. вышла в свет книга В.Е. Копылова «Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера)» в трех томах. Издание, содержащее много интересной информации и иллюстрированное большим количеством фотографий, безусловно, полезно и необходимо для изучения истории науки и техники в нашем регионе.

Вот только ошибки и неточности омрачают впечатление от этих книг, а неувязки и несогласованность в изложении некоторых фактов, несоответствие фотографий подписям под ними ставят под сомнение достоверность изложенного.

Об этом уже шла речь в предыдущем номере журнала². Сегодня журнал продолжает тему.

Том I.

С. 78. «*Годом раньше* Тобольск и Тюмень по рекомендации Менделеева посетил адмирал С.О. Макаров».

Д.И. Менделеев побывал в Тюмени и Тобольске в 1899 г., а адмирал С.О. Макаров в сентябре 1897 г.

С. 79. «В городе [Тюмени] выходили две газеты: «Сибирская торговая газета» и «Тюменские известия».

Действительно, «Сибирская торговая газета» выходила в Тюмени с 1897 г., что же касается «Тюменских известий», то попытку выпустить общественную и торгово-промышленную газету с таким названием в 1896 г. предпринял Николай Иванович Давыдовский (РГИА. Ф.776. Оп. 12:1896 г. Д.56.). Но газета по неизвестной причине так и не со-

стоялась. Во всяком случае, при получении разрешения на издание «Сибирской торговой газеты» в переписке между тобольским губернатором и МВД факт невыхода газеты «Тюменские известия» был плюсом для положительного решения в пользу А. Крылова (ГУТО ГА в г. Тобольске, Ф.152. Д.36. Ед. хр. 40. Л.12 об.). К тому же, до сих пор газета Н.И. Давыдовского не выявлена ни в одном из крупных хранилищ периодических изданий. Да и в описаниях дореволюционной периодики таковая не значится. Была ли она? Вопрос остается открытым.

Выходит, есть счастливчик. Автор книги — единственный, кто эту газету видел.

...Современный вариант «Тюменских известий» начал выходить почти на столетие позже, в 1990 г.

¹ Копылов В.Е. Окрик памяти: История Тюменского края глазами инженера. Книга первая. Тюмень, 2001.

² Лукич. 2003. Ч. I. С. 222–224.

С. 79. «Зоркий глаз Менделеева замечает множество *ссылных переселенцев*, работающих на пристани».

Ссылные и переселенцы — это разные группы населения, отличающиеся между собой тем, что ссылка являлась видом наказания, а переселенцы ехали в Сибирь добровольно в поисках лучшей доли.

С. 83. «По окончании службы *Дмитрий Иванович снял своим фотоаппаратом* помещение церкви (илл. 41)».

Так кто же делал этот снимок? Вопрос не праздный. Подпись под илл. 41. гласит, что снимок помещения церкви сделан фотографом И.К. Уссаковским. Чему верить?

С. 102. «В самом центре Тюмени, в месте слияния рек Туры и Тюменки, стоит здание в стиле русского классицизма с колоннами и курантами...Трудно было выбрать более подходящее по красоте место для строительства *городской управы, начавшееся в первой четверти XIX века*».

История, как и математика, наука точная и требует точности в датах, фамилиях и фактах. В противном случае история перестает быть наукой и приближается к жанру сказок или былин.

Так вот, если быть точными, то строительство здания, о котором идет речь, началось в 1828 году. Строили тогда не городскую управу (городские управы появились гораздо позже, после выхода Городового Положения 1872 г.), а городскую думу.

С. 102. «В течение почти трех десятилетий И.Я. Словцов работал директором Тюменского реального училища, совмещая педагогическую деятельность с научной. *Основателя Тюменского областного краеведческого музея* помянут великим знатоком родного края...».

Некорректно называть И.Я. Словцова основателем Тюменского областного краеведческого музея, ведь музей реального училища — это еще не областной краеведческий музей.

С. 110. «*В 1878 году* на углу Телеграфной и Царской улиц Тюмени (теперь — Красина и Республики) появилось красивое здание, выстроенное в стиле ренессанс по проекту архитектора и художника Петербургского университета Воротилова».

Это красивое здание на углу Телеграфной и Царской улиц Тюмени появилось в 1880 г.

С. 122. «Можно лишь сожалеть, что *городская Дума* не смогла или не захотела настоять на *достойном выборе из блестящего окружения И.Я. Словцова* — преподавателей училища».

Упрек в сторону городской думы необоснован, так как назначение директора реального училища было не в ее компетенции.

С. 140. На базе оставшихся строений завода былую продукцию пытались реанимировать с 1905 года верфь Воткинского завода, а затем в 10-е годы — *екатеринбургский мещанин М.А. Куд-*

ряшов... Деятельность этого предпринимателя, если не считать сборку двух пассажирских пароходов «Русь» и «Европа», в истории тюменского судостроения заметного следа не оставила».

Вообще-то екатеринбургского мещанина, занимавшегося в Тюмени судостроительными работами, звали Матвей Александрович Кругляшов, а не Кудряшов. Как-то очень уж пренебрежительно отнесся автор к судостроителю Кругляшову, хотя тот построил еще как минимум один пароход — «Витязь». Построить три парохода не менее сложно и трудоемко, чем написать три популярные книги.

С.141. «Казалось бы, *биография такого знаменитого человека не могла иметь белых пятен*, а благодарная Тюмень должна была помнить его имя, столь много сделавшее для города и для его общероссийской известности».

Так и непонятно: что же это, столь много сделанное для Тюмени Гуллетом и за что город дол-

жен быть благодарен ему. Чем сетовать на неблагодарность Тюмени, автору надо было взять и назвать его добрые дела, а то они так и остались неизвестными, а мы — неблагодарными.

С.150. «В быту — *это умеренность в еде и в пиришествах*, идеальная чистота в доме, строжайшее соблюдение санитарных норм, демократическое отношение к прислуге».

Иван Иванович Игнатов, а речь идет о нем, оставил о себе славу не только как крупный судостроитель и благотворитель, но и удивлял искушенных европейцев обилием еды и богатым выбором спиртных напитков, подаваемых в его доме. Какая уж тут умеренность в еде! Можно, конечно, считать описания игнатовских «фестивалей» вымыслом племянника, но трудно заподозрить в выдумках немецких путешественников О. Финша и А. Брэма, живых свидетелей поразившей их «умеренности».

(Продолжение следует)

TRIVIA (мелочи)

Суета вокруг «Лукича»

г. Москва.

10 ноября 2003 г.

Глубокоуважаемый Юрий Лукич!

В начале ноября с.г. я наконец-то побывала в Курске, на родине моих предков. В Государственном архиве Курской области за несколько дней работы удалось существенно уточнить некоторые ветви родословного древа Буцинских и Четвериковых. Поэтому считаю своим авторским долгом внести исправления и дополнения в статью «Историк земли Сибирской» (Лукич. 2003. № 1. С. 164–165).

В архиве сохранилась исповедальная «Роспись Курской епархии Обоянской округи, села Дмитревки Дмитриевской церкви... 1815 года» (Ф. 217. О. 204. Ед. хр. 2716), где на Л. 1 значится пономарь Стефан Алексеев сын Буцынский 24 лет, жена его Анна Гаврилова дочь 22 лет, дочь их Марина 3 лет, пономаря Стефана мать вдова пономарка Анна Козьмина дочь 47 лет, дети ее Евдокея 14 лет, Михаил 7 лет, Агафия 12 лет. Пономарь (впоследствии дьячок) Стефан Алексеевич и Анна Гавриловна Буцынские суть родители священника Никиты Стефановича Буцынского (Буцынского), отца историка Петра Никитича Буцынского. Пономарем был и его прадед Алексей Буцынский.

Младший брат Стефана Алексеевича дьячок Михаил Алексеевич Буцынский — отец моей прапрабабушки Пелагии Михайловны (в статье ошибочно — Никитична). Следовательно, Пелагия Михайловна доводится Петру Никитичу двоюродной тетей, или, выражаясь по-старинному, теткой малой. Ввиду 17-летней разницы в возрасте между родными братьями Стефаном и Михаилом Пелагия Михайловна близка по возрасту детям о. Никиты — своим двоюродным племянникам. Отсюда неточность в семейном предании, попавшая и в мою статью.

Супруг Пелагии Михайловны псаломщик Иван Николаевич Четвериков — сын пономаря Николаевской церкви села Зорина Обоянского уезда. Судя по имеющейся в архиве анкете, Иван Четвериков родился в 1848 г., окончил Обоянское духовное училище и в духовной семинарии не учился. Более 50 лет (с 1867 года) прослужил он причетником Дмитриевской церкви в родном селе Буцынских, которое в начале XIX века официально именовалось Дмитриевкой, затем Дмитриевским, Юматовка тож, а ныне вновь значится на карте как Дмитриевка (Яковлевского района Белгородской области).

Вот, пожалуй, основное, что могу добавить на основании архивных документов к статье, написанной в 2002 году... Благодаря этой публикации о «Лукиче» узнали наши родственники в Петербурге, Саратове, Харькове, Хусте, Ужгороде... Привезенный в Курск экземпляр я подарила коллегам-исследователям. Всем, кто видел журнал, он пришелся по душе. Но жаль, что ваши прекрасные издания трудов П.Н. Буцынского все еще недоступны за пределами Сибири. А как бы обрадовалась этой книге его племянница и младшая современница 93-летняя Антонина Дмитриевна Четверикова!

С искренней признательностью — Ирина Корнилаева.

P.S. Удалось ли Вам побывать в Мерефе, навести справки о Рождество-Богородичной церкви, где было совершено отпевание профессора П.Н. Буцынского, о его могиле?

Очень прошу Вас ответить на этот вопрос.

* * *

Валерий Чупин в повседневности придерживается сурового принципа: человек не может сделать больше, чем ему отведено на жизнь. Может, поэтому он никогда и не отказывает никому и ни в чем.

— Напишешь статью?

— Конечно, напишу.

— Когда?

— Можно, не прямо сейчас...

Поскольку жизнь циклична, аналогичные разговоры с Чупиным даже после одиннадцати ночи, когда он уже возвращается к своим Кшисям, Хакамадам и пр., и пр., повторяются с завидной регулярностью, никогда не принося творческих результатов.

Помню, заключило с ним издательство договор на издание книги о Тюмени. Даже аванс по дефолтовским временам выплатило неплохой. Он честно отработал его. Посадил с двух сторон издательского крыльца по кусту хмеля. Рука у Валеры легкая. Вот и плетутся летом кусты хмеля вокруг обрешеченных окон, придавая высокую ажурность виду изнутри помещения.

Выиграл грант Валера, пришлось срочно закрывать его обязательства книгой С. Кубочкина... И характер такой у Чупина, что голос не посмеешь повесить на невыполняющего свои обязательства.

Как-то инспекция по охране и использованию памятников истории и культуры Тюмени решила издать книгу Е. Козловой-

Афанасьевой «Храмы Тюмени». Подряд отдали краеведческому издательству. Начали заключать договор с автором, порешили, что ее архитектурных экзерсисов для книги недостаточно. Было бы не грешно поместить в один том и исторический экскурс. Да и книга нуждалась в редакции. Елена Михайловна согласилась, что ту и другую работу для «Храмов Тюмени» может выполнить только Чупин.

Заключило издательство договор. Рукопись получило от Козловой-Афанасьевой. Надо было подталкивать к решению задачи и человека с легкими руками. Вот тут все и началось. По городу начали распространяться слухи: Валера решил у Елены слямзить рукопись и поставить над ней свое имя.

Встречаемся. Обсуждаем возникшую проблему. Да, Козлова согласна, что отредактировать книгу некому, да и написать историю храмов Тюмени никто, кроме Валеры, не сможет. Она даже не против того, чтобы он это сделал. А вот когда вопрос касается соавторства, тут уж Елена ни в какую: «Воровство». И все.

Закончилось все это тем, что договор с авторессой был расторгнут. А часть, которую должен был написать Чупин, — это уже другая история.

...Хотя недавно практически готовую книгу Чупина видел в компьютере нашей обшей знакомой...

170p.

**В редакции
имеются
номера журнала
за предыдущие
годы.
Обращаться:
ул. Республики, 10.**

Тел. 25-12-84